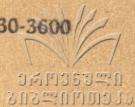

ISS № 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

12

1985

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган *Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- РЕВАЗ МАРГИАНИ. Стихи. Перевели Ната-
лия Соколовская и Татьяна Бек 3
- ГЕОРГИИ ПАПУАШВИЛИ. Лочо. Повесть. Пе-
ревел В. Федоров-Циклаури 7
- ЗУРАБ ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Стихи. Перевели
Сергей Гандлевский, Павел Нер-
лер и Лия Давтян 68
- ИОРАМ ЧАДУНЭЛИ. Рождественский бал. Ро-
ман. Окончание. Перевела Нора Нейман 73
- РЕВАЗ АСАЕВ. Стихи. Перевела с осетинского
Анна Фуникова 127
- КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. Стихи. 128

НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС

- ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Современность и гру-
зинская литература 130

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- РЕВАЗ ЧХАРТИШВИЛИ. Собственный голос 145
- ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Книга о судьбе
великого поэта 151
- ИОСИФ МЕГРЕЛИДЗЕ. Ученый-патриот 162
- ЗУРАБ ДАРСАВЕЛИДЗЕ. Часть большой судьбы 167

12
1985

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

საქართველოს
ლიბრარიონი

- МАРИНА КШОНДЗЕР.** «Не я пишу стихи...»
Творческий портрет Тициана Табидзе в русской советской очерково-мемуарной литературе 174

РЕЦЕНЗИИ

- МАРИНЭ КАДАГИДЗЕ.** «Жизнь царицы цариц Тамар». 183
АЛЕКСАНДР ЗЛАТКИН. Послание к людям 185
РОКСАНА АХВЕРДЯН. Главный герой — немеркнущая дружба 187

ЛЮДИ И ФАКТЫ

- АНДРЕ КАРБЕЛАШВИЛИ.** От Шипки до Тифлиса 191

ИСКУССТВО

- РАИСА БЕНЬЯШ.** Веселая серьезность 196
ТАМАРА ПЕТКЕВИЧ. «Перстами легкими, как сон...» 197
ЛИДИЯ ЗЛАТКЕВИЧ. Его мир материален, прочен, крепок 204

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

- ГАРУН АКОПОВ.** Они были первыми 210
-
- ХРОНИКА** 182, 190, 209

-
- СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1985 ГОД** 220

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ С ВОЙНЫ

...Не по воле моей таковое случилось,
 что вернулся к тебе я живым.

В прежнем русле Орцхали.

Жизнь — нежданная милость.

Очагов поднимается дым.

Загудели ущелья мои, заиграли
 миллионами красок своих,
 и кипящие щедрые воды Орцхали
 поднимали несмелый мой стих.

А Орцхали летит, словно в белом царевна.

И, как самый мучительный бой,
 стихла боль, что терзала меня ежедневно
 эти годы разлуки с тобой.

Я вернулся, вернулся.

Жизнь — нежданная милость.

Очагов поднимается дым.

Не по воле моей таковое случилось,
 что вернулся к тебе я живым.

НЕУЖЕЛИ...

Где-то просквозила
 роща без названья.
 Спелого кизила
 близится сиянье.

Старые волненья
 сгнули куда-то.
 Вытерлись каменя
 улочки щербатой.

Нет, не понапрасну
 пролетели годы.

Радугой погасну
 среди родной природы.

Все, что остается
 от меня на свете,
 может быть, сольется
 с дивным полднем этим.

И прольется светом
 тихих песен чудо.
 Только знать об этом
 я уже не буду.

Жизнь моя проходит,
радости и муки.
Не заметил вроде,
как родились внуки.

Неужели канет
жизнь моя, блистанье,
и последним станет
смертью испытанье.

ВСЕ ВМИГ СВЕРШИЛОСЬ...

Молния стала голубкой ручною.
Вьется, хлопочет над кровлею дома.
Точно посредник меж небом и мною,
меж тишиной и разрывами грома.

Только все было уловкой, не боле,
как прояснилось позднею ночью.
На обомлевшее сонное поле
неба ночного сыпались клочья.

Небом ночным осыпана кровля,
точно последними листьями рощи.
Черное облако бьется и ропщет,
молниеносной наполнено кровью.

Вот что голубка моя натворила.
А притворялась мирной и белой...
Молнии дикой темная сила
блещет одна над землей оробелой.

КОГДА СМИРЮСЬ

Когда смирюсь, тогда скажи мне,
что кончено со мною всё.
Пусть на меня прольется ливнем
презренье горькое твое.
Когда собой доволен буду —
пустой, зарвавшийся рифмач, —
меня прогонишь отовсюду,
сама — смятение и плач.
И если, времени в угоду,
я изменю свое лицо,
ты брось без сожаленья в воду
подаренное мной кольцо.

Выбивая жизнь из колеи,
Память открывает, словно ключ,
Старые ранения мои!
Я с бедой стою плечом к плечу,
Промороженный на сквозняках...
От войны избавиться хочу —
Не могу избавиться никак.
...Луч июня ярок, да не мил,
Тучи над открытой головой —
Я в Тбилиси. Раскололся мир.
Только посвист слышен пулевой.
Сколько я рассветов провожал,
Гневно глядя в сторону врага!
Юноша, я быстро возмужал.
Затемнение. Окоп. Пурга.
О, с минувшим связь не прервалась —
Наплывает много раз на дню...
И, над раненой строкой склонясь,
Я осколки бережно храню.
Этого в стихах не передашь, —
Как виденья множатся в ночи —
И бормочет озеро Сиваш,
И гудят пожарища в Керчи!
Даже в самый безмятежный час,
В одиночестве оставшись, я
Снова, снова окликаю вас,
На войне погибшие друзья.
Вы убиты? Вас не побороть!
Был ваш дух отважен и высок.
Мы делили на войне ломоть...
Мы делили на войне глоток...
Доверяюсь вашим голосам
С каждым годом горше и нежней.
И покуда существую сам,
Воспеваю мужество друзей.
Нет! Не только в памяти она.
Даже плотью ощущаем мы,
Что судьбою впитана война,
Все четыре страшные зимы.

Перевела Татьяна БЕК.

ЛОЧО — П о в е с т ь

Кто такой Лочо?

Он родился и вырос в деревне Каканас Сэри. В те годы на перевале двух веков не сыскалось ни одного человека, способного побороть Лочо. А так как за свою разудалую молодость он нанес поражение всем борцам, то редкий из сверстников хвалил его: сын вора этот Лочо, о чем еще тут говорить? И непременно добавят, что и приврать был горазд, да к тому же драчун и задира.

Оказывається, Лочо — это прозвище. А настоящее имя его — Иванэ.

Борец? Каким борцом был? Стоит задать такой вопрос, как какой-нибудь лядащий старикашка протрет слезящиеся глазки, побряхтит и заявит:

— Захоти я, так одной левой свалил бы вашего Лочо, кабы немного не струсил. — Потом прокашляется и добавит: — Не будь его, так в нашей деревне и колхоза бы не сколотили. И тогда бы мои Тапла и Швинда находились бы у меня дома...

— О каких Тапла и Швинда бормочет он? — сразу вмешается кто-нибудь.

— О тех быках, что в колхоз загнал...

— Как сейчас помню коллективизацию, но ты не только Тапла и Швинду — ягненка не привел. Кроме зазубренного топора, никакой корысти от тебя не было, да и тот ты стащил у Зураба из кузницы, — хихикнет другой старичок, чем и развеселит всех.

За это время вам наверняка сообщат, что этому болтуну и во сне не побороть Лочо.

Так или иначе, но факт остается фактом. Не удается найти человека, который бы мог похвастаться побе-

дой над Лочо. Это вам подтвердят все, кто никогда не боролся и не дрался с Лочо, а бывших борцов и спрашивать не стоит.

Однажды, как передают, он даже с самим знаменитым Сандро Канделаки схватился. Словно буйволы, целый час напирали друг на друга, да ни один не добился перевеса; так и развели их. Не развели, сами разошлись. А то — развели! Развести их всей деревне не под силу... И пуле не настичь его. Однажды, дело было около Земганской пустоши, напали на него разбойники. Так сколько ни палили по нему, ни одна пуля даже не задела его — ото всех увернулся.

А как танцевал Лочо! Быстрее смерча крутился. Как завертится на месте, да присядет резко, так шапка его и зависнет в воздухе, пока он не обойдет вприсядку круг и не вернется на старое место.

Тут-то и выпрямится сразу, а шапка точно на макушку усядется.

Через трехметровую стену перемахивал, не опираясь на руки. Измерить длину его прыжка — нечего было и стараться. До двадцати успевали сосчитать, куда он летел в воздухе.

А силища была! Ухватится за соху — восемь пар быков с места сдвинуть не могут, либо ручки оторвутся, либо шкворень сломается, либо постромки лопнут. Однажды со скирды дотянулся до арбы и поднял ее вместе с быками и аробщиком. Еще такое случилось под Тбилиси: увидел Лочо у станции Вали конного на рельсах. Конь взбесился, вертится на месте. А поезд все ближе и ближе. Бросился Лочо, поднял всадника вместе с конем и сбросил с насыпи на землю. Очевидцы добавят, что поезд остановился, а Лочо пожаловали тремя золотыми десятками. Всадник же настолько был признателен Лочо, что отменный чоха-ахалухи подарил ему. Прямо со станции повез парня в город и там на Рикском базаре сумел отыскать чоха-ахалухи по росту.

Единственным светом в окошке была для Лочо Машо — полутораметровая, боевая и кудрявая жена его. Если они отправлялись в гости куда-нибудь далеко, то Лочо сажал на руки свою половину и, только дойдя до места, опускал на землю. А ходить в гости, чего уж тут скрывать, Лочо любил. «Человек, — гова-

1935
3027
0110333

ривал он, — должен либо кутить, либо пашню обрабатывать, либо развлекаться». О том, что он называл жу-тежом и обработкой пашни, я сейчас расскажу, а что подразумевал под развлечением — об этом немного погодя и поподробнее.

Во время кутежа ему требовалось не меньше барана и трех ведер вина. Придвинет поближе огромный кувшин, черпанет крынкой и потягивает себе, смакуя. Тушу барана раздерет на восемь-девять кусков и варит в чане. Потом, ухватив понадежнее за кость, прямо из кипятка выхватит кусок и одним махом обгложет.

О жатве и говорить нечего: засеянное в неделю — жал за день и даже быстрее. Жатву любил за обильность. «Достоинство человека, — считал он, — проявляется во время войны, жатвы и за столом. Пахота — дело доброе, да муторно за быками плестись». Зато копающего даже вида не переносил — за сохой хоть вперед идешь, а этот, с лопатой, раком пятится. Попробуй-ка, побегай задом наперед, много ли набегаешь? Какая польза от человека, который работает так? Поэтому и повелось, что копать и пахать ему помогали односельчане, а в пору жатвы Лочо с лихвой отплачивал всем. Кроме того, ни одну вдову, ни одного сироту не обходил Лочо помощью.

Но если случалось недоспать, ни за одно дело не принимался.

«Лучше сна, — говаривал, — ничего не придумаю богом». Прежде чем приступить к работе, отоспится вволю, а потом за дело примется. Выспавшийся — за день переделывал все, на что невыспавшемуся неделя требовалась. Во время сна и тело и голова отдыхали.

В полдень и пальцем не пошевелит: ветерок и тот угомонился, а я кто такой, чтобы покой нарушать? Вот и весь сказ. В полдень надо плотно пообедать, а затем растянуться и задремать. Спадет жара — вчетверо больше наработаешь. Трудовой день мужика — утро да вечер.

Была у него странная привычка — всюду таскать за собой Машо: и на жатву, и на сенокос, и в поле, и на виноградники. Усадит ее, бывало, на одном конце

поля, а сам начинает жать с противоположного. Жнет рьяно и только временами покрикивает:

— Ты там, Машо?

— Здесь, Иванэ!

— Вот ты там... и я тоже скоро буду там! — глядишь, через несколько минут и впрямь оказывается рядом.

Сидит Машо в тени, вяжет носки и, довольная, слушает шелест колосьев. Радостно улыбнется мужу, отжавшему полосу, а Лочо больше и не надо.

Радуется Лочо, что у него такая преданная жена. Радуется Машо, что муж ее — вылитый лев.

— Кто сильнее, ты или Амирани? — спросит, бывало, когда Лочо присядет передохнуть в тени.

— Какой Амирани?

— О котором сказки рассказывают.

— Амирани сам бог не мог одолеть, где уж мне с ним равняться? Говорят, даже земле невольно было носить Амирани.

— А Ростома?

— Ростома я бы поборо. Потому что... Его же поборо. Зураб, а чем я хуже Зураба? Если бы Ростом был героем, он бы не убил Зураба и не стал бы рабом черного араба. Я бы землю грыз, но рабом бы ни за что не стал...

Кончится жатва. Сядет Лочо у очага, свесит между колен длинные руки и скажет жене:

— Эх, мало в мире дел. Вот и отжали, чем бы теперь заняться?

— Разве все дела переделаешь? Встал бы да принес дров.

— Тоже, скажешь. Экая невидаль — дров принести!

Уходил и притаскивал такую вязанку, что двум буйволам не под силу. Бросит под навесом:

— Вот тебе дрова... Чем бы теперь заняться? Только говори, что нынче требуется, на потом не возьмусь. Каждому овощу свое время.

— Сено из поймы забыл принести?

Шел Лочо к реке, притаскивал стог и снова тербил Машо:

— А теперь что вашей душе угодно? Твоя саб-

ля — моя шея. Хочешь, выверну эту гору и прямо к крыльцу притащу?

— И-и, скажешь тоже. На кой черт мне твоя гора! Ложись да спи!

— Спать?! Сыграй-ка назад! Пойду маломощным помогу. Медведь, и тот лишь зимой спит, а я с какой стати летом завалюсь? Чем бы я отличался от медведя?

Отличие же было мизерное. Круглый год не спускал Лочо с плеч овчину, а с головы — кожаную шапочку. На ногах — шерстяные носки да каламани из бычьей кожи. Одним словом — медведь медведем. «Если кожа не пропускает холода, то жару подавно не пропустит». Эти слова он слышал от деда и накрепко запомнил их. Только ни один медведь не смог бы сравниться с ним ростом и силой. Старожилы помнили, что в окрестных лесах медведи водились во множестве, но едва зачуяв Лочо, урча, пускались наутек, да так и перевелись. Удивительно, откуда они знали этого человека. Рассказывают и такое: как-то во время медвежьих свадеб поймал Лочо парочку «хозяев», самца и самку, и за шиворот приволок домой. Дома сплел огромную корзину, запихнул туда медведей и понес их в город. У Сираджханского спуска уступил их одному духанщику за вино, которое тут же выпил и вернулся домой довольный. Но лучше я буду рассказывать по порядку, подробно и складно.

Несколько слов о родителе Лочо

Говорят, отец Лочо прямо на седьмое небо вознесся, узнав о рождении сына. У новорожденного были такие плечи и шея, что сразу можно было сказать, тот еще бугай вырастет. Если даже работать не научится, то одним своим видом да силой сумеет прокормить себя. Этой мысли и впоследствии не изменял отец, частенько внушая сыну:

— Заруби на носу, сынок. Мир этот переполнен разбогатевшим ворьем да сукиными детьми — чиновниками. Большинство только и ищет где бы урвать. Если ты не украдешь или не отнимешь — лучше тебе

не жить, поскольку чиновники, попы и торгаши — вор на воре, а когда вор у вора крадет — бог радуется.

Лочо с молоком матери всосал отцовские наставления и не оставлял в соседских садах и огородах ни огурцов, ни помидор, ни фруктов; а слыша проклятия соседей, посылаемые на его голову, прямо давился со смеху.

— Знаешь ли, сынок, что значит быть сыном отечества?

— Не знаю.

— Слово отечество пошло от слова отец. Сын отчества тот, кто чтит отца своего и род свой. Если кто нанесет обиду отцу твоему или предкам твоим — умри, но не прощай. Долг платежом красен.

А Лочо кивает головой, соглашаясь с отцом, и бегаёт за ним повсюду. Но стоило ему немного подрасти, как зародился у него такой вопрос:

— Папа, откуда на свете берется воровство?

— Если бы не было воровства, чем бы кормились судьи и адвокаты?

— Почему?

— Откуда мне знать почему? Возьми да разберись, может быть, ты в прокуроры метишь?

— Нет, я хочу узнать, почему люди воруют?

— От тяжелой жизни.

— А у кого воруют, тому не тяжело жить?

— Нет, у того много.

— А кто ему дал много?

— У другого украл.

— А тому, другому, кто дал?

— Ох, этот чертенок всю душу из меня вытрясет. У другого было, а то где бы ему взять?

— А откуда было?

— Украл.

— А тот, у кого украли?

— Тот обеднел, и ничего не осталось.

— Вот ты воруюешь и работаешь вдобавок, почему бедно живешь?

— Потому что и у меня воруют.

— Скажи, кто у тебя ворует, я ему задам, до нитки обчищу!

— Староста, есаул, стражники, уездные начальники, царь и все его визири.

— Ага, это они, значит, воры, вот кому мы должны отомстить, если мы мужчины.

— Многие люди с рождения бандиты и волки. Попробуй, дай грудному что-нибудь, а потом отбери — увидишь, что будет. Весь мир на ноги поднимет. Вот посмотри на руку, все пальцы разные, угадай, если голова на плечах есть, почему?

— Знаю, сейчас скажешь, что всегда такими были.

— Не торопись, не то хочу сказать... Вот этот палец, — отец показал на большой, — сказал: «Я хочу есть!» А вот этот, — отец помахал указательным, — говорит: «Нет у нас». А этот, — отец выставил средний, — предлагает: «Давайте украдем!» Безымянный отсоветовал: «Если будем красть — нас поймать могут». А мизинец, — тут отец поднял мизинец: — «Поймают и пусть поймают, наплевать!» Он-то и отправился воровать, да попался, оторвали ему башку, поэтому-то он такой недомерок. А вот этот, большой, самый жирный из всех, он привык обжираться. Заварил кашу, есть, мол, хочу, а самому наплевать, как еда достанется. А средний гляди какой смелый, поддакнул, подбил мизинца, а сам в кусты. Другого втравил, а сам сыт, — вот почему они разного роста.

— Если вору ничего не достается, зачем он тогда ворует?

— Для других, сынок, для других, для разжиревших ворует. Те не прочь сладко поесть, а сами добывать не умеют.

— Этот пальчик должен идти воровать, его бьют, отрывают ему голову, а те жиреют. Такого не должно быть.

— А как бы ты хотел?

— Я бы хотел, чтобы все пальцы были одинаковыми.

— На что бы тогда были похожи наши руки?! Если все пальцы будут одинаковы, смотреть противно будет.

— Значит, ты согласен быть мизинцем и воровать?

— Я так и жил. И тебе не миновать этой дороги. Не теряй старой тропинки и старых друзей.

— Я найду новую. Кто меня обидит — я тоже того обижу, кто у меня украдет — и я того обворую. Какое мне дело до других? Вот посмотришь, если нет. Сколько я видел старых, заброшенных дорог, лучше протопчу новую да буду по ней ходить.

С этого дня Лочо и лишился покоя. Все думал, как бы ему отыскать такую дорогу, на которой его никто не обидит. За это время он вырос, и отцу осточертело его безделье. Вот он и заявил:

— Как жрать, так тебе барана не хватает, а принести в дом — так тебя нет. Или отправляйся отсюда на все четыре стороны, или делай, что велю.

Что оставалось Лочо? На четыре — так на четыре. Отделился он от семьи, и полушки ему не досталось.

— Что у меня есть, чтобы тебе дать? — отрезал, оказывается, отец. — У тебя все впереди, а я уже одной ногой в могиле. Дом полон ртов. Тут я должен просить, а ты давать.

Так и остался Лочо ни с чем. Правда, достался ему в наследство не то курятник, не то амбар. Только и достояния, что двухметровый рост, саженные плечи, да умение давать подножки и бить головой, как тараном.

Вышел как-то Лочо на распутье и призадумался: «Куда податься?». Шел мимо прохожий — иди, говорит, к лесу; шел другой — посоветовал к полю пойти; третий за реку показал, четвертый... Четвертым оказался отец:

— Дам я тебе один совет. Хочешь — слушай, а хочешь — мимо ушей пропусти.

И рассказал вот что:

— Однажды я очутился в твоём положении. Ума не приложу, за что приниматься? Потом занял пару волов, запряг вместе со своими и отправился пахать. А пахать нечего. Все поля заняты. Дорогу обрабатывать — себе дороже. Тогда подговорил я брата, и отправились мы с ним и со всем нашим снаряжением на самый лучший участок. Знаешь, какая земля была? Господские угодья. Обрабатывал ее Ленто с братом. Они как раз пахали и страшно удивились нашему нашествию. Спрашивают, чего нам здесь надо? «Сейчас увидите», — сказал я. Поддал ногой их соху, аж она за реку перелетела, мазанул и им по разу и заставил убраться.

Потом перепахал все. С тех пор эта земля принадлежит мне.

— А братья что сделали? — спросил Лочо.

— Повернулись и пошли к Жабуташвилиевскому Саба, которого иначе, чем горемычный, никто и не называл. У того на пару с братом один бык имелся, другого выпрашивали Христа ради. Запрягали их в соху, жена — погонщиком, и делали вид, что пашут. Увидел он разъяренных мужиков, испугался, чего им нужно, да те на него даже не взглянули, разорвали упряжь, выгнали быков и пашню отобрали и соху.

— А дальше что?

— Дальше — вспахали, и делу конец.

— А Саба что?

— Схватился за голову и поплелся восвояси.

— А потом?

— Потом нанялся в работники. Была у него землянка, ночевал там. Перед самым Рождеством простудился и отдал богу душу.

— А потом?

— А потом — суп с котом. Не понимаешь, к чему я клоню? Собака волка боится, кошка — собаку, а мышь — кошку. Лучше всего волком быть, а не выйдет, становись собакой либо кошкой. Лиса почему хитрит? Потому что есть посильнее ее. Медведю либо льву хитрость ни к чему. А слону... Об нем и говорить не приходится... Даже дереву бороться приходится: на одном стволе две прививки по-разному принимаются. Иди куда душа желает, но если случится найти на дороге мешок, не побрезгуй поднять его. Даже если покажется, что девяти пудам не вместится в нем, все равно подними. Говорят: не зарься на принесенное и на унесенное ветром, но если ветер к порогу золото наметет, не отказывайся. Еще говорят: непрошенный гость не садись во главе стола. Но заруби на носу, если и не просят, все равно лезь вперед. Запомнишь мои слова — будешь жить, не запомнишь — не будет жизни... Еще бы сказал...

— Давай, выкладывай, коли начал.

— Не думай, что при разделе я тебя обделил. Больше того, чему я тебя научу, никто тебе не даст. Пусть

прямо в сердце тебе западут мои слова, продень их в уши и носи, как сережки: не существует в мире ни плохих, ни хороших людей. Мы в себе — и плохие, и хорошие. Скажи о ком-нибудь, что он дрянь, и народ поверит. Похвали, и этому поверят. Каким бы хорошим ты ни был, для кого-нибудь ты все равно плохой, и что тебе в том, что ты хороший. Поэтому живи, как бог на душу положит. Пусть брешут, что хотят, ругают или хвалят. Кто о тебе плохое скажет, и ты того облей грязью, хорошее, и ты похвали такого. Как бы плох ты ни был, по крайней мере для одного человека ты всегда будешь хорош, а что тебе еще надо?

— Кто же этот один?

— Кто? Да ты сам. У другого отнимешь, — даже если весь мир недоволен будет — по крайней мере брюхо тебе спасибо скажет, и то неплохо.

— Еще? Что еще скажешь мне?

— Что еще тебе сказать? Сам выбирай свою дорогу, но запомни мои слова. В работе не надрывайся, впроголодь не ходи. Старайся полегче прожить. Ни на похвалы, ни на ругань внимания не обращай. Любой путь справедлив, лишь бы можно было набить брюхо да одеться. На первый случай запомни это. Остальное — потом. Теперь ступай... Ищи свою долю... Если найдешь что-нибудь дельное, и обо мне не забудь.

Поиски доли

Пораскинул Лочо умом: послушаюсь-ка отца да отправлюсь долю свою искать. А куда идти? Схожу-ка для начала в соседнюю деревню, там, кстати, борцы собрались, большая борьба устраивается, попытаю счастья: поборюсь, а там, глядишь, и прославлюсь. Надо сказать, что Лочо никогда не боролся с односельчанами. Родная деревня — та же семья, считал он, а что за геройство брата своего повалить?!

Чуть свет отправился Лочо на борьбу, а когда дошел до самой околицы соседнего села, понял, что пришел слишком рано, никого на площади нет, и решил немного отдохнуть. Неподалеку высились пять-шесть стогов сена. В одном из них Лочо вырыл нору, забрался в нее и растянулся на спине, устремив глаза в небо. «Вот бы здорово было, если бы господь сбро-

сил сейчас мне кошель с золотом, враз бы разбогатель». Тут же вспомнились слова отца о мешке на дороге, которым не стоит брезговать, даже если он девяти пудов не вмещает. С такими мыслями и заснул. Проснулся от того, что какие-то люди ходили около стога. А те, увидев, как в сене заворочалось что-то громадное, испугались не на шутку, один даже успел вскочить на коня и собирался задать стрекоча. Но Лочо приветливо поздоровался, чем и успокоил их.

— Подойдите сюда, братцы, что вы от меня бежите, что во мне такое увидели?!

Незнакомцы перевели дух, приободрились и подошли ближе.

— Что за дело у вас? — спросил Лочо. — Что с вами стряслось? Может быть, вроде меня, долю свою ищете?

— Сенца бы нам, — вперебой заговорили незнакомцы, показывая на свои арбы, стоящие неподалеку, — третий день ищем, с самой Кизикии у всех спрашиваем, никак купить не можем. Продай, будь другом.

Вспомнил Лочо отцовские наставления: «Если ветер наметет к порогу золото — не отказывайся» и не задумываясь ответил:

— Если такое дело, так чего же вы убежать собирались? На что мне столько сена, если не на продажу? Потому и торчу здесь, чтобы с рук сбыть. Один стог для скотины оставлю, а остальное пусть вам идет.

Обрадовались аробщики. Тут же отсчитали кредитки Лочо, а сами принялись набивать арбы сеном.

Когда денежки очутились в кармане, у Лочо возникла новая идея:

— Грузите не торопясь. А мне одолжите пока вашу лошадку, съезжу в деревню и привезу пару ведер вина. Зазорно мне будет продать столько сена и не угостить вас. Познакомимся поближе, выпьем за здоровье друг друга и разойдемся. Не чурбаны же мы бесчувственные.

Обрадовались покупатели. Похвалили Лочо и лошадь полвели. Сел наш молодец в седло, и айда в деревню. Подскакал к тому месту, где боролись, и объехал кругом. А надо сказать, что тогда Лочо еще в хо-

лостяках ходил, но уже давно заметил Машо. А Машо была именно из этой деревни. Не видя ее среди зрителей, достал Лочо из кармана пачку ассигнаций, потряс ими и закричал:

— Где моя голубка?! Пусть полюбуется мной, каков я молодец, сколько у меня денег и какая лошадь подо мной!

Затем привязал лошадь к дереву, а сам вошел в круг:

— А ну, кто храбрый, выходи, поборемся!

Машо в это время стояла в толпе девушек и все видела. И Лочо видела, и лошадь. Выходка Лочо ей понравилась. Но от того, что понравилась, она застеснялась, а застеснявшись, и без того маленькая, еще меньше стала.

Сначала никто не решался выйти против Лочо, стояли и подзуживали друг друга. Потом по одному стали выходить. Первый вышел... Лочо бросил его на лопатки. Вышел второй и... этого придавил к земле. Вышел третий и... в этот момент закричали:

— Эй, за деревней драка!

Лочо разом смекнул в чем дело, но подумал: «Этого поборю, а там видно будет!» И третьего припечатал к земле. Потом натянул на плечи свою овчину, отряхнул о ладонь кожаную шапчонку и попросил стариков:

— Принесите ведра два вина, с десятков лавашей, немного сыру, а тех драчунов я сейчас уйму.

Разом зашевелились старики. Принесли и вино, и снесь, какую просил Лочо, и стали уговаривать: «Если сумеешь развести их, не дашь крови пролиться, будет тебе от нас еще тридцать ведер вина и ягненка подарим придачу».

Вскочил Лочо на лошадь, приказав, чтобы ни один не смел ходить за ним, и поскакал к дерущимся.

А вышло так, что едва аробщики нагрузили первую арбу, как увидел это хозяин стогов, крикнул домочадцев и примчался узнать в чем дело, тут и началась драка. Аробщики клялись, что купили это сено. Хозяин кричал, что они бессовестные воры и больше никто. Драка была в самом разгаре, дело уже до вил дошло, в это время и подскакал Лочо.

— Это что такое?! — заорал он, и услышав его трубный глас, все неволью остановились.

Он подъехал ближе, спрыгнул с лошади, снял седла хурджин и бросил к стогу.

— Садитесь все! — приказал он, и все подлились.

— Разве мыслимо в такое время драку заводить, мордовать друг друга? Посмотрите, какая тишь и благодать на земле. Я продал людям сено, и деньги при мне. Чего же скандалить? Съем я их, что ли?!

— А что мне со скотом-то делать? — почесывая затылок, промямлил хозяин сена.

— Вот, целую скирду оставил, неужто твоей скотине не хватит?

— Масленица уже прошла, весна на носу, к чему мне больше? Стога за глаза хватит, но как ты узнал? Небось, сказали, что я продавать собираюсь?

— Так-то лучше будет, садитесь поплотней.

Снял Лочо шапку, смахнул пыль ладонью, наполнил ее вином и произнес:

— Давайте, дорогие мои друзья, выпьем за тех молодцев, которые о себе и о других беспокоятся. Кто пожелает ближнему добра, пусть тому добром и воздастся. Каким бы человеком я был, если бы не поспешил на помощь этим людям, видя, как одни нуждаются в сене, а другой ищет, кому бы продать. И тем угодил, и этим. Если бог зачтет мне это доброе дело — хорошо, не зачтет — черт с ним... И еще... За здоровье моей Машо, за мою голубку... Кто не выпьет за это — тот не мужчина!

Поднял и опорожнил шапку. Затем снова наполнил ее и вручил хозяину сена. Тот несколько раз взглядом прикинул величину шапки и объем своего живота, но, не видя выхода, приподнял ее обеими руками и с большим трудом отпил до половины.

— Э, нет, так не годится, до дна пей! — подгонял Лочо. — Наши предки, говорят, как присосутся к кувери, литров этак на пятьсот, — только на дне оставят, а ты эту камилавку выпить не можешь.

Хозяин собрался с силами и, поминутно отдуваясь, выпил. Затем передал аробщику. Тот — другому. Выпили все. Отяжелели и уснули. А тут уже вся деревня сбежалась узнать в чем дело. Увидя это, Лочо оставил

спящих сотрапезников, сел на лошадь, вернулся в пустую деревню, отыскал Машо, посадил перед собой и помчался в сторону Каканас Сэри.

Только к ночи, расспрашивая попутно всех, с большим трудом аробщики и хозяин сена нашли хижину Лочо. Лочо, протирая глаза, вышел навстречу незваным гостям и с улыбкой сказал:

— Знаю, друзьями явились вы ко мне в дом, верно, прослышали, что я девушку умыкнул, и пришли благословить нас чарочкой. Да воздаст вам бог, милости прошу!

Пригласил гостей. Уж и кутнули они! А вино было из тех запасов, что старики принесли. Лочо пил большой чашей, гости — стаканами. Когда все уже были на взводе, Лочо вытащил деньги и стал отдавать их хозяину, но тот настолько размяк от такого великодушия, что, видя к тому же бедноту жилья молодых, наотрез отказался взять их:

— Не желаю. Пусть тебе останутся. Ты — новосел, тебе больше пригодятся. Сердце кровью обливается. Такой молодец, а живешь хуже нищего. Возьми себе и трать, как хочешь. А у меня еще десять... двенадцать стогов сена в другом месте припрятаны.

И аробщики не взяли лошадь. Благословили молодых и при этом сказали:

— Лучшее украшение коня — наездник. Садись на него и пользуйся. Только, ежели что случится, мы на тебя надеемся, так и знай. Больше ничего. Будь нашим другом, ждем тебя на все торжества.

Так появились у Лочо и лошадь, и деньги. А он не преминул тут же закупить на все эти деньги шелка и парчи для жены. С ног до головы увешал ее бусами и разными побрякушками и в таком виде показал людям. А лошадь украсил новым седлом, попоной и наборной серебряной уздечкой. Проедет, бывало, по селу, ни один не пройдет, чтобы не оглянуться. Много разговоров ходило тогда. Говорили, что сам господь сбросил ему с неба мошну с золотом, когда он долю свою искал. Говорили — в дагестанских горах несметный клад откопал. Говорили — ограбил разбойников и с того зажил. Но никто лучше нас не знает, какой клад отыскал Лочо и с чего он разбогател.

Отец Машо жил довольно зажиточно. Но, затаив обиду на Лочо, дочку, мол, похитил, — в приданом отказал. Лочо это задело, но горевать он не стал. Однажды ночью забрался в коровник тестя и увел лучшую из коров.

Где только ни искал пропавшую корову тесть Лочо, даже следа не нашел. В конце концов, не солоно хлебавши, обратился за помощью к зятю. Ты, мол, парень хоть куда, тебя каждая собака знает, может быть, тебе посчастливится.

— А чем одаришь мою Машо, если отыщу твою буренку? — начал торговаться Лочо.

— Только найди, а там, что ни попросишь — все куплю. Такое приданое отгрохаю, принцессы от зависти сдохнут.

— Коли так, ступай и будь спокоен, — обнадежил его Лочо и на следующее утро привел корову обратно.

— Эй, выходи, забирай свою скотину!

Выскочил тесть на крыльцо и не знает, что от радости сделать. Зазвал Лочо в дом и такой пир устроил... И приданое не замедлил купить. Но жадность все-таки сильнее его оказалась: утаил кое-что из купленного. Зато всем соседям растрезвонил: корова, мол, и половины того не стоит, что за дочкой дал.

Узнал об этом Лочо, но виду не показал. Отшутился пословицей: «У экономящего на мясе больше хлеба уходит».

А у тестя по-над речкой Иори был прекрасный участок пашни. По весне на пахоту по десять—двенадцать пар быков запрягал, а плуг и бороны его по всему краю славились. Про хомуты и упряжь и говорить нечего. Только вошло у него в привычку плуг на ночь оставлять прямо в борозде, где ночь застанет, а упряжь прятать в кустах. Лочо все это было известно. Вот и пошел однажды ночью да все снаряжение и унес. Унес и запрятал в чаще леса. Тесть словно белены объелся. То по берегу мечется, то в лесу ищет, то в воде шарит — как не бывало. Нечего делать, пришлось снова ломать шапку перед Лочо.

— Яви милость, подсоби, ради бога, только чтобы с пахотой не запоздать. Что из приданого недодал, с лихвой возьмешу.

В тот же вечер приволок Лочо и плуг и упряжь, сказав, что еле-еле нашел на окраине Шиблиани. Тесть сдержал слово: взвалил на лошадь постельное белье, а пятиаршинный ковер самолично принес на руках.

С этого дня они стали дружны. И у тестя ничего больше не пропадало, и у зятя появилась нормальная постель. Спокойно ходил теперь Лочо на работу, жал и кутил. Но всюду таскал за собой жену. Усадит, бывало, Машо на краю нивы, а сам начинает жать с противоположного края. Жнет да покрикивает время от времени:

— Машо, ты там?

— Здесь я, Иванэ.

— Вот ты там и... я скоро тоже буду там.

А когда заканчивал жатву, садился у очага, опускал свои длинные руки и говорил жене:

— Видишь, женщина, дел на земле с гулькин нос. Жатву кончили, за что теперь приниматься?

— Принеси дров.

Приносил.

— А теперь?

— Теперь ложись и спи.

— Спать? Медведь, и тот зимой только спит, а я с какой стати летом должен? Лучше не спать, чем спать. Шляющаяся лиса лучше, чем валяющийся лев. Пойду, помогу нуждающимся, или просто по деревне поброжу, людей посмотрю, — набрасывал на плечи овчину, нахлобучивал кожаную шапку, взваливал на плечо дубину и выходил со двора.

— Лочо, далеко ли собрался? — спросят его.

— Не знаю, на мир посмотреть. Если обнаружу где кривду, искореню и вернусь.

— С кривдой справиться и богу не под силу, а ты откуда такой выискался, чтобы за это дело братья? — кричали ему вслед.

Но Лочо не обращал внимания и шел своей дорогой.

16 09 35 0 4 0
8 1 0 2 0 0 1 0 0 3 3

Сразу за деревней Каканас Сэри проходил почтовый тракт. Им-то и добирались до Тбилиси. Садились на дилижанс и ехали. Дорогой попадались почтовые станции, где меняли лошадей, с неизменными «комнатами для отдыха» и бойкими духанами. Одна из таких станций была и в Каканас Сэри, местные жители звали ее просто «почтой». Почтовый духан славился своей торговлей. Духанщик заламывал невероятные цены и ужасно не любил отпускать в кредит. А если и случилось, то сдирал с должника три шкуры.

Однажды сосед Лочо зашел, на свою беду, в духан. Работал в поле неподалеку, надоело есть одну фасоль и решил купить колбасы. Денег, конечно, при нем не было, пришлось просить в долг. Духанщик не отказал, но через неделю навестил должника и унес от него целый пуд зерна. Крестьянин пожаловался Лочо, а Лочо не долго думал.

— Не горюй, Васико, — так звали соседа, — иди, работай, а я за тебя заплачу.

И напрямик отправился в духан. Вошел, напустил на себя грустный вид и с такой силой хлопнул ладонью по бедру, что духанщик от неожиданности выронил тарелку.

— Что с тобой, Лочо, что случилось?

— Если бы случилось! Язык не поворачивается сказать, — отвечал Лочо, — все, как по пословице. «У счастливого жена умрет, у несчастного — бык».

— Скажи, наконец, что стряслось?

— Эх, — снова ударил по колену Лочо, — пропал я!

— В чем дело, скажи!

— Эх... Продам ли?... Продам ли?...

— Что продашь?

— Ответь мне, продам или нет?.. Такой жирный. Одно сало, эх-хэ-хэ, па-па-па...

— Что, из скотины кто сдох? — обрадовался духанщик.

— Если бы сдох! Ногу сломал, эх... Ты же знаешь моего быка? Ногу сломал. Такой упитанный —

слов нет... Продам ли?... За гроши уступлю, боюсь, испортится в такую жару.

— Продашь, как не продать, милый мой, и бере-
вать не стоит!

— Не стоит, думаешь? — жалобно посмотрел Лочо на духанщика.

— Успокойся, не расстраивайся. Хотя ты и предлагаешь за бесценок, но я тебе сполна заплачу, не расстраивайся.

— Если так, тащи сюда два кувшина вина да шашлык приготовь. Может быть, отойду немного.

Обрадованный духанщик тут же кинулся жарить шашлык, нацедил вина, приготовил зелень.

— Вот проклятье, одному кусок в горло не лезет. Пойду, взгляну, может кого из соседей увижу, приглашу посидеть со мной.

С этими словами Лочо вышел, позвал Васику и еще с десяток крестьян прихватил с собой, и всей оравой ввалились в духан.

— Проходите, ребята, справим поминки... Поминки, которые я превращу в свадьбу. Когда у человека бык ногу сломает... Ну, давай твое вино, мясо тащи! Окупит ли мой Швинда эту снедь?

— Окупит, дорогой, окупит. Чего убиваться, — пуще прежнего радовался духанщик. Мигом принес все, что требовал Лочо. Пир разгорелся. Временами Лочо покидал стол, выходил во двор и, ворча, возвращался обратно.

— Эх, не видать этого недотепу, моего брата. Я велел, чтоб он за мной присылал, а вот смотри... Свежевать-то осталось — кот наплакал, а там уж... разделал да погрузил на лошадь.

— Это ты такой скорый, вот тебе и не терпится, — успокаивал его духанщик. — Не нервничай, привезет, если ты в самом деле велел ему.

— Что значит «в самом деле велел»? Не то что велел, а и того больше... Сказал, сейчас сбегая в духан, погляжу, есть ли у них мясо, если есть — вернусь, нет — буду тебя там ждать.

— Слава тебе, господи! — успокоился духанщик. — Наверное, ждет тебя. а как увидит, что ты не возвращаешься, погрузит и привезет.

— И в самом деле! — просиял Лочо. — Как я сам не догадался, совсем спятил.

— А как же, дорогой, разве легко, когда бык падет? — как бы сочувствовал ему духанщик. — Что бык падет, что дом обрушится — все едино.

— Эх, на роду, видно, написано... Повтори-ка все еще раз!

Кутеж затянулся. Мужики успели спеть «Мравал-жамиэр» и «Хопуну». Время от времени Лочо выходил по нужде, заодно делал вид, что смотрит в сторону деревни, и гневно возвращался обратно.

— Смотрите, что этот непутевый выделывает, а?! Детство в нем гуляет. Не могу я больше ждать. Побегу, задам ему жару. А вы, ребята, — повернулся он к «ребятам», — ничего на столе не оставляйте.

И ушел. Пришел домой.. Лег и уснул. «Ребята» все подчистили, вино допили и пошли продолжать работу.

До ночи ждал духанщик. Потом, раз уж Лочо не возвращается, отправился к нему сам.

Проснувшись от собачьего лая, Лочо мигом смекнул, кто к нему пожаловал, но послал Машо:

— Сходи, посмотри, кого еще черти принесли?

Машо выглянула и сказала кто там.

Лочо встал, распахнул дверь и, зевая, прислонился к дверному косяку.

— Чего тебе?

— Не знаю, Лочо. ты же говорил, что бык ногу сломал, и мы вроде бы договорились.

— Чтоб твоему быку да и жене заодно ноги сломать, — ответил Лочо, — когда за полфунта колбасы содрал с Васико пуд зерна, думал, тебе это так сойдет?

— Э-э-х, — горько вздохнул духанщик, — чуяло сердце беду, когда ты с Васико заявился, да что оставалось делать? Собственными руками могилу себе вырыл.

— Это уж точно, — подтвердил Лочо, — ступай и помни этот случай. Скажи по правде, съели мы у тебя на три пуда зерна? Если нет — завтра еще приду.

— Одного винища три ведра выдули, будь ты не-

ладен, — взвыл духанщик, — а шашлыки — сплошь из вырезки.

— Давай, двигай отсюда, — разозлился Лочо и потряс кулаком величиной с арбуз.

Струхнул духанщик и поплелся назад несолоно хлебавши. А что ему оставалось делать? Всю ночь метался во сне, поминая Лочо и бараньи вырезки.

Жребий

С незапамятных времен жеребьевка в Грузии проводилась при помощи камешков. Так и пошло — камешек вытащить — значит жребий тянуть.

Пришли однажды к Лочо и велели ему ехать в уезд «камешек тянуть» по рекрутскому набору. Хотя лета его вышли, но волей-неволей приходилось идти.

— Чего мне тащиться к черту на рога за каким-то камушком, когда их и здесь полно валяется? — попробовал возразить Лочо.

— Там не такие.

— А какие еще особенные? Расписные? Что я, камушков не видел, тоже мне невидаль!

— Нечего препираться, закон велит, и ты обязан идти.

Надо заметить, что Лочо побаивался закона и частенько говорил:

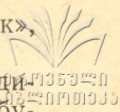
— Дали бы мне в руки этот закон, побороться с ним, подраться...

Но так как не было никакой возможности ни побороть, ни побить этот закон, оставалось только бояться.

Поэтому, стоило упомянуть о законе, как на другой же день Лочо отправился в уезд, а с ним еще человек двадцать. Так до самого Сигнахи прошагали пешком.

С ними шел и Шакро Нацхинишвили. О Шакро я еще успею рассказать, а пока замечу только, что по виду он не уступал Лочо. Хотя и был немного ниже, превосходил Лочо шириной плеч и весил больше. А кто из них был сильнее, сказать не могу. Лочо на масленицу или на троицу любил потряхнуть силушкой, а Шакро всегда держался в стороне.

Пришли, наконец... Явились в присутствие, подвели

их к ящику. Сказали, отсюда, мол, «тащите камешек», а там кроме бумажек ничего нет.

— Какие же это камушки, бумага одна, — удивился Лочо, но, подумав, что камешек, наверное, в бумагу завернут, вытащил жребий.

Вытащил он. Развернули. Сказали, что пустой, может домой отправляться. А неподалеку стоит щедушный, в чем только душа держится, мужиченка, ревет и причитает:

— Забрали меня, забрали, что будет с женой, на кого детвору оставляю?!

Лочо стало жалко его, выхватил у него из рук билет. Подошел к начальству и говорит:

— Забирайте меня. Семья у меня небольшая, а Машо как-нибудь перебьется.

Начальство согласилось. А Шахро и еще человекам пяти попался плохой жребий. Но забирать их сразу не стали, отпустили по домам, наказав в назначенный день собраться сюда же.

И вот назначенный день настал. Нарядился Лочо в чоха-ахалухи, перепоясался фамильной саблей, нахлобучил на голову кожаную шапку и вместе с Шахро явился в присутствие. Там им сказали, что наряжаться было ни к чему, форму и оружие им выдадут сразу по прибытии в полк.

Из уезда повезли в Тбилиси. В те времена не было Кахетинской железной дороги, и до Тбилиси добирались дилижансами или почтовыми каретами. Лочо и Шахро попали в один дилижанс.

— Вот здорово, — восхищался Лочо, — вот жизнь, вот люди — дармовой дилижанс, дармовые лошади, дармовая одежда и харчи... Благодать. Отменные у них порядки. Не правда, Шахро?

— Так-то так, но если ты надеешься отъестся на их харчах — держи карман шире...

— А что? Из рта же не вырвут?

— Если столько начнут давать, чтоб надо было вырывать изо рта, плохи их дела.

— Эй, что ты говоришь? Тогда для чего же нас берут?

— Там тебя будут учить: левая — правая.

— Что за левая? Я и без них это знаю. И с левой и с правой такие подножки даю, только держись.

— И другому научат. Стрелять, ходить в строю.

— Ходить, — расхохотался Лочо, — что они, за младенца меня считают, что ли? Я и без них так умею ходить и бегать, что всей Кахетии за мной не угнаться.

— Там совсем другая ходьба. Дядя Алекса бывалый человек, он говорил, что в строю очень трудно ходить.

— Посмотрим, немного осталось. Туда же едем. Увидите, как я справлюсь с этим делом. Оглянуться не успеешь, как я из Зенани в наше село вернусь. А большему им меня не научить.

Но особенно встревожили Лочо разговоры о еде: неужели и вправду не наложат столько, чтоб еще и оставалось. Лочо, бывало, барана съедал за присест, а похлебка ему — слону дробина. Однажды побились с ним об заклад, что не съест ему за раз целого барана. Потребовал Лочо ведро вина. Сварили барана. Сел Лочо спиной к мясу и приступил к еде. Ухватит за спиной кусок, вытащит, обгложет и запьет. Обгложет, запьет. Обгложет, запьет. Наконец, дошло до того — шарит за спиной — хоть бы косточка. А тут и остатки вина выцедили, все, мол. Так и выиграл. Проигравшие потом целый год обрабатывали поля Лочо. Когда же спрашивали, почему он сел спиной к мясу, Лочо пояснял:

— Лежи оно передо мной, от одного вида насытился бы.

Теперь понятно, могли ли прокормить в армии такого едока?

У почтового духана дилижанс остановился. Лочо заявил солдату, сопровождавшему новобранцев: если здесь не выпьем как следует, сердце мое не выдержит. Снял выложенный серебром пояс и саблю, скинул чоха-ахалухи и потребовал за все вина и закуски. Обрадовался духанщик возможности хоть раз погреть руки на Лочо и мигом накрыл на стол. И Лочо, и Шакро, и сопровождающий наелись до отвала. И других новобранцев не обидели. Потом Лочо сказал:

— Не по размеру тебе, духанщик, мой пояс и чоха-ахалухи. Верни-ка их мне, я продам, а с тобой деньгами расплачусь.

Духанщик озаботился, но прямо отказать не решился:

— Стоит ли тебе беспокоиться, я сам продам.

— Ты-то продашь, да мне-то где взять денег на дорогу?

Выгреб духанщик мелочь и протянул ему.

— Вот тебе на дорогу, отвяжись только, — а чоха-ахалухи и пояс ухитрился оставить у себя.

Лочо ничего не оставалось, как вежливо распрощаться. Зато у дилижанса он увидел своего соседа Васико и велел передать Машо, что пояс и чоха-ахалухи оставил у духанщика, пусть заберет не мешкая.

Поведение Лочо очень не понравилось Шахро.

— Ты же надул его.

Но Лочо отрезал:

— Укравший у вора попадает в рай.

Шахро не стал перечить. Но когда дилижанс тронулся и они продолжили путь, рассказал Шахро такую сказку:

— Жил на свете коробейник. Ездил по деревням, промышлял разной мелочью. Много удивительного доводилось видеть ему, так что он и удивляться отвык. Но однажды придержал он лошадь, увидев, как один человек запряг другого в арбу и погоняет кнутом. У того все бока исхлестаны, извивается ужом, но все-таки тянет арбу.

— Что же ты, безбожник, делаешь? — закричал коробейник.

Сидящий на арбе даже не повернулся, зато другой посмотрел на коробейника и сказал:

— Пусть себе бьет, долго это не протянется.

Подивился коробейник хладнокровию этого человека, но смолчал. Лет десять спустя снова попал в ту деревню. Вспомнил о человеке, запряженном в арбу, и справился о нем. Ему сказали, что того выбрали старостой. Нашел его коробейник, поздравил. Староста даже бровью не повел, только сказал: «Долго это не протянется». Уехал коробейник. Прошло еще лет десять. Опять та же деревня. Говорят: «Умер наш староста». Пошел коробейник на могилу. Там стоит крест с надписью: «Долго это не протянется». «Перестарал-

ся он, — думал коробейник, возвращаясь, — скончался, похоронили, что еще может случиться?»

Но когда лет через десять снова проезжал мимо этой деревни, увидел, что на месте кладбища выстроили фабрику. Тут уж пришлось поверить, что нет ничего вечного. А ты когда в это поверишь, мой Лочо?

— Хороша твоя сказка, да поверить в нее трудно. Подумаю, а потом доспорим. Но все-таки и духаншиков надо, по возможности, обьегоривать, и всех прочих деревенских мироедов. Обмануть обманщика не грех.

Шакро

Как я уже говорил, Шакро ничем не уступал Лочо. Был, правда, пониже ростом, зато в плечах шире. «На спине Шакро можно жернова крутить и хлеб молотить». — смеялись односельчане.

Передают, что все в роду Шакро из поколения в поколение были воинами. С прадедом Шакро, лучшим ратником в армии, царь Ираклий ни на минуту не расставался. Прадед этот сопровождал его в битве при Крцаниси¹, при этом жители Каканас Сэри не преминут добавить, что именно он вывел из битвы царя, чем и спас ему жизнь. Что же касается братьев Херхеулидзе², то они любили его, как родного. Еще расскажут, что прадед Шакро присутствовал при тайной беседе царя Ираклия II с Соломоном Леонидзе³. Оказывается, он тайком всюду следовал за царем, опасаясь, как бы с тем ничего не случилось. Но давайте остановимся на этом, а то такие вылазки в прошлое нас далеко заведут. История помнит только братьев Херхеулидзе, арагвинцев⁴ и Соломона Леонидзе, а в отно-

¹ Крцаниси — местность неподалеку от Тбилиси, где в 1795 году произошло кровопролитное сражение войск царя Ираклия с полчищами Ага Мохаммед-хана.

² Девять братьев Херхеулидзе — телохранители царя Ираклия, павшие в Крцанисской битве.

³ Соломон Леонидзе — канцлер Ираклия II.

⁴ Триста арагвинцев — отряд грузин-горцев (из ущелья Арагви), прикрывавший отход войск Ираклия II после Крцанисской битвы. Все триста арагвинцев пали на поле этой битвы.

шении остальных настолько темна, что нам трудно ут-
верждать что-либо наверняка.

Говорят, что предки Шакро ни разу не сели на ко-
ня, ибо не было никакой возможности отыскать скаку-
нов, способных выдержать тяжесть их тел. Этому мож-
но верить. Мне самому довелось видеть племянников и
сыновей Шакро, и хотя старики говорили, что они, мол,
измельчали и в подметки не годятся своим предкам,
но каждый из них был такой детина, из которого за-
просто можно было выкроить двух богатырей. Одного
из них — уже во время Отечественной войны — пере-
ехало двуколкой, и то после этого он прожил несколько
недель, а второй запил с горя, уснул как-то под дож-
дем на сырой земле, простудился и умер. Третий, на-
сколько мне известно, и до сих пор топчет землю. Он
куда-то переселился, не мог видеть разорения родного
гнезда.

А было еще и такое. Отправились они как-то на
четыре арбах в город, прихватив для продажи муки
и еще кое-что из крестьянских товаров. На обратном
пути, у самого Вазияни, застала их ночь, они распрягли
быков и расположились на ночлег. Тут-то и напали на
них разбойники. Но Шакро с такой силой рывкнул:
«Вот я вас!», что двое из нападающих тут же отдали
богу душу. А двое других выронили ружья и остолбе-
нели. Этих двух и поймал Шакро, привязал к арбам и
в таком виде привел в Кадало. Там их судили, Шакро
вынесли благодарность, а разбойников укатали в тю-
рьму.

Был у Шакро племянник по имени Ваню, лентяй,
каких свет не видывал. Вот что он рассказывал:

— Однажды, в самый разгар зимы, не то в январе,
не то в декабре, возвращались мы из города на арбах.
Мне тогда лет десять-двенадцать было. Как сейчас пом-
ню, сидел я, закутавшись в мешок. Подъезжаем, зна-
чит, к оврагу, тут Шакро останавливает быков, подхо-
дит к ручью, разбивает ногой лед, раздевается до поя-
са и давай обливаться. Зачерпнет пригоршней, ливанет
на грудь, а пар над ним — столбом. Со стороны смот-
реть — точь-в-точь паровоз. С полчаса пообливался,

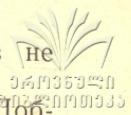
облегченно вздохнул и говорит: «Вот и охладился немного!». Все таращат на него глаза, но ни один не решается даже палец обмакнуть. Правда, выискался храбреец, зачерпнул горсточкой, сполоснул лицо, да рукава до локтей промочил. Так его прохватило, что всю ночь метался в жару, и столько, несчастный, наговорил в бреду, что ни в одной книге не уместится. Почти год не вставал с постели, но так до конца и не вылечился.

Вот каков был Шакро. И стоит ли удивляться, что при первом же вызове он отправился в уезд, не дрогнув, вытащил жребий и без колебаний пошел в армию.

Мне бы еще одно хотелось добавить. Царь Ираклий как-то посетовал прадеду Шакро: «Будь ты грамотным, я б такого молодца тут же судьей назначил». Эти слова настолько запали в душу воина, что, вернувшись домой, приказал сыновьям: «Чтоб научились читать-писать!» и в тот же день отвел старшего к священнику, прихватив с собой пять пудов пшеницы и быка, чтобы тот не отказался обучить юношу. Священник согласился. Вернувшись домой, старший выучил младших, те — своих сыновей, так и пошло... Шакро без труда читал и писал. И не только читал и писал, но и стихи мог сочинять, складывал песни о героях и богатырях былых времен, сам пел их, подыгрывая себе на пандури. Бывало, едва ударит по струнам, как деревья перестают шелестеть, а у коровы жвачка застывает во рту. Услышав его пение, женщины плакали, — а у парней вздох вырывался из самого сердца. В какой бы стороне ни слышали жители Каканас Сэри приятную игру на пандури, тут же клялись, что это Шакро играет. Самых знаменитых певцов и актеров сравнивали с Шакро, неизменно подчеркивая превосходство своего односельчанина.

Стоило появиться в селе какому-нибудь известию, как все шло к Шакро справиться, стоит ли ему верить? Если Шакро говорил, что читал об этом в газете или слышал и сам верит, известию верили, если нет — нарекали его сплетней... Конечно, был в селе и староста, но Шакро слушались больше.

«Саженец правды и на голом камне примется», — часто повторял Шакро и с этими словами шел по жизни. Лочо и раньше был наслышан о правдолюбии Шакро, поэтому спросил осторожно:

— Ты горой стоишь за правду, а я иной раз не прочь приврать. Боюсь, не подойдем друг другу.

— Иной раз и приврать не зазорно, мой Лочо. Добрая ложь лучше злой правды. Только смотря кого ты обманываешь и для чего. Не следует забывать: сколько ни ври, но хоть с одним человеком будь правдив.

— Ты прямо как в воду глядел, я точь-в-точь такой, свою Машо ни разу не обманул; здесь — только тебе не буду врать.

— А офицера обманешь? — спросил Шакро.

— Если плохой, почему не обмануть. И не только обману.

В дальнейшем неоднократно спорили друзья по этому поводу, но вопрос правды и лжи так и остался неразрешенным. Лочо твердил, что мир обманом держится, а по словам Шакро, ось жизни — правда. «Брось правдивое слово на дорогу, вернешься и найдешь». «Правда заставляет расцвести дерево справедливости». Трудно пересчитать, сколько пословиц и афоризмов о правде знал Шакро.

Первые дни в армии

Когда они прибыли в полк и Лочо вырядился в новую форму (надо сказать, что штанов по размеру Лочо сыскать не могли, пришлось надставлять, распоров для этого еще одни), к тому же ему выдали оружие, наш герой почувствовал себя хозяином мира: «Вот теперь сразу видно, что я настоящий мужчина!» Нацепил шашку, перепоясался патронташем, закинул за плечи винтовку и потащил Шакро к фотографу: «Хочу Машо обрадовать». Фотокарточки послали домой. Кроме Лочо и Шакро, на фотографии еще двое; вислосый казак и саженого роста русский парень. Эти двое стоят, а Лочо и Шакро сидят на стульях.

— Оружие мне насовсем дали? — спросил Лочо у Шакро.

— Как это насовсем?

— Вот как отпустят домой, разрешат с собой прихватить или отберут?

Георгий Папуашвили. Лочо.

— Если каждый потащит оружие домой, что будет с армией?

— Трудно им новое купить?

— Купят разок, глядишь, и царская казна опустела.

— Это все из царской казны? — не верилось Лочо.

— А ты как думал?

— Откуда у этого сукиного сына царя такие деньги?

— А куда, по-твоему, идут налоги, которые дерут с нас, как ни в царские закрома?

— Ах, вот оно что! Выходит, мы сами себя содержим!

— Дошло, наконец.

— Если так, давай откажемся платить.

— Откажись мы, армия с голоду ноги протянет.

— А на что нам армия?

— Чтобы страну охранять. Чтобы в нашу страну враг не пришел и не осквернил бы могилы предков. Не будь армии, в мире бы царила полная неразбериха.

Эти слова охладили пыл Лочо, и он не стал больше задавать вопросов.

Солдаты завистливо косились на представительно Лочо и однажды подбили его побороться. «Хоть и здоров на вид, — решили они, — но, надо думать, туюфяк туюфяком». Лочо был доволен. Образовали круг. Вышел Лочо и первого же противника воткнул вверх ногами в землю. Потом заставили с казаком схватиться, потом с татаринном, потом еще с кем-то. Все потерпели поражение.

— Выходите, эй, больше нет желающих?! — развел Лочо руками, словно орел крыльями. — Выходите, кто желает размяться?!

Хотя никто не знал по-грузински ни слова, но тут поняли о чем кричит Лочо и расхохотались. После этого он стал общим любимчиком. Вечно вокруг него крутились солдаты и в глаза ему заглядывали.

По-русски Лочо не понимал ни слова. Шакро раньше немного знал этот язык, родичи научили, и теперь усердно изучал его, стараясь попутно обучить и Лочо. Хотя дело было не из легких, но все-таки он настолько натаскал друга, что тот уже не путал левое с правым и знал, что такое «хлеб», а что — «сапог». Попутно

Шакро учил Лочо грузинскому письму. За три дня обучил трем буквам, но тут Лочо заявил, что этого с него вполне достаточно. Этими буквами можно было запросто написать «Лочо», так что теперь под письмами к Машо он мог приписать свое прозвище. Очень ему хотелось, чтобы Машо узнала его руку. До него не доходило, что ежели он сам был неграмотным, то Машо и подавно.

Долго бился Шакро, уговаривал, мучился. Наконец, постиг Лочо все буквы грузинского алфавита, но учиться дальше отказался наотрез. На все увещевания отвечал: «Если я начну читать книги да газеты, кто же тогда пахать и сеять будет?» На том дело и кончилось.

Зато Шакро за это время научился читать по-русски. Клочка газеты не выбрасывал, предварительно не прочитав. Вечером, после отбоя, когда солдаты собирались по казармам, Шакро и Лочо уединялись и обсуждали разные вопросы. Иногда Шакро читал, а Лочо слушал его. И хотя многое было ему непонятно, все равно старался не пропускать ни слова. И чрезвычайно гордился тем, что его односельчанин такой ученый. Он готов был побиться об заклад, что грамотней Шакро в целом мире не сыскать. И сельский староста и священник ему в подметки не годились. Другому так «отче наш» не отбарабанить, как читает Шакро. Со стороны посмотреть, не поймешь, читает Шакро или наизусть шпарит.

— Шакро, вот возвратимся домой, тебя в священники посвятят, вот здорово будет, а?

— На что мне становиться священником? — улыбнется Шакро.

— Почему бы нет? И жареное у тебя будет, и пареное. Где хороший плов готовят, там и тебя не обойдут. А меня возьмешь дьяком. Ух, и заживем мы с тобой!

— Такой, как я, не годится в священники.

— А почему? Чтоб стать священником, достаточно быть дородным и мордастым, тебя этим бог не обидел. Отпустишь бороду, оденешь рясу — все с ума сойдут. Женщины за тобой табуном будут бегать.

— Эх, Лочо, священник должен быть пройдохой и

обманщиком. А ко всему еще и уметь с замужними шашни заводить. А я люблю только правду. «Росток правды на голом камне примется». «Положи правду на дороге, вернешься и найдешь». «Правдивому и горная дорога равнинной кажется».

— Это верно, но и такое ты знаешь: «Кто говорит правду, должен держать лошадь наготове». «Иди, ищи правду, а я тебя жизни лишу».

— Слышал я и такие пословицы. Но я верю, что правдивое слово скалу разрубит. Брось правдивого в море — море высохнет, кинь в огонь — огонь погаснет. Правдивое слово не знает поражений.

— Па, па, па, какие ты присказки знаешь!

— Тебе больше подходит быть священником. Уж больно ты ловок врать, — улыбается Шакро.

— Что ты, разве мне приятно заниматься враньем, но «нужда заставит мурцовку хлебать». С детства каждый норовил обмануть меня, и я этому научился. Когда я отделился от семьи, ничего мне кроме топора без топорщица да кособокого сарая не досталось. Начали считать: это нужно для похорон, это — для свадьбы, это — долги отдать, то — тому, вон то — этому, так меня и обошли. Увидел я — нет выхода, взял да и продал заезжему богатею чужое сено. Прав я был? Разве я украл? Открыто пошел и продал. Нужда заставила. Подумал, только разбогатею — с лихвой верну. Духанщики нас каждый божий день объегоривают, а если я разок словчу, земля же не перевернется? Не так ли? Ты же сам говорил, что иногда хорошая ложь лучше плохой правды, — оправдывался Лочо. — И старостой не хочешь быть?

— Ложь лжи рознь. Попади солдат в плен да скажи правду врагу, и себя погубит и страну. Но постоянное вранье губит человека. О воровстве и говорить нечего, большего зла не бывает. «Сколько вор ни ворует — тюрьмы не минует». «Ловящий чужую рыбу запутывается в собственной сети»...

— Вот послушай, — перебивает Лочо, — бедный отец, бывало, говорил мне, что весь мир — вор на воле, каждый старается подсесть ближнего. Так, мол, испокон веков ведется. Поэтому-то даже пальцы на наших руках неодинаковы. А вор оказывается наказанным страшней других. Потому и мизинец меньше всех.

Вот я и решил жить по-другому, справедливость най-
ти. Кто меня обманет, и я того постараюсь обмануть, а
чья верх возьмет, так тому и быть.

— А если другой верх возьмет?

— Если так — не бойся, кулак-то на что? — Тако-
го залеплю, что небо с овчинку покажется... Все-таки
не хочешь быть старостой?

— Это уж совсем ни к чему, мой Лочо, — не обра-
щая внимания на последние слова, урезонивает его
Шакро, — глядишь, отыскался посильней тебя да тебе
же и задал трепку.

— И это правда. Что делать? Научи меня, и я по
твоей дороге пойду. Не встретилось мне в жизни божье-
го человека, который бы преподал мне что-то дельное.
Священника спрашивал, что же он ответил, как ты ду-
маешь? Ударят, говорит, тебя по правой щеке, и левую
подставь. Кому мне было верить, отцу или священнику?

— Ни одному, и знаешь почему? Отец твой тем-
ный и забитый, а святой отец — надувала не из по-
следних. Воровством да сидя на чужой шее не прожи-
вешь, да и трусость не вывезет. На чужой спине в рай
не въедешь.

— Прямо в точку попал... И я точно так же думаю.
Поэтому и стараюсь обманывать духанщиков, мошенни-
ков разных, чтобы всем одинаково было.

— От такого все одинаковыми не станут, только
обман расплодится да воровство. Надо жизнь повернуть
так, чтобы каждый жил честным трудом.

— Так я для этого и стараюсь. О чем же я тебе
толкую. Вот и прошу — иди в старосты.

Шакро рассмеялся.

— Кто же меня поставит старостой, мой Лочо?
Старосты — из тех, что побогаче. А мои предки толь-
ко и делали, что пахали, сеяли да воевали. И мне, кро-
ме сабли да плуга, ни полушки не оставили.

— Дай мне только вернуться домой, я всем нака-
жу, чтобы тебя поставили старостой. Так и сделаю, вот
увидишь.

— Довольно, Лочо, довольно. Остальное завтра до-
говорим.

— Я прокукарекал, а там посмотрим.

По армии прошел слух, что война не за горами.

— Кто с кем воевать собрался? — поинтересовался Лочо.

— Немцы с русскими, — ответил Шакро и добавил, — а там еще Австрия, Венгрия, Пруссия, Англия, Франция да еще всякие, всех не упомнишь.

— Вот поднавалило этих сукиных детей. Хотя, какое нам до них дело? Пусть себе воюют, сколько влезет. Если они против грузин ничего не имеют, поедем к себе в Кахетию да примемся за работу.

— Ага, так тебя и отпустили. Мы здесь — в царевой армии, над нами командиры поставлены, — ответил Шакро.

— Ты мне объясни, Шакро! Война — хорошо или худо... Может, она уравнивает всех людей?

— Кто до сих пор уравнивал горы и долины, чтобы сейчас сделать такое?! Как было, так все и останется: и богачи и бедняки. Сегодня над нами русский царь, завтра может немецкий сесть.

— Тогда чего нам воевать? Для нас все равно, что в лоб, что по лбу.

— Ан нет, если немец победит Россию, он и до Кавказа доберется, и нас разорит.

— Если так, идем воевать, — решил Лочо и с таким видом схватился за саблю, словно увидел рядом врага и собирался разубить его пополам.

Но Лочо пока на войну не гнали. В частях ежедневно читали сводки с фронта, упоминали о Самсонове и Рененкампе. Лочо никак не удавалось запомнить эти имена. Он называл их просто: Самсоном и Ренекой. А план Шлифена окрестил Шилаплавом¹.

— Кто те командиры, которые отступают? — часто спрашивал Лочо.

— Самсонов и Рененкампф.

— Чего ж они все назад бегут? Неужели у них не хватает силы так треснуть, чтобы другим неповадно

¹ Шилаплави — один из видов плова (груз.).

было? Эх, почему ты не командир, мой Шакро? Взял бы меня в помощники, мы бы им показали, где раки зимуют.

Шакро отказывался быть командиром. Улыбался в душе, но был убежден — если поставили б его во главе армии, да имел бы он таких верных воинов, как Лочо, любого врага бы разгромил.

— Обо мне и разговора быть не может... — улыбаясь, отвечал Шакро, — но будь жив царь Ираклий, немцам бы не поздоровилось. В Аспиндзской битве каждый грузин одолел по тринадцать турок.

— Будь я там, не то, что тринадцать, по двадцать убивал бы за раз.

— И под Крцаниси прославились. Не найдись предатель, который продал нас, не проиграли бы битву.

— Эх, почему меня там не было?! Я бы этому предателю саблей все уши обкромсал. А как он продавал? Небось, втридорога драл, мошенник?

— Ты думаешь, только духанщики продают? Тех, кто продает родину, называют предателями.

— Пусть бы со мной что хотели делали, но заступай я его в ту пору, я бы ему показал, будь он предателем или кем еще.

Через несколько дней у Лочо отобрали винтовку: на фронте, дескать, больше пригодится.

— Ва, а я что должен делать? — изумился Лочо. — Мое ружье на войну берут, а я что, паралитик, что ли?

— И нас возьмут, — успокоил его Шакро.

— Это хорошо, да ружья-то у меня нет, чем я воевать буду?

— Ружей на всех не хватает. Говорят, увидишь убитого с винтовкой, забери у него и воюй, — втолковывал Шакро.

— И у тех ружей нет, у немцев?

— У тех и ружей и всего прочего хоть отбавляй. Нам командиры так и говорят, убейте и забирайте у них ружья.

Долго хохотал Лочо над этими словами, от величайшего удивления ударяя себя по голове. Этим дело и

кончилось. На фронт его отправили безоружным. Сказали, кого убьют, у того и разживешься. Но Лочо нашел выход: был у них в роте плюгавый, заморенный солдат, у него-то и отобрал Лочо винтовку, сказав:

— Ты за моей спиной держись. Если прилетит откуда-нибудь пуля, она попадет в меня, а ты останешься цел. Тогда снимай с меня ружье и воюй.

К счастью, все пули миновали Лочо. Случалось, рядом с ухом прожужжит, и он уже подумывал, что вот-вот богу душу отдаст, но падал кто-то другой. Так и воевал до самой последней пули, а когда израсходовал последнюю, повесил нос и шепотом пожаловался Шакро:

— Шакро, стрелять нечем. Что теперь делать?

— Поднесут, — успокоил Шакро.

Но им так же поднесли, как вам сейчас.

Георгиевский крест

Несколько дней Лочо и Шакро не перепало даже крошки хлеба. Не только им одним — вся часть сидела на голодном пайке. Потом кто-то принес весть, что по ту сторону ручья застряла телега, в которой везли коньяк, и не только коньяк, но и лимонад, и из продуктов наверняка что-нибудь отыщется. Лошадь и возница убиты, а телега валяется без присмотра. Найдется смельчак — спасемся от голодной смерти.

Лочо вызвался сходить. Шакро попробовал удержать его, но Лочо даже слушать не стал.

— Если так, и я с тобой, — решил Шакро.

— Нет, — отказал Лочо, — если и ты пойдешь, дойдет до командира. А я схожу втихомолку и что сумею — принесу.

Пошел Лочо. Голодный, ослабевший, еле-еле тащится по пыльной дороге. У ручья в самом деле заметил телегу. Обрадовался. Заторопился. Но когда до телеги было уже рукой подать, заметил, что за ней расположились какие-то люди и разговаривают.

Отыскал Лочо укрытие и ползком подкрался поближе. Так близко, что весь разговор слышно. Только не похож он ни на грузинский, ни на русский, ни на армянский, ни на татарский, ни на какой другой, когда-

либо слышанный Лочо. «Как пить дать немцы», — решил он и подобрался поближе.

Винтовка у него за спиной, да какой от нее толк, ни одного патрона. Тут Лочо осенило: снял ее, ухватился обеими руками за ствол, вскинул на плечо, как дубинку. Так и полз к телеге, однажды подумав: «Выручай, господи!» Тигром набросился на сидящих и кого достал прикладом — за смертью уложил. Оказывается, эти несчастные, наткнувшись на телегу, набитую снедью, снимали с себя оружие, расположились на травке и устроили выпивку. И было их немало, человек шесть, но Лочо с такой быстротой орудовал прикладом, что вскоре все до единого валялись у его ног. Снял с них Лочо револьверы и маузеры, сгреб ружья, сложил в кучу около себя и стал ждать, когда придут в себя. Но он, видимо, перестарался: только двое очухались. Поднял Лочо этих двоих, нагрузил их буханками хлеба и коньяком, сам взвалил на спину их оружие и погнал в часть. Так и пришли. Восхищению офицеров и солдат не было границ. Безоружный Лочо и провиант раздобыл, и пленных привел. Из шести немцев трое оказались офицерами. По сему случаю Лочо представили к Георгиевскому кресту. А сам он настолько прославился, что о нем легенды начали сочинять.

Сомнения

Труднее всего переносит голод тот, кто привык наедаться до отвала. Так было и с Лочо. Правда, из той беспризорной телеги много провианта притащили, да Лочо быстрее всех разделался со своей долей. А дальше пришлось положить зубы на полку. Ежедневных пяти фунтов ржаного хлеба да котелка похлебки на зубок не хватало, и свирепый голод терзал кишки Лочо.

— Есть хочется, Шакро. Что делать, а? — хныкал Лочо.

— Чем помочь тебе, мой Лочо? Мне и самому не сладко. Потерпи, — уговаривал Шакро.

— Сколько еще терпеть?! Сил моих нет. Подошва у сапог отлетела. Все ноги мокрые. Учат: сними с тру-

па и носи, а у меня с души воротит, как может живой с покойника одеть?!

— Что поделаешь, браток? Живи, как бог велит.

— Шакро, брат, ты мне растолкуй, с чего это мы друг друга убиваем? Они ли нам чем мешают, или мы им?

— Не знаю. Так уж от бога ведется.

— Как — от бога?

— Пораскинь мозгами: с тех пор, как существует мир, существуют и войны. Половина моих предков сложила головы на войне. И я сам сюда попал. Если бы это не закон божий, тогда хоть бы временами мир был.

— Э-э, э, да будь на свете бог, мы бы не подышали здесь с голоду и не шлепали бы по грязи в худых сапогах. Нацепили вот мне «Георгия», и что же... Запечатать его в конверт да Машо послать, что ли?

— Слушай, — сказал Шакро, — конечно, бога нет, но существует провидение, которое помогает несчастным. В тот день мы с голодухи выли, да подвалила телега с едой. Провидение помогло тебе победить, мы наелись, да ты вдобавок и «Георгия» отхватил.

— На что мне эта побрякушка? До того исхудал — сквозь игольное ушко пролезу.

— Погоди, дай досказать. Что-то сохранило тебе жизнь. Теперь ты голодаешь, но что-то снова выручит нас. Вот если бы все взвыли от голода, как мы, и не только в армии, но и во всей стране...

— Что ты городишь, рехнулся, что ли? — взвился Лочо. — Мне своего хватает, чтобы другим пожелать такого, чушь несусветная. Либо я ослышался, либо у тебя рассудок от голода помрачился.

— Все не чушь! Когда другие начнут голодать, я тебе еще складнее скажу.

— Говори сейчас, что знаешь, не тяни из меня душу.

— Есть у меня такая бумага, если там все правда и если голодные солдаты ей поверят...

— Пусть попробуют не поверить, я им скулы сворочу, ей-богу, — разволновался Лочо.

Шакро вытащил из кармана бумагу, расправил ее на колене и негромко прочитал:

— «Долой войну! Долой царя!»

— Что? — оторопел Лочо.

— То, что слышал. Пишут: не нужен нам царь, и пора положить конец войне.

— Конец, — обрадовался Лочо, — значит, завтра же по домам пойдём?

— Домой так просто не пойдешь. Чтобы покончить с войной, надо уничтожить царя. Царь сам по себе с трона не сойдет, мы должны его сбросить.

— Мы? Как это я могу сбросить царя? Царь наравне с богом.

— Ты же сам говорил, что бога нет.

— Бога нет, да царь похлеще бога. Что ни прикажет — все бросаются исполнять. А мы... Два несчастных мужика. Где уж нам с ним справиться?

— Почему два? Если все солдаты пойдут против царя, да рабочие помогут, разве он сможет противостоять?

— Солдаты? Солдаты — царские. Что он прикажет, то и нас заставят делать. И рабочие — царские. Он не даст им денег, они с голоду подохнут.

— Если не будет царя, кому же тогда деньги прятать?

— Если не будет, тогда другое дело. Но он есть и деньги в его руках. Ты же говорил, что армию содержит казна.

— Я еще говорил, что казна пополняется налогами, которые с народа дерут. Получается, что казна — народная.

— Получается.

— А я о чем толкую? Здесь про это и написано. Рабочим, солдатам и крестьянам надо объединиться и сбросить царя сообща. Потом заводы раздать рабочим, а землю — крестьянам.

— А солдатам что?

— Солдаты — сыновья тех же рабочих и крестьян.

— А ведь и правда. Как это до меня сразу не дошло! Здорово! — Лочо был потрясен. — Ну-ка, повтори еще раз.

— Заводы — рабочим, землю — крестьянам.

— Красота! Выходит, сколько захочу, столько и засею.

— Ты засеешь столько, сколько тебе необходимо

будет. Все будет общее, все будут равны, не будет ни богатых, ни бедных.

— И обдирал-духанщиков не будет?

— Они больше не смогут обманывать, на их место честных людей поставят.

— Дай бог здоровья тому, кто первый это сказал. Кто такие умные слова придумал?

— Все это, — понизил голос Шакро, — сказано коммунистами. Говорят, в «Манифесте» написано. До нас это донесли русские коммунисты. Главное, чтобы мы сами поверили их словам и помогли другим поверить. Так мне сказал один коммунист.

— Как?! Ты его лично знаешь? Своими глазами видел?

— Не только видел... О чем он говорил, я и до него знал, да не мог высказать. Если мы сумеем скинуть царя и установить равноправие, тогда и собака на нашу судьбу не залает.

— Дай бог тебе здоровья, какие хорошие вести принес... Но я, голодный, разве в силах сбросить царя? — усомнился Лочо.

— Все это так, но ты же слышал, что «сытого он быстрее одолевает».

— Слышал, но если сейчас подкормить меня, я весь мир переверну. Мне бы сейчас баранью ножку, пусть сырую, а потом что хочешь, то и проси... И от свиного окорока не откажусь, и от индейки, и от отварной курицы, — тут ему вспомнились времена, проведенные дома, обильная домашняя еда. — А лаваш помнишь, Шакро?... А молоко?... Как я тогда на спор барана и вино выиграл, да тут же со всем и разделался?

— Помню, как не помнить! Но героями нас можно назвать только в том случае, если и в голод мы не потеряем надежду, поборемся с ним и отнимем у него лишний хлеб.

— Откуда у голода хлеб? — удивился Лочо.

— Кто нас заставляет голодать, — ответил Шакро, — у того припрятан хлеб. А как ты думал? Неужто в России и в Грузии разом кончился хлеб? Нет, на нем сидят богачи и своей волей с нами и крошкой не поделятся.

— Пошли, покажешь у кого припрятан, я его уду-

шу... Прямо у тебя на глазах, как миленького. Думаешь, рука не поднимется?

— Трудно будет. Только вдвоем — ты да я — ничего не сумеем сделать. Но если присоединимся к коммунистам, то и царя сбросим, и у богачей все отнимем.

— Нечего рассиживаться, Шакро! Идем присоединяться!

— Пока никуда не пойдем, — осадил его Шакро. — Тот человек сказал, что сначала нужно сагитировать солдат, открыть им глаза, что единственно верный путь — это путь большевиков и свержение царя.

— А кто эти большевики?

— Большевики — это истинные коммунисты. Меньшевики тоже выдают себя за коммунистов, да куда им.

— Ну а мне-то как отличить, кто из них кто?

— Ты меня слушай, я научу.

— А тебя кто учит?

— Тот человек, который здесь был. У него такой вид и такую правду говорит, что нельзя не поверить.

— Хоть разок покажи мне его, — взмолился Лочо.

— Придет время, покажу. Сначала нам нужно сагитировать всех солдат нашего взвода, перетянуть их на нашу сторону, а уж потом этот человек придет. И ты увидишь, и другие.

— Что за диковина агитация эта? — поинтересовался Лочо.

— «Когда перетянем народ на свою сторону и добьемся, чтобы все были согласны сбросить царя — это и есть агитация», — говорит тот человек. Потом совершим революцию, и страной станут управлять сыновья рабочих и крестьян. Но главное сейчас перетянуть народ на нашу сторону.

— Перетянуть?.. Я такое покажу тому, кто не захочет перетягиваться... Сегодня же вечером обойду всех и скажу, что надо сбросить царя, и пусть попробуют заартачиться, все зубы выбью по одному.

— Так не годится. Надо мирно убедить.

— Скажу.

— А если не поверят?

— Скажу, что и Шакро так говорит.

Шакро улыбнулся. Лочо понял, что авторитета

Шакро явно недостаточно, чтобы убедить людей, и неожиданно придумал:

— Скажу, что Шакро другой человек научил. Понял, да? Скажу, что тот, кто с Шакро разговаривал, выше самого царя. У богатеев должны все отобрать и раздать беднякам. И тогда не поверят?

Замолчал Лочо. Молчал долго, полный неясных раздумий. А когда Шакро спросил, что это на него нашло, вздохнул:

— Бедный отец не раз говаривал, что на свете не существует ни хороших, ни плохих, что каждый только для себя хорош. Человек не в силах поступать так, чтобы все были им довольны. Когда один хвалит, другой обязательно обольет грязью, поэтому, если одному сделаешь доброе дело, для другого оно обернется злом, понял? Лучше всего думать о самом себе, говорил он.

— Хороший хорошего похвалит, мой Лочо, а плохого выругает. Плохой будет нахваливать плохого, а ругать хорошего. Поэтому всегда надо разобраться, кто ругает, а кто — хвалит. Помни, кого похвалит хороший человек, тот и в самом деле хорош, а кого превозносит плохой, тот того же поля ягода.

— Как же понять, кто перед тобой, плохой или хороший? В этом мире плохого от хорошего не отличишь.

— Как не отличишь? Плохое от хорошего отличается так же, как черное от белого, день от ночи, а просо от пшеницы. Хорош тот, кто думает о народной пользе, а кто лишь о себе печется — тот дрянь.

— Хорошо, но какая от меня польза народу? Кому я смогу помочь, сколько бы ни старался?

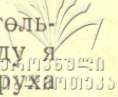
— Как не можешь? Благополучие народа — забота всех! Когда ты пожалел многодетного, вместо него пошел в армию и до сего дня мытаришься здесь, разве это не значит быть хорошим?!

— Такие дела тоже считаются?

— А ты как думал?

— Отец говорил, то самое лучшее, когда ты сам себе благодарен. От чужого, мол, доброго слова не жди. Один спасибо скажет, а тысяча других проклянут.

— Твоя душа тебя благодарить не станет, да и не нужно этого. Лучше порадей о ближнем. Пусть люди будут тебе благодарны.

— Если это считать добром, тогда я такого столько сделал, что у меня волос на голове меньше. Еду я как-то зимой из леса, гляжу — мне навстречу старуха Маргианишвили. В одной руке моток веревки держит, а другой внучку тащит, так и ковыляет в гору. Спросил я, далеко ли, мол, собралась. В лес, говорит. Чего ты там потеряла? Хворосту, видишь ли, надо насобирать. Покуда ты, говорю, туда доберешься, ребенок вконец закоченеет! Что делать? — отвечает. — Никак от меня не отлипает. Внучка-то — сирота. Бабка ее растит, вот и ни в какую не соглашается оставаться у соседей, увязалась за бабкой и все... Тогда я свои дрова и отвез старухе. Она меня так благословляла, что сбудься ее пожелания, я никогда не постарею... Да, отвез и снова поехал в лес. Отец об этом не узнал... Или вот еще, возвращаюсь как-то с речки, я тогда совсем пацаном был, смотрю, сын коротышки Дата везет на мельницу зерно, а осел разлегся посреди дороги и ни с места. Мальчишка распустил нюни и ревет, залива-ется. Ввалил я мешок на спину и попер. Там не больше пяти пудов было. Так его мать только что руки у меня не целовала... Зато папаша меня здорово взгрел, приговаривая: «Не для того тебя ращу, чтобы ты на чужих ишачил!» Человек, дескать, свой воз тащит, а ишак — чужой.

— Все это — добрые дела... Только отец твой ошибался. Воз, который нужно тащить, должны тащить все, не разбирая — твое-мое.

— А в другой раз... Да что там, всего не перескажешь. Если по таким делам считать человека добрым, то уж плохим меня никак не назовешь. Я, оказывается, тоже ничего.

— Верно... Ты не только ничего, ты — отличный парень. Не скажу — идеальный. Для этого — о-го-го сколько надо.

— Хотелось бы мне знать, найдется ли, не только в нашем взводе или в нашей деревне, а в целом мире, по-настоящему правильный человек?

— Видишь ли, идеальных людей не густо.

— Да есть ли они?

— Есть, конечно, есть и были. Правда, мало их, по пальцам пересчитать можно.

— Назови хоть одного!

— Таким человеком был Руставели, сказавший: «Льва щенки равны друг другу, будь то самка иль самец». И еще: «И должны ужиться в мире волк и мирная овца!»

— Руставели-то все хвалят, сам не раз слышал. Но когда он жил! Есть ли сейчас, среди живущих, хоть один истинно правильный человек?

— Истинно правильный? — глаза Шакро заблестели, он пододвинулся к Лочо и прошептал ему на ухо: — Истинно правильный тот человек, который со мной о революции говорил.

— Правда? Чем же он хорош?

— Тем, что всем людям хорошего желает. Он хочет, чтобы все бедняки жили в достатке, чтобы сравнялись горы и долины. Испокон веков говорили: кто способен сравнять горы и долины? Оказывается, и такое возможно. Не то, что мы должны рушить горы да овраги засыпать. Надо уравнивать бедных и богатых.

— Сказать все можно, да поверят ли ему?

— Сомневаешься? Не только поверят, но и еще больше...

— Откуда тебе это известно?

— Известно.

— Не верится что-то.

— Вот послушай. Одного ученого спросили, чего бы он пожелал? Чтобы мне одному заботиться о мире, — ответил тот. Удивились спрашивающие: неужели не лучше будет, если мир станет заботиться о тебе? Дело в том, — пояснил ученый, — если я начну заботиться о мире, то и мир не обойдет меня заботой, а если я буду сидеть, сложа руки, то и мир для меня пальцем о палец не ударит. Начнешь радеть о мире, и мир примет твою сторону, перейдет к тебе, равняя горы и долины. Тогда бедняки станут богачами.

— Эка завернул он! Предпочитаю-де о мире думать.

— Именно так. Если ты позаботишься о других, люди тебе тем же ответят. Ты же слышал: «Пожелай ближнему пару быков, и бог воздаст тебе вдвое».

— А если плохого пожелать?

— И тебе ответят тем же самым.

— Это правильно. Допустим, ты мне подгадил, какой стати я спущу тебе? Как аукнется, так и откликнется. Попробуй срубить мою яблоню, я тебе весь сад под корень вырублю. Срежь мою лозу, я тебе виноградник с землей сравню. Ни капли не прошу, и никто меня не осудит. На моем месте и ты так поступишь, а?

— Не знаю. Может быть так, а может быть и не так. Помнишь, ты говорил, что трудно подставить правую щеку после того, как тебя по левой ударили?

— Не то, что подставить, такую сдачу дам, что повторять не понадобится. Однажды моя мать, а я, к слову сказать, уже в женихах ходил, отвесила мне подзатыльник, а я всего-навсего втянул голову в плечи да захихикал. Будь на месте матери кто из посторонних, я б ему не спустил.

— И я о том же толкую. Захотят тебе хорошего — и ты хорошим будешь, задумают провести — и ты оплатишь той же монетой. Тот человек старается для народа, и народ ему добром воздаст. По его призыву все сплотятся, и установится равенство.

— Его бы устами да мед пить. Я тоже на стороне таких людей, чтоб на свете ни одного нищего не осталось.

Долго беседовали Лочо и Шакро. Иногда Лочо соглашался легко, иногда спорил, иногда на дыбы становился, но постепенно все больше вникал в слова друга, кивал головой: истинно так, мол. А Шакро только этого и добивался, с еще большим жаром наступал он на Лочо, податливого теперь, как теплый воск. С нетерпением ждал Лочо момента, когда можно будет передать солдатам слова Шакро и перетянуть их на свою сторону.

Лочо-агитатор

И вот однажды, когда стемнело и солдаты возвратились в казармы, Лочо приступил к делу. Первым делом он навестил своего приятеля, вислоусого казака с огромными, как решето, глазами.

— Что тебе больше по душе, русский царь или идти домой?

Вначале до казака не дошло, о чем спрашивает Лочо. Но когда тот повторил, то бравый казак так захохотал, что казарма ходуном заходила.

— Чего ты смеешься, я правду спрашиваю?!

— На черта мне сдался русский царь. Если отпустят домой, меня там такая пухленькая женка и мои орлята ждут не дождутся, что за них не только царя отдам, но и всю Пруссию прибавлю.

— Значит, ты согласен скинуть царя?

— Мил человек, ежели ждут моего согласия, то какого черта я стану отказываться? Да сбрейте мне усы, коли я первым не брошусь к его дверям, если другие подсобят... Но... сбросили мы царя, все равно другой на его место сядет, а хрен редьки не слаще. Однажды угробили Александра Второго, а на его место Третий сел.

— Нет, такого уже не будет. Тогда сразу установится равноправие. У богатых все отберут и отдадут бедным.

— Сказано хоть куда! В нашей станице есть один такой мироед, вот бы мне до него добраться и задать ему взбучку. Потом и умереть не жалко.

— А чего тебе даст взбучка? Мы должны богатство отобрать.

— Если дадут избить, то неужели ты думаешь, что я не сумею имущество отобрать? У него в закромах столько пшеницы — целую роту сто лет кормить можно. А разной обуви? Нам на всех бы хватило, — тут казак поднял огромную ножищу и показал Лочо отлетевшую подметку, — вот полюбуйся, в чем я хожу.

— Да и мне не слаще: как в армию забрали, ни разу досыта не наелся. Вот я и собираюсь скинуть русского царя, чтобы иметь хлеб и сапоги.

— Ты собираешься? — снова зашелся в хохоте казак, расправляя большим пальцем усы. — Бог тебя силенкой не обидел, и борешься ты, дай бог каждому, но скovyрнуть царя не такое уж легкое дело.

— Не я собираюсь, собираются люди получше нас с тобой, да им наша помощь нужна. Ты скажи: согласен или нет. Мы сейчас же должны ответить, чтобы они знали, что не останутся без подмоги.

— Я — с радостью. Все равно с голодухи подыхою. Так лучше за дело погибнуть. Победим — хорошо, нет — зароем в землю, хоть успокоюсь. Пусть зовут, я готов. Куда иголка, туда и нитка.

— Дай бог тебе здоровья, — обрадовался Лочо и подошел к другому приятелю, саженному русскому.

— Кого предпочитаешь, царя или хлеб?

Солдата рассмешил этот вопрос, но он подумал: «Этот дурень либо спятил, либо посмеяться надо мной решил».

— Ну, что скажешь? Царь или хлеб?

— За буханку хлеба и царя уступлю и царицу, — ответил солдат, — хотя сейчас и от царицы бы не отказался, такой злой хожу, авось успокоила бы меня. А пока тащи быстрее хлеб, где он у тебя?

— Откуда у меня хлеб? — удивился Лочо. — Будь у меня жратва, так я бы свое брюхо набил, ни днем ни ночью покоя от него, проклятого, нет. Если бы ты превратился в хлеб, я б и тебя слопал, принялся бы с ног и мигом до головы добрался.

— Отвяжись от меня, — дернул ногой солдат, — еще примешь меня за хлеб и детей осиротишь.

— Вот ты говоришь, давай хлеб, где он у тебя? Хлеб не у меня, а у царя да у богатеев. Мы их перебьем, и все нам достанется.

— Кто это тебе сказал?

— Нашелся такой человек поумнее царя, он и сказал.

— А еще что сказал?

— Сбросим, говорит, царя, отнимем все у богатеев и раздадим бедным.

— Прямо как в сказке.

— А еще все будет общим. Заводы отдадут рабочим, а землю — крестьянам.

— Ишь ты, здорово! Я сам не раз думал об этом. Но что вы от меня хотите? Что я должен делать?

— Тот человек — революция или как там его, — в общем, он сказал: соединимся с рабочими, начнем борьбу, поборем царя и не будем больше голодать, понял?

— Мои предки всю жизнь с нуждой боролись, а я

чем хуже их? Бороться — так бороться! Зовите, я готов! Человек рождается, чтобы бороться, а не охать, сложа руки. Ни дна, ни покрывки тому, кто отступит-ся от своего слова.

Потом Лочо перешел к третьему, от того — к четвертому. Постепенно многих перетащил на свою сторону. Да вышла осечка с одним плюгавеньким солдатом. Этот недомерок успел где-то пропустить рюмочку, и Лочо, видя это, решил подшутить:

— Ты что больше любишь, царя или водку?

Солдату с пьяных глаз почудилось, будто Лочо издевается над ним, он вскочил на ноги, надулся и заорал:

— Цыц, кто смеет так говорить о батюшке-царе! Царь — наш бог, не допущу над ним насмешки чинить!

— Успокойся, успокойся, — пытался утихомирить его Лочо, — пошутил я, ради смеха спросил.

— Кто смеет смеяться над царем?! — старался орать тот как можно внушительнее. — Ах ты дубина стоеросовая, слава нашему царю! Не дадим радоваться врагам его!

На крик прибежал офицер, начал допытываться в чем дело. Солдат взял да все и выложил. Офицер разъярепенился, отправил Лочо на гауптвахту, а потом, заметив, что доносчик еле на ногах держится, приказал и того забрать.

Шакро пришел в ужас, узнав об этой истории. Сболтни Лочо хоть слово, и ему не миновать решетки. Не считая Лочо болтуном, он знал, что боль и битье могут сотворить чудеса. Кто знает, чем все это кончится? Всю ночь не смыкал глаз Шакро, но за ним никто не приходил. Тогда он успокоился, усовестился, стал ругать себя: как это я мог возвести напраслину на Лочо.

Лочо на гауптвахте

Когда в камеру впихнули доносчика, Лочо обрадовался, уж теперь он до него доберется. Натер ему хорошенько уши и приказал молчать, не то задушит совсем. По-русски Лочо говорил плохо, но ругательных слов знал во множестве и применял их во всем многообразии.

— Отпусти мою душеньку, отпусти, — умолял сол-

дат. Но у Лочо чесались кулаки, и он разыгрывал на спине доносчика целые барабанные марши.

Наутро пришла ему в голову прекрасная идея. Схватил он соседа по камере за уши, приподнял и потребовал:

— Ну-ка, ори: «Долой войну, долой царя!»

Солдат было заартачился, но чувствуя, что Лочо вот-вот оторвет ему уши и никто его не спасет, всхлипывая, затынул, как шакал:

— Долой войну... Долой царя...

— Так не годится, — встряхнул его Лочо, — твоего писка даже я не слышу, не только за стеной. Набери-ка побольше воздуха и ори во всю глотку.

— Долой войну! Долой царя! — завопил изо всех сил солдат, и в этот момент распахнулись двери камеры.

— Кто кричал? — спросил охранник, а дознавшись, отлупил крикуна, выволок его из камеры и запер в одиночку.

— Ну вот, — сказал вслух Лочо, оставшись один, — теперь я настоящий арестант, куда уж больше! Если не расстреляют, с голоду подохну. Бесславно протяну ноги. Хоть бы революцию увидеть, будь я проклят! Машо как-нибудь проживет. Несмотря на то, что она такая коротышка, жизнь в ней так и кипит. Кто-нибудь да обязательно похитит ее. Письмецо бы ей отправить.

Подумавши так, он принялся барабанить в дверь. Вошел часовой. Лочо начал уговаривать его позвать Шакро, за что пообещал прислать чачи сразу по возвращении в Грузию. Часовой развеселился и согласился. Тайком от начальства пустил Шакро на гауптвахту.

— Шакро, дорогой, ты должен написать письмо. Садись и пиши моей Машо, что я тягался с царем, за что и арестован. Все напиши, а потом прочитаешь мне.

К этому времени Лочо выучил все буквы, но читал и писал с превеликим трудом.

Шакро исполнил его желание, написал Машо, что жизнь, мол, идет хорошо, мирно и в достатке. А в конце приписал: сию на гауптвахте, за царя притянули, но не беспокойся, все уладится.

Получив письмо, Машо отправилась к родственникам прочитать. Прочли. Но приписка с ее неясным намеком так поразила всех, что только молча переглянулись, а Машо как будто этого и ждала. Пошла по деревне рассказывать:

— Моего-то мужа за царя тащут, и как он ни отказывался, все равно посадили.

Эти слова взбудоражили всех. Попробовали не поверить, да какое там, у Лочо и обличье как есть царское. Стали нести в дом Лочо кто дров, кто муки. На другой же день примчался духанщик, принес чоха-ахалухи и пояс с саблей: извини, мол, Машо, что до сих пор не отдал, все опасался, сумеешь ли ты достойно сохранить эти вещи. А если у тебя появится надобность в соли либо в спичках, приходи прямо ко мне, ни копейки с тебя не возьму. Следом и староста пожаловал.

— Не верится мне, что нашего Лочо царем поставили, хотя надо сказать, что из целого мира лишь он один достоин царского звания, но все же напиши ему, что уважение, которое ему оказали, очень обрадовало старосту. Не забудь написать, что уездный начальник всячески притесняет народ, а Кахети не такая большая, чтобы заводить в ней по несколько уездов, так что во главе этого одного уезда должен стоять такой проверенный человек, как наш староста. Хотя ты и перо в руках не держала никогда, давай садись, вместе напишем.

Сели и стали писать. Первую страницу посвятили вступлению. Во вступлении расхваливался Лочо и все его предки, тонко давалось понять, будто староста предсказывал Лочо великое будущее: едва тот появился на свет, с детства видел в нем главнокомандующего, если не императора. И чтобы придать достоверность своим словам, прибегал к старинным пословицам, таким как: «хороший бык и теленком заметен», «бравого воина с люльки видно», «урожайный виноградник по побегам определяют», «в прыжках жеребенка порода сказывается», и кто знает, чего только там не было. Некоторые пословицы староста знал давно, другие придумал тут же, но письмо вышло трогательным. В конце советовал не забывать отчий край и родную деревню, а тем более того человека, который заботится о ней, словно о родной семье.

Лочо просиял, когда ему прочитали это послание. Поверил написанному, размечтался, представляя себя царем. Интересно, с чего бы он начал сразу по поманзании? Что бы совершил?.. Первым долгом скинул бы царя. Нехорошо выходило: царь для того и существует, чтобы его сбрасывать. А так хочется стать царем... На чем же все-таки царь сидит? Наверное, трон у него высокий-превысокий, поэтому и страшно, если сбросят. Подобьют ножки — бах-бах — и на земле. Хотя... это только у Лочо да его родни пол земляной, а у царя, надо думать, деревянный, блестящий, как зеркало, смотреться можно. Падать на такой пол — одно удовольствие, богом клянусь. Нет, что ни говори, хорошо быть царем, даже если сбросят с трона, все равно на полу оставят. А если не оставят, а повесят? Непременно повесят! Не хочет он быть царем, на кой черт ему царство! Лучше присоединиться к рабочим, свергнуть царя и отобрать у него все: и движимое и недвижимое, и продовольствие. И не только царя, всех богатеев порастрясти, отобрать у них хлеб и вино и закутить вовсю. Не одному, конечно, а всем вместе, чтоб и Шакро был с ними, и Тэдо, и Сонка, и Васико, и Сико, и Донгуза, и все остальные, несчастные, подневольные, сирые, вечно мечтающие о куске хлеба и глотке воды... Лочо до того распалился, что вскочил и, потрясая кулаками, зарорал во всю мощь:

— Долой царя!.. Долой войну!.. Да здравствует свобода, жратва и пир!..

Плевать ему на часового! С криком выскочил из гауптвахты и принялся обнимать солдат.

Те только рты раскрыли. Никто ничего понять не может. Но и их проняло, зашумели, поддерживая Лочо. Откуда-то примчался командир взвода:

— Связать! Арестовать!

Выхватил маузер и бросился на Лочо.

Когда Шакро увидел, что командир не шутит, подскочил к нему и так двинул по зубам, что тот растянулся на земле. Шакро насел на него и отобрал револьвер. Вислоусый казак и саженный русский кинулись помогать и связали командира ремнями. Все смешалось, со всех сторон бежали солдаты узнать в чем дело.

Прибежал худощавый капитан. Ему тут же объяснили, что командир взвода сошел с ума, собрался застрелить солдата, вот и пришлось его утихомиривать.

Капитан обратился к пострадавшему. Тот, брызжа слюной, кричал что-то об оскорблении его императорского величества и о своем желании прикончить мерзавца. Капитан, по-видимому, перестал сомневаться и приказал оттащить свихнувшегося в одиночку. А тут подоспел полковник, усатый, как тот казак, и дородный, как Шакро. Капитан доложил ему о причине волнения солдат, полковник распорядился приставить к начальнику взвода охрану и немедленно препроводить в психиатрический лазарет, опасаясь, как бы взбесившийся не сломал двери гауптвахты и не наделал бы бед.

— Я не сумасшедший! Я нормальный! — кричал во все горло запертый на гауптвахте и тряс решетку. Но капитан доложил, что лично слышал, как тот оскорблял царя и закон, и полковник даже не взглянул в сторону кричавшего.

На следующий день Шакро вызвали в штаб. Все ждали, что его будут допрашивать, может быть даже арестуют, но Шакро вскоре вернулся живым и здоровым.

— Зачем тебя вызывали? — окружили его солдаты. Но Шакро отмолчался.

Вскоре все раскрылось: оказывается, Шакро был назначен командиром взвода (до сих пор он командовал отделением). Что же касается ареста Лочо, то об этом никто и не вспомнил. А тот солдат, защищавший царя, просидел голодным еще несколько дней.

— Видишь, сбылось-таки мое предсказание, — погладил себя по груди Лочо, — я же пророчил тебя в командиры. Так и вышло. Нацепили тебе командирские погоны? Подожди, дальше — выше поднимешься.

Шакро старался не выдавать своей радости.

— Не это главное, — сказал он Лочо, — а другое.

— Что другое?

— Что капитан поддержал и выгородил нас. Это главное. Он же настоял, чтобы меня назначили командиром взвода. Он все понял, но тем не менее оправдал нас. Это значит, что...

— Что капитан за нас, да?

— За нас.

— Значит, мы победили?

— Победа не такая легкая штука, мой Лочо. Что бы победить, нам понадобятся сотни и сотни таких командиров и даже больше. Но сдается мне, что мы сможем заставить их служить нам. Бог на нашей стороне.

— Давай, Шакро, давай. За таким командиром, как ты, я — в огонь и в воду. Пусть руки отсохнут, если ослушаюсь тебя.

На Петроград

Теперь во многих частях поставили командиров из солдат. В других оставались старые, но такие, в которых были уверены, что они не пойдут против коммунистов. Радость распирала Шакро, жажда деятельности обуревала его.

— Наша берет, Иванэ!

Лочо впервые назвали настоящим именем, и он придал этому особое значение.

— Что назревает, Шакро?

— И бог на нашей стороне, и люди, — тут Шакро перешел на шепот, — скоро двинемся на Петроград. Я разузнал. Теперь уже никто не загородит нам дороги.

— В какой стороне Петроград?

— В той, — неопределенно махнул Шакро.

— Очень далеко?

— Какое это имеет значение? Главное, чтобы нас призвали, а мы незамедлительно выступили. Дорогу осилит идущий.

— А что нам там понадобилось?

— Там — трон царя. Мы должны подняться и скинуть его. Попробует сопротивляться — придушим.

Петербург представлялся Лочо в виде высокой горы. На самой вершине, так он понимал Шакро, стоит древний трон, на котором развалился царь. Поднимусь на гору, думалось Лочо, ухвачу царя за ноги и скину вниз. Встану на дороге и близко к трону не подпущу, пусть что хочет, то и делает. А душить его жалко. Он чуть было не начал спорить с Шакро по этому поводу.

Откуда-то привезли ржаной хлеб и селедку и раз-

дали солдатам. О большем Лочо и не мечтал. Наелся до отвала и довольный сказал Шакро:

— Сейчас во мне такая сила, что гору с корнем вырву. Веди меня, куда надо. Издали покажи трон, а остальное я беру на себя. Так стащу царя, что никто моргнуть не успеет. А если позову на помощь, сбрейте мне усы. Только душить рука не поднимется, не щенок же он. Так уьем... Двинемся скорей, пока я сыт и силен.

Но путь к Петрограду был долог и тяжел. За это время не раз менялись планы Лочо. Шакро как-то объяснил ему, что царь сидит не на вершине горы, а в мраморном дворце, и трон его вовсе не похож на грузинский «тахти» — просто высокое золотое кресло. Тогда Лочо решил: «Вот приеду, выбью ножки у кресла, скину царя, угощу его парой пинков, и айда — прямо к Машо!»

Решить-то решил, да дорогой пришлось пережить столько невзгод, стычек и мучений, что он чуть было надежду не потерял. Но еще больше изводили его солдаты, страдающие от голода. Они по одному подходили к Лочо и злорадно спрашивали:

— Ты царя предпочитаешь или хлеб? Царя или домой? И до царя не достали, и жрать нечего. А домой вместо нас похоронки придут, и пойдут наши сироты Христа ради. Вот твои обещания!

Лочо и своего горя хватало. Эти упреки доводили его до бешенства, но солдаты не отступали, приходилось держать ответ:

— Говорят: имеретинец дожил до жатвы, но пирогов в глаза не увидел. Подождите, братва, все переделается, Шакро сказал, что скоро и хлеб будет, и царю дадут по шее. Вот увидите, только доберемся до места, а там..

К этому времени в их часть прислали настоящих агитаторов. Те убеждали солдат:

— Борьба предстоит нелегкая, мы это не скрываем, но победа будет за нами. Мы собрались установить равноправие, без борьбы этого не достигнуть. Мы мучаемся, но наши дети и внуки увидят счастливую жизнь. Довольно ходить в ярме...

Враги революции тоже не дремали. Они пытались посеять сомнения: нет-де у нас сил свергнуть царя.

Пока до царя доберемся, сами передохнем, а не будет нас, пусть весь мир катится в тартарары. Пока солнце взойдет, роса очи выест. Лучше просить царя прекратить войну, а большего и требовать нечего. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Царь — помазанник божий, нам ли свергнуть его. Мы свои штаны застегнуть как следует не умеем, нам ли супротив царя подниматься? В конце концов, нехорош Николай — потребуем другого. Вон брат его Михаил — умница и к народу со всей душой. Обратимся к нему. Поймет. И хлеб появится, и домой отпустят.

Находились такие, которые попадались на эту удочку, однако большинство насмешками встречало подобные слова: от царя ни хлеба, ни милостей не хотим, хорошего царя бог не создал, видано ли, чтобы собака ягненком оценилась. Перепелка на дереве гнезда не вьет, не та ее порода. Царя и весь его род надо под корень вырубить, а управлять страной будем сами.

Говорят, что царь страшно перепугался, когда войска вступили в город, пошел на попятную: отрекаюсь от престола и передаю его брату Михаилу. Но Лочо подумал: «Дудки, прошагать такой путь, да не увидеть трона, не сдернуть царя, да не поддать ему...»

И другим царские слова пришлись не по вкусу. «Чтоб и памяти о его роде не было!» — решили все. Произошла схватка между революционными войсками и частями, преданными царю. Лочо и выстрелить не успел, как их полк остановили и сказали, что царь ниспровергнут, а министры сняты.

Обиделся Лочо, что не довелось ему скинуть царя, только и поспел, что к шапочному разбору. Не скрывая досады, спросил у Шакро:

- Эй, кто же скинул царя?
- Как кто? Мы.
- Ну да! Где же он был? Я что-то его не видел.
- Ты не видел, другие видели. Пришли и арестовали. Победа за нами.
- Не за нами, а за ними.
- За кем?
- За теми, кто нас опередил. Подумаешь, геройст-

во, торчать здесь без толку. Геройством было бы пойти туда и самим все сделать.

— Одного царя как может каждый из нас сбросить? Нам всем и во дворце не поместиться.

— А ты скажи, мы-то что сделали? Я ни одного человека не убил.

— И не должен был убивать. Сторонники царя перешли на нашу сторону. Кого же мы должны убивать?

— Тогда в чем же наша заслуга?

— Мы вошли в город, рабочие и революционеры почувствовали поддержку, атаковали царя и победили. Вот в чем наша заслуга. Не приходи мы, одним рабочим не справиться бы.

— Получается, что они победили, понадеясь на нас?

— Так и есть.

— Прямо как в детстве. Мой дядя Китэса, видя, что меня побил кто-нибудь из старших парней, говорил: иди, прицепись к нему, а я спрячусь поблизости, если он тебя будет одолевать, я приду на помощь. Я бросался на обидчика старше меня лет на пять, на шесть и задавал ему трепку.

Шакро рассмеялся.

— Что ты смеешься? Так и получается. Мы прибыли, рабочие почувствовали поддержку и, не дожидаясь нас, сами сбросили царя. Конечно, было бы лучше, если бы я сам его сбросил, потягался с ним — кто кого?

— И так неплохо, и так... Главное — свергли царя и победили.

Борьба продолжается

Раз объявили, что царь свергнут, а министры его распущены, то Лочо решил, что отныне и хлеба будет вдоволь, и по домам не замедлят отпустить. Он терпеливо ждал... Но домой не отпускали, а хлеба и в помине не было.

— Почему? — не мог понять Лочо.

— Потому, — отвечали ему, — что главное только сейчас начинается. Назвался груздем, полезай в кузов. Создано временное правительство, от которого народу столько же пользы, как от козла молока. Расселись и воображают, что весь мир принадлежит им. И войну не кончают, и силу народа не хотят признавать.

Неприкаянно чувствовали себя солдаты, не зная, за что теперь приниматься. Одни требуют, чтобы они, сохраняя дисциплину и верность присяге, возвращались на позиции и продолжали выполнять свой долг; другие внушали, что борьба только начинается. Не поддавайтесь на уговоры, — призывали они, — оставайтесь здесь, свергнем временное правительство и во главе государства поставим совет рабочих, крестьян и солдат, в который изберем таких, как Шакро, Лочо, саженный русский и усатый казак.

— А наемни говорили, что советы уже сколочены, — спрашивал кто-нибудь.

— Это правда, но в них засели меньшевики, эсеры и прочий сброд, одним словом, не нашего поля ягода. Необходимо создать большевистские советы.

У Лочо голова кружилась от этой неразберихи, и он поспешил за помощью к Шакро.

— На что это похоже? Царя сбросили, чего же еще от нас требуют? Обещали по домам распустить! А теперь снова должны воевать неизвестно за что?

— За хлеб, — ответил Шакро, — за хлеб и за свободу. Борьба продолжается.

— Ты же говорил, сбросим царя и будем жить в достатке. Сбросить — сбросили, а есть все равно нечего.

— Необходимо создать советы, революционные большевистские советы, и тогда у нас будет все.

— Знаю, знаю. Соберем новые советы, за нами дело не станет, да хлеб с неба не свалится. За что тогда примемся?

— Запасись терпением. Как решат, так и будем действовать. Эта революция, говорят, была буржуазной, а сейчас необходимо перейти к социалистической.

— Дай тебе бог здоровья! А если и на этот раз получится снова не та?!

— Такого не может быть. В то время, когда мы начали борьбу, среди нас было немного опытных людей, вот и получилось, что не те сели у власти.

— Какие там не те?

— Эсеры, кадеты и еще кто его знает какое жулье. Теперь же все наши собрались, вернулись из-за

границы и прямо на вокзале сказали такие слова, которыми скалу разрубить можно.

— И не побоялись?

— Ни капли.

— Интересно, что говорили?

— Сказали, что... если не свергнем временное правительство, наша победа не будет стоять и ломаного гроша. Вся власть советам, понял?

— А вот я хочу знать, привезли они с собой хлеб?

— Откуда им привезти хлеб? — засмеялся Шакро. — Слава богу, что хоть сами благополучно вернулись. Мы здесь отыщем и хлеб и мясо.

— Насчет войны, насчет войны что сказали?

— Сказали, что войну необходимо немедленно прекратить. Народу надо дать отдохнуть. Терпение, мол, у него лопнуло, и он хочет мирно трудиться.

— Пусть благословит бог способных сказать такое. Прямо в точку попали. Я так соскучился по жатве, просто сил нет, — радостно засияли глаза Лочо, — по жатве, по лобию, приготовленном Машо, приправленным киндзой, какое она, бывало, приносила в страду в поле под старый дуб.

— А еще о чем соскучился? — Шакро был рад случаю перевести разговор и избавиться от расспросов Лочо, на которые он уже не знал что и отвечать.

— Еще — о гудящем камине, о кувшине вина, о домашнем сыре, о маринованной капусте, приготовленной матерью.

— О Машо не скучаешь?

— Э-э, об этой и говорить лишне. Недавно попалась мне на глаза одна русская, идет как пава, сзади — вылитая Машо. Я — ходу, обогнал, думаю, чего доброго, Машо приехала и ищет меня. Обогнал, посмотрел. Она мне улыбнулась, должно быть, тоже обозналась.

— Приглянулся, наверное. Кто знает, может ее муж тоже солдатскую ляжку тянет, — улыбаясь, сказал Шакро.

Лочо призадумался. Потом покачал головой и твердо сказал:

— Солдатскую ляжку?.. Нет, не хватило бы сил подложить свинью...

— Кому? Машо?

— И Машо, и тому солдату.

— А если Машо сама изменяет?

— И в мыслях такого не держу. Как она может настолько потерять голову, что забудет о нашей любви? Мне лет четырнадцать было, когда я полюбил ее... И посеячас, стоит вспомнить о ней, как вот здесь, прямо в сердце защекочет, — Лочо приложил руку к груди и продолжал, — все женщины мира не заменят ее. Эх, скажи, когда же, наконец, закончится эта заваруха и мы отправимся по домам?

— Ты лучше постарайся вспомнить, сколько сортов вина в Грузии и какое ты любишь больше всего?

— В Грузии одной лозы семьсот сортов, да каждый виноградник дает свой сорт. Кому под силу сосчитать их!

— А ты какое любишь?

— Все хороши.

— А все-таки?

— Ркацитэли, мцванэ, саперави... Да разве время сейчас об этом говорить? У меня живот к спине прирос. Скажешь ты мне или нет, когда все это кончится и мы сможем отдохнуть в тени нашего абрикоса?

— Скоро, не отчаивайся. Разгоним временное правительство, и конец.

— Чего тянем время? Пусть развяжут нам руки, и мы мигом все устроим. С большим зубом нечего церемониться.

— Это все так... Но... семь раз отмерь, а один — отрежь; лучше обойти, чем сломать голову, шагая напролом, еще никто не овладел миром, бросаясь очертя голову.

— Ладно. Поверю и на этот раз. Пусть будет, как будет. Твоя взяла.

Так Шакро успокоил друга. В этот вечер они заснули позже всех.

Штурм

Поговаривали, что Зимний дворец, видимо, придется брать штурмом, а Лочо обожал атаки. Стоило ему сделать шаг, а там хоть дубиной по голове бей, не оста-

новишь. Однажды перед самым Крещением такое приключилось с Лочо. Дело было незадолго перед отправкой в армию, и он решил: «Пройдусь-ка в последний раз, свет посмотрю, поборюсь заодно, да и себя покажу».

Пришел в Манави (село такое, по соседству с Каканас Сэри).

Поборолся.

Сначала одного положил, потом второго, третьего. Когда же, не отдыхая, бросил на лопатки четвертого, манавские мужики смяли круг и скопом кинулись бить Лочо. А он, недолго думая, выворотил из плетня кол и смело пошел на них. Увидев такое дело, мужики обозлились еще пуще, похватали, что под руку попало, и началось. Обложили Лочо и здорово потрепали его. Однако сбить с ног так и не смогли. Как видите, Лочо не боялся схватиться с доброй сотней деревенских мужиков, а штурмовать Зимний и подавно. «Это всего-навсего дворец, а не стоглавый дракон», — думал Лочо и с нетерпением ждал штурма.

— Какое сегодня число? — спросил он у Шакро, когда тот сказал, что согласно новому приказу выступаем сегодня.

— Двадцать четвертое.

— Октябрь теперь?

— Октябрь.

— Самое время озимые сеять, а мы тут без дела слоняемся. Ты можешь сказать, сколько урожаев собрали без нас?

— Три.

— А почему не четыре?... Кто знает, может и следа наших домов не осталось, нагрянули татары да спалили, — за рекой Иори мусульмане, они частенько беспокоили набегами жителей Каканас Сэри. — Мы здесь в чужой стороне, а дома, небось, черт-те что творится.

— Потому и бьемся здесь, чтобы у нас дома все мирно было. Стоит нам победить, знаешь, какое согласие установится между народами? Все будут равны.

— Кто это сказал?

— Самый главный, он и сказал...

Ночь началась с перестрелок. Сначала Лочо с друзьями атаковал почту и захватил ее. Потом их поста-

вили у моста, приказав никого не пускать без ведома командиров. Они и не пропустили никого. Потом их повели к Зимнему. И как только услышали выстрел «Авроры», с громким «ура» они бросились на штурм. Несколько солдат рядом с Лочо упали на бегу. Он даже не оглянулся. Шакро сказал, что промедление смерти подобно. Захватим Зимний — победа наша. Шальная пуля впилась ему в левое плечо, но даже она не смогла остановить бег Лочо.

— Ура! — кричал он, врываясь в Зимний.

Зашатались стены и фундамент дворца.

Было уже утро, когда комиссар-большевик вскочил на стол и громко прочитал:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета...»

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!»

— Ура! — гремело вокруг. Гремело так, что по всей Российской империи прокатился этот гром, потом, взметнувшись ввысь, как солнце, озарил землю.

— Слава богу, наша взяла! — с облегчением вздохнул Лочо. — Вот тебе и штурм, и Зимний! А что теперь со «временным» делать будем, а?

— Что будем? По одному перевешаем.

— Снова вешать будем? Жалко этих сукиных детей. Может, без этого обойдемся?

— Жалко?! По их милости народ голодал, тянулась война, а если сейчас не скрутить им головы, сызнова возьмутся за свое. Мстить надо, мстить!

— И это правда... Заслужили они... Вот у нас за деревней Нико живет, так он меня маленького еще побил. До сих пор не могу забыть. Кажется, если не отомщу, не успокоюсь, до могилы будет жечь меня эта злость, на том свете встретят предки и скажут: «Не приходи к нам, ты — трус». За что нам прощать этих извергов, за что им миновать петли?.. А теперь ответь мне — на этом все кончено?

— Да, отныне все поправится. Уже вынесли решение: землю — крестьянам, фабрики и заводы — рабо-

чим. Все пахотные земли переходят в наши руки, чего нам еще желать?

— Большого и не надо... Мужик только одним живет: было бы земли, куда глаз хватает, плуг да серп. Да чтоб не скудела сила в руках и смелость в сердце... И домой отпустят, да?

— Насчет дома не скажу. Будет перемирие — отпустят.

Тут Шакро заметил, что Лочо как-то странно держит плечо и спросил, что с ним.

— Пустяки, — отмахнулся Лочо, — царапина. Когда манавские мужики саданули меня колом, еще больней было, да и то прошло само по себе.

— Я тебя сейчас в лазарет отведу.

— А что я там оставил? — взвился Лочо. — Хоть убей, не пойду.

Шакро постоянно носил при себе какой-то камень, говорил, что он лечит любое ранение. Он тут же достал его, наскоблил ножом на бумажку, взял щепотку пыли и, спустя с плеча Лочо шинель, присыпал рану.

— Э-ха-ха, сколько всего буду рассказывать, как приеду в деревню, — весело, как будто и не был ранен, мечтал вслух Лочо, сидя на ступеньке дворцовой лестницы. — Сколько всего увидеть довелось, что и врать не придется. Только в одном совру, а ты уж, ради бога, не выдавай меня.

— В чем же?

— Сначала поклянись, что не выдашь.

— Честью клянусь.

— Скажу, что своими собственными глазами видел того человека, который совершил революцию.

— А если не поверят?

— Поверят. Ты же говорил мне, что он на вокзале с броневика речь произнес. Вот и скажу, что был там и все слышал. Скажу, что он такого высоченного роста, аж шею свело, куда глядел на него. А руки — что бревна. Лоб — целое послание написать можно. И после этого не поверят, а? Скажи, не поверят?

— Насчет лба ты не ошибся, лоб, говорят, у него действительно высокий. А ростом он совсем не так высок, — тихо сказал Шакро.

— Как это невысок? Меньше нас с тобой?

06.10.55
202 00110333

— Не только ниже нас с тобой, мне комиссар Говорил, что он такого же роста, как царь Ираклий.

— Теперь ты мне скажешь, что царь Ираклий был маленький?!

— Вот-те на, а ты что ж, не знал?

— Кто? Ираклий?

— Да, Ираклий. Потому его и прозвали Патара Кахи¹.

— Тогда почему поют:

**Наш Ираклий богоравный
Раз с утра надел кольчугу,
Потянулся, и кольчуга
Разорвалась пополам?**

— Ну и что, что поют? Наверное, разорвал кольчугу, вот и сложили песню.

— Будь он маленьким, как бы он мог разорвать ее. Или где бы ему одолеть вождя Кохту. Или столько лезгинов держать в страхе?

— А тебе разве не приходилось видеть невысокого, но сильного и удалого человека?

— И это правда... Но все равно царь Ираклий был великаном.

— Не рост главное, а ум и смекалка, — сказал Шакро.

— Верно. Этот человек наверняка умнее всех, потому-то и победил. Например, чем хуже других Миха из Сагареджо, несмотря на свой маленький рост? Сандро Канделаки весит двенадцать пудов, а в Миха и трети не наберется, но побороть его никому не удавалось. Как Сандро ни старался, не мог повалить Миха. Вот и этот человек наверняка такой же удалой, а вдобавок и умный. Не правда ли? Нет, решено, пока не увижу его, домой — ни шагу. Может быть, повезет мне, и я с ним в самом деле встречу...

Перевел В. ФЕДОРОВ-ЦИКЛАУРИ

¹ Патара Кахи — Маленький Кахетинец (груз.).

ПАПУАШВИЛИ Георгий Китэсович. Род. в 1930 г. Окончил филологический ф-т ТГУ. Автор более десяти книг, в том числе двух романов: «Маленькие повести о больших событиях» и «Далекое сияние». Член СП.

СЛОВО

Кто в подлунной отважится слово догнать —
К стройной липе пудовый валун привязать?

Разве слово у нас измельчало вконец
И не тронет своей чистотою сердце?

Жар заветного слова стократ горячей
И рассветных лучей, и закатных лучей.

Только слово любви свяжет душу с душой.
Гибель слова — агония тверди земной.

Слово — кузница мира, начало начал.
В слове запечатлен вечной страсти накал.

●
Забыл свою обиду и твою.
Мне память, верно, изменила дважды.
Из белой чаши день по капле пью,
Из черной — ночь мне утоляет жажду.

Теперь меня моя смущает злость.
Быть может, и твоя тобой забыта.
Зачем же я, земли случайный гость,
Самозабвенно расточал обиды?

Гоню коня скалистою тропой.
В ущельях пламенеет свет заката.
Вот так в пути столкнемся мы с тобой
Лицом к лицу. Мы оба виноваты.

МНЕ ЧУДИТСЯ...

Напрасно жду тебя, но мнится почему-то, —
Ты вышла только что и занята в саду
Обычною возней. С минуты на минуту

Шагнешь через порог, но я напрасно жду.
То померещится, что ты во Вашлиджвари
С дорожной сумкою поехала к родне.
Ну что же, добрый путь, осенний день в разгаре.
Но это — вымысел. И страшно станет мне.
И память оживет, как будто зашумели
И хлынули валы прибоя в грудь мою.
Отныне нет тебя. У смерти на прицеле,
У жизни на краю один, как перст, стою.

Я ЖИВУ У ЗООПАРКА...

В зоопарке свищут птицы.
К небу лось воздел рога.
В тесной клетке тиграм снится
Уссурийская тайга.

Я живу у зоопарка.
Мне известны наперед
Все мечты твои, цесарка,
Все сомненья, бегемот.

Восседает грозным стражем
На коряге старый гриф.
Мрачный хищник, ты не страшен —
Просто-напросто спесив.

Туры, зебры и вараны
Приоткрыли сердце мне.
Колыхаются барханы
У верблюда на спине.

НУЖНОЕ СЛОВО

Я с ненастьем и зноем в ладу.
Мне по сердцу погода любая.
Вдоль по улице тихой пройду,
Улыбаясь, вздыхая, мечтаю.

Птичье племя гнездится, галдит.
Треплет ветер листву молодую.
Если путь мне валун преградит —
Отодвину, пойду напрямуюю.

Что скрывать? Розы рдеют в глазах.
А людское участие простое
Для меня, как звезда в небесах,
Из гоненья ж обиды не строю.

Высота и сестра ее, даль,
Вносят ясность, смиряя волненье.
Пусть развеется эта печаль,
Ведь злословье — недоразуменье.

Я хозяин погоде своей.
Возвожу непогоду, как кровлю.
Грозы, ливень и трепет аллеи —
Это сам я себе уготовлю.

НОЧЬ МОРЯ

Оборотень день сменил убранство,
Нарядился в черный бархат тьмы.
Это — ночь. Померкшее пространство
В легкие свои вбираем мы.

Дочь пучины, ночь морскою гладью
Под луной скользит, потупя взор.
Ангелы ей бархатное платье
Подняли, чтоб не намок убор.

Это ночь на цыпочках подходит,
Знает сны и помыслы людей.
Это ночь с улыбкою подводит
К сердцу электричество страстей.

Красоту стыдливо обнажает,
Клятвам и объятьям счет ведет,
Обмирает, от любви растает,
В море упадет и пропадет.

ГРУЗИИ

Солнцепек и зелень винограда —
Вот приметы родины моей.
Больше украшать тебя не надо,
Мать красавиц, роз, богатырей.

Взмыть бы ввысь с отвагою орлиной,
Расстелить в полях мечты парчу.
Дни уходят вереницей длинной —
Жизнь к ногам твоим сложить хочу.

В три погибели я буду согнут.
Пеплом станут черные глаза.
Ветер зашумит — колени дрогнут.
Грузию не сломит и гроза.

Перевел Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

НОЧНЫЕ ЧЕРНИЛА

В черную тушь чернильницы ночи
звезды перо золотое макают...
Почерк верховный узрел я воочью —
буква за буквой страницы мелькают.

Звезды романы земные слагают
с фабулой горькою и беззаконной,
сердце терзают мне и насылают
сна и бессонницы всхлипы и стоны.

НРАВЫ ВЕЧНОСТИ НЕ МЕНЯЮТСЯ...

Между жизнью и смертью,
на стыке
— нескончаемое страданье,
и к звучанью извечной музы́ки
мы прибавим свое содроганье...

Ни разрушить их, ни притерпеться
к этим стыкам,
на то мы и люди,
чтоб успеть ненадолго согреться
и остыть в круговерти прелюдий.

Вечен звук твой, на то ты и вечность,
ну а я предпочту —
человечность.

Перевел Павел НЕРЛЕР

РАДУЖНАЯ БАБОЧКА

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ

В леса стихов я помещу тебя,
под ноги постелю свои сомненья,
охраной верной мысль свою поставлю,
она тебе надежный путь укажет.
Тебя баюкать будут триолеты,
разбудят забулдыги-мухамбази,
а поясок тебе сонет завяжет.
Мои стихи помогут оторваться,
и ты взлетишь, своей душе подвластна, —
свободно небо, облака прекрасны,
ты им сродни и бьешься не напрасно.
От праха черного я брать не стану,
пригубишь ты мечты пьянящей чару,
со слова шкуру я сдеру, как с тура,
и острой сутью накормлю на славу.
Так в шубки слов я разряжу тебя,
что заискрятся в небесах все стекла,
и все на свете прелесть одолеет,
любые непогоды бытия.
Тебя баюкать будут триолеты,
разбудят балагуры-мухамбази,
а поясок тебе сонет завяжет.
От нежности ты изойдешь росой...
Так залететь лишь жаворонок может!
На землю возвращу тебя тогда,
когда ее травы окрасит кобальт
и испестрят, как радугу, цвета,
тогда ты снизойдешь, мечта моя.

Перевела Лия ДАВТЯН

В КОНЦЕ дня Баделидзе пригласили к начальнику.

— Вопрос подготовили? — спросил его начальник.

— Да, — кивнул Манучар.

— Кандидатура?

— После согласования с вами не изменилась.

— Ладно, — как бы про себя сказал начальник. — Мнения тут разделились, — спокойно продолжал он, — одни его хвалят, другие ругают, в конце концов решили все-таки остановиться на нем. Правда, как вы помните, раньше и я не был согласен с вами, однако пришел к выводу, что в общем это неплохой вариант.

Вернувшись к себе, Баделидзе тотчас позвонил Варламу.

— Ну, брат, с тебя магарыч!

— Неужели?! Я готов, конечно, магарыч!..

Приподнятое настроение директора фабрики не укрылось от присутствующих в кабинете.

— Севастич, — обратился к нему низенький, небритый мастер, — видно, вам сообщили радостную новость?

Окончание. Начало в
№№ 10, 11.

Иорам ЧАДУНЭЛИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БАЛ

Р о м а н

Перевела Нора НЕЙМАН

— Да, да, Рубен, от этой радости и тебе перепадает, может даже на одну ступень выше поднимешься.

В кабинете вместе с другими находился и Касарели. Три тысячи рублей, обнаруженные им вчера в пакете, который Касарели раскрыл, придя домой, были для него целым состоянием.

Ошеломленный и напуганный, ни свет ни заря вскочил он с постели и отправился на фабрику, прямо к директору, но секретарша объявила, что до трех часов Севастича не будет. И вот, наконец, когда явился директор и Касарели вошел к нему в кабинет, он смекнул, что пришел не вовремя. Настроение у него испортилось. Он незаметно выскользнул из комнаты, благо директор был поглощен своими переживаниями и не обратил на него внимания. До конца дня Касарели слонялся по фабрике в полном смятении и расстройстве. Ровно в 5 он ушел. На улице мысли его прояснились. Он решил обратиться в районное отделение милиции, однако, поразмыслив, передумал и направился в Министерство внутренних дел.

* * *

Настроение у Рамаза Бибилури было отвратительное. Все ему осточертело, видеть никого не хотелось, даже самого Манучара. Маквалу он не встречал с того самого дня, как они были в ресторане. Все свое раздражение Рамаз теперь вымещал на жене. После нескольких ссор он наконец сказал ей, что намерен разойтись с ней. Оглядывая мысленно свое прошлое, он вдруг понял, что никогда не любил Нану. Он отчетливо представил себе вечер, проведенный с Маквалой, и все то, что она говорила ему тогда. Да, выход один — разойтись с женой!.. А потом, что потом? — лихорадочно думал он. — Маквала?! Жениться на ней?.. На мгновение ему захотелось послать все к черту!.. Будущее было туманно и не сулило ничего хорошего.

Он рассказал о своих неприятностях отцу.

Бено побледнел.

— Боюсь, как бы еще кто-нибудь не оказался в курсе твоих дел...

— Тяжело все это вспоминать, но ничего не поделаешь. Обострять отношения с этой Маквалой опасно,

я, правда, надеюсь на Баделидзе, но трудно предсказать, как все обернется.

— Если дело получит огласку, твой Баделидзе не поможет. — Бено так тоскливо поглядел на сына, словно прощался с ним навек. — К тому же нет никакой гарантии, что Манучар готов положить за тебя голову...

Рамаз вдруг вспомнил, что был свояком Баделидзе. Кто знает, как отнесется тот к его разводу с Наной?..

— Папа, — Рамаз взглянул на отца. — Лучше мне умереть, чем...

— Звонил Баделидзе. Вечером мы приглашены к нему, — вдруг меняя тему беседы, сказал Бено. — Гляди, какую прелестную вещицу приобрел я для него по дешевке — он вытащил из кармана портсигар, не так давно принадлежавший бедняге Дарчо.

Раньше всех явился к Баделидзе Варлам Бурчуладзе. Дверь ему открыла Русудан. Схватив девушку за руку, он притянул ее к себе и надел ей на средний палец кольцо с крупным бриллиантом. После той памятной встречи они виделись впервые. Драгоценный подарок произвел на Русудан впечатление. Торопливо чмокнув Варлама, она выскочила в соседнюю комнату.

Варлам направился в гостиную.

— А-а, привет, уважаемый! — встретил его, сидя в кресле и заложив ногу за ногу, Манучар.

— О-о, тебя сегодня не узнать! — улыбнулась ему жена Манучара Додо.

Варлам, приблизившись к ней, приложился к ручке и преподнес две небольшие коробочки:

— Не обессудьте, калбатано, за скромный подарок, — проговорил он, почтительно склонившись перед ней.

— Ой, мамочки! — вскрикнула Додо, открыв сперва одну коробку, а затем и вторую. — Ах, ах, ну надо же, такая прелесть! — расплываясь в улыбке, она надела бриллиантовые серьги, затем застегнула на запястье толстый золотой браслет и дважды обернула шею жемчужной ниткой.

— Может, вы наконец и на нас обратите свое бла-

госклонное внимание? — спросил, не меняя позы, Манучар.

— Имею ли я право оставлять без внимания тебя, дорогой Манучар?! — Варлам поцеловал его в щеку и уселся рядом.

— Послушайте, Варлам, почему не пришли ваши работницы, квартира у меня в таком ужасном виде! — отвлекшись от своих новых драгоценностей, пожаловалась калбатони Додо.

— Минуточку, сейчас все узнаю!

Он подошел к телефону, набрал номер.

— Это ты, Андро? Варлам говорит. Послушай, что это случилось с женщинами из цеха Касарели?..

Минуту-другую он ждал ответа. Наконец в трубке раздалось:

— Алло!.. Вы слушаете, Варлам Севастич? Касарели пригрозил этим женщинам снятием с работы, если они будут отлучаться во время рабочего дня!..

— Ты сам подсунил мне этого Касарели! — заорал Варлам. — Чтобы с завтрашнего дня духу его на фабрике не было, слышишь?! Пусть не сует нос в чужие дела! — Он повесил трубку, обернулся к хозяйке дома и уже иным тоном проговорил: — С завтрашнего дня все будет в порядке, работницы к вам явятся.

— Русудан! Нарды! — крикнул Манучар сестре.

Русудан внесла в гостиную слоновой кости нарды и подала их брату. Кроваво-красным светом сверкнул на пальце огромный бриллиант. Манучар не мог отвести взгляда от руки сестры. Он тотчас же понял, чей это подарок.

Мужчины засели за игру.

Раздался звонок. Принимать гостей поспешил сам хозяин.

— Входите, входите! — приглашал он Бено и Рамаза. — А тестя моего почему не прихватили?

— Приглашение мы ему передали, но он не совсем здоров, — ответил Рамаз.

— Неси сюда! — крикнул Бено стоявшему на улице парню. Тот выволок из машины и внес в переднюю большую картонную коробку и громадный ящик.

— Это что, приданое, что ли? — удивился Баделидзе.

— Это, дорогой Манучар, чешская люстра, хрусталь-

ная, она украсит твою гостиную. А это вон — цветной телевизор. Ты уж извини, если что не так, но в городе ничего приличного не достать!

— Зачем только, уважаемый Бено, вы всегда так беспокоитесь, — развел руками Баделидзе.

— А для тебя лично у меня тоже небольшой подарок имеется, так, безделица сущая. — И Бено протянул Манучару портсигар.

Манучар растроганно прижал Бено к груди.

Пока Варлам с Рамазом сражались в нарды, Бено, устроившись рядом с Манучаром, завел с ним беседу.

— Слышал я, будто твой начальник уходит?.. — как бы невзначай спросил он у Баделидзе.

— Поговаривают. Да все это сплетни. Много воды утечет, прежде чем исполнится мечта его врагов.

— Дай бог тебе здоровья, успокоил! — обрадовался Бено.

Манучара же его вопрос заставил призадуматься, тем более что вот уже целый месяц место Талико пустовало, а шеф его и в ус не дул, и на все старания подосланных Манучаром ходатаев упорно отмалчивался. Жена шефа в последнее время тоже принимала его холодно, и даже красота его сестры Русудан не возымела на его женолюбивого патрона ожидаемого действия.

Разлад сына с невесткой Бено объяснил профессору недоразумением. Разговор у них был телефонный. Вскоре после того отец с сыном нанесли ему визит. Профессор вывел к гостям из соседней комнаты заплаканную дочь.

— Я не имею привычки вмешиваться в личные дела моих детей, — начал профессор, — в семье всякое случается, но не следует всему придавать значение, — он обернулся к дочери: — Может, ты в чем-то виновата перед мужем? Ты же знаешь, я в этом случае не буду на твоей стороне.

— Пусть он скажет, в чем моя вина, папа, — ответила она тихо и, взглянув на Рамаза, добавила: — Объясни им, Рамаз, почему у нас дело дошло до развода.

Рамаз опустил голову. Он не в состоянии был оправ-

дываться и уже сожалел, что, поддавшись на уговоры отца, приехал сюда. Он терпеть не мог этого напыщенного профессора, но Нана! Ему стало безмерно жаль ее. Ведь не так уж давно ему казалось, что он страстно любит ее, да он и был не на шутку увлечен ею и, обманываясь сам, ввел в заблуждение и ее. Он чувствовал, что поступает сейчас как трус, спасая собственную шкуру, но поступить иначе не мог. Он должен отступить от Наны. Маквала, та, как он думал, могла бороться за них обоих, и это склонило чашу весов в ее пользу.

— Скажи моему отцу, Рамаз, что я ни в чем перед тобой не виновата, — устремив на мужа взгляд, полный укора, попросила Нана.

— Во всем виноват один я, я был пьян и не сдержался, прошу тебя, если можешь, прости, — пролепетал он едва слышно.

— Ладно, дочка, прости ему на сей раз ради меня, — в голосе профессора прозвучала затаенная боль.

— Нет, не надо! — резко проговорила вдруг Нана. — Я не хочу, чтобы мы продолжали жить так, как жили в последнее время. Приходи, когда разберешься во всем. — Она сказала это так твердо, что все трое поняли: никакие просьбы и уговоры не помогут.

Перед уходом Бено напомнил свату, что его приглашает Манучар Баделидзе. Но профессор, сославшись на нездоровье, от приглашения отказался.

* * *

— Сегодня мы поздравляем Русудан с днем рождения, а завтра я разрешаю ей пригласить в гости своих друзей! — торжественно произнес Манучар и, осушив полный рог вина, передал его по кругу.

— Варлам-то, видать, через пару дней начальником управления станет, — обернулся Ломия к прокурору, который сегодня, вопреки своему обыкновению, много пил.

— А что? Он человек неглупый, — отозвался прокурор.

В душе он придерживался другого мнения.

— Ты прав, если бы он был глуп, разве бы ему все это удалось, — согласился, иронически улыбаясь, Ломия. Он был обижен на Варлама за то, что тот отказался устроить на фабрику его родственника.

— А теперь отпусти меня, — сказала она, отстраняясь от него.

И только было Варлам решил снова расспросить ее об этом проклятом вторнике, она, опередив его, сказала:

— Каждый вторник в это время я почти всегда бываю одна, так что милости прошу. Приходи, дурачок, — она смеялась, бесстыдно глядя ему в глаза, — ведь я не хуже твоей жены...

Ее слова прервал телефонный звонок. Жена Баделидзе подняла трубку.

— Это ты, Манучар?! Да, да, пришел, ждет тебя. Что ему передать?

Положив трубку, она подошла к сидящему в кресле Варламу и, усевшись к нему на колени, прижалась щекой к его щеке.

— Если бы ты знал, как я рада, что наконец отомстила ему! Манучар — палач, палач, понимаешь. А теперь он будет рогатым палачом, — истерически расхоталась она.

Когда Манучар вошел в комнату, Варлам стоял у окна, созерцая открывавшийся вид на город.

— Прости, я немного запоздал, — извинился Манучар, снимая на ходу пиджак и усаживаясь в кресло. — Иди сюда, садись, чего ты стоишь, — пригласил он гостя. — Ну, Варлам, дорогой, я хотел тебе сообщить, что твой вопрос уже окончательно решен и в самом ближайшем времени будет вынесен на коллегия.

— У меня нет слов, чтобы выразить свою признательность, — опустил голову Варлам. — Не знаю только как отблагодарить тебя за твою доброту?!

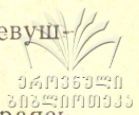
В ответ Баделидзе дружески улыбнулся ему: — Не будем говорить об этом. Ладно, это не главное. Ты лучше вот что скажи: что с твоими работницами? Почему они не появляются?

— Я принял меры...

— Постой, — нетерпеливо прервал его Баделидзе. — От надежного человека я узнал, что они были вызваны на допрос.

— Что ты говоришь, как, кто посмел?!

Спускаясь по лестнице, Варлам был как во сне. Когда он почти уже одолел лестницу, в подъезд тенью скользнула Русудан.

— Ты?! Фу, как напугал! — улыбнулась ему девушка.

— Как поживаешь, Русудан?
Она сделала неопределенное движение, собираясь уйти.

Приблизившись к ней вплотную, Варлам чмокнул ее в мочку уха.

Русудан потерла рукой ухо, словно желая стереть поцелуй.

— Тебе бы только целоваться! — рассердилась она.

— Неправда! Я все время только и думаю о тебе, Русудан, и люблю тебя. Ты лишь прикажи, ради тебя мир переверну!

— Тогда приходи завтра в два часа, я буду одна.

Еще раз ее поцеловав, Варлам вышел на улицу. На душе у него было скверно, одно только и утешало, что жена Манучара была неплохой заменой его неверной супруги.

* * *

— Это правда, что от тебя жена сбежала? — смеясь спрашивала Рамаза Русудан.

— Да, ушла, — печально подтвердил Рамаз. — Не любила, потому и бросила.

— Неправда, это ты влюбился в другую, а она не простила тебе и ушла.

— Кто тебе сказал?

— Додо. Она мне призналась, что тоже давно разлюбила Манучара и решила оставить его, но потом все же передумала.

— А отчего она собиралась бежать?

— Кто ее знает. Манучар развлекается с другими женщинами. Вы мужчины, все одинаковы, вам бы только ухватить, что плохо лежит, вот жены вам и изменяют, да и любовницы...

— О-о, все-то ты, девочка, знаешь! Нет, Нана была совсем не такая!..

— И убежала!.. Ну, теперь ты жених, женщины небось, как мухи на мед, на тебя летят!

— А ты?.. Ты бы пошла за такого, как я?
Русудан задумалась.

Иорам Чадунэли. Рождественский бал.

— А почему бы и нет!.. — пожалала она плечами.
Жених ты завидный, богатый, с положением.

— Зарплата у меня действительно большая, а вот богатство, это уж извини!.. — он развел руками.

— Не знаю, не знаю... близкие тебе люди совсем другое про тебя говорят, так, мол, разошелся, что на деньги и золото и глядеть не желает, ему все бриллианты да алмазы подавай, иначе, мол, пальцем не пошевелит, чтобы в институт устроить!

— Замолчи, Русудан! Никогда больше не повторяй этих глупостей!..

— Ладно, не буду. А ты возьми и женись на мне, гляди, какая я милая да красивая, не то что твоя надутая Нана.

— Но мы ведь с тобой родственники? — улыбнулся он.

— Родственники?.. Братец мой, Манучар, скоро свою жену прогонит. Зачем она ему? Он лучше найдет. И, выходит, перестанем мы с тобой быть родственниками!..

— Я хочу жениться на девушке, — нерешительно проговорил Рамаз, не зная, что отвечать.

— Девушки нынче не в моде, — безапелляционно возразила Русудан. — А такой человек, как ты, не должен отставать от моды. Правда, ты староват, но зато у тебя есть деньги...

Первым побуждением Рамаза было отхлестать эту бесстыжую девчонку по щекам, но она подняла на него такие невинные глаза, что он передумал. Потом Русудан сама подошла к нему и, встав на цыпочки, нашла губами его губы...

* * *

Еще не совсем рассвело, а Рамаз уже был на ногах. Взгляд его остановился на каком-то блестящем предмете. «Портсигар!» — вспомнил он. Эта вещица принесла окружающим немало неприятностей... Несколько дней назад Бено преподнес его Манучару Баделидзе. Тот, в свою очередь, подарил портсигар жене своего шефа, а та презентовала его Рамазу. Рамаз улыбнулся. Да, одолел он Манучара. Эта женщина предпочла его, Рамаза Бибилури, всемогущему Баделидзе. Но почему в тот раз,

когда он при Маквале вытащил из портсигара сигарету, она вдруг вскрикнула, закрыв лицо руками?..

Он пошел в ванную, умылся. Холодная вода отрезвила его.

В холле Рамаз встретился с отцом. Бено показался ему сгорбленным и сильно постаревшим. И цвет лица у него был какой-то пепельно-серый...

— Уходишь? — спросил он сына.

— Да, пошел я. Ты хотел что-то сказать?

— Нет, ничего... Будь осторожен, сынок. Времена меняются.

— В чем дело, отец? Может, Манучара сняли?.. — удивился Рамаз.

— Манучару недолго осталось там сидеть.

— Ты что-то знаешь? Говори, не скрывай!

— Знаю, сын. Вчера на коллегии министерства Варлама не утвердили в должности начальника управления.

— Есть конкретная причина?

— На фабрике возбуждено судебное дело. Арестованы главный инженер, заведующий складом и еще человек десять.

— Что ты говоришь?! Когда это случилось?

— Три дня назад. Есть у них там какой-то Касарели, говорят, он и раскопал кое-что.

— Да, плохи дела! — Рамаз растерянно взглянул на отца.

— Конечно, теперь Варламу никто не поможет. Хорошо, если он успеет перепрятать все добро.

— А может, Манучар...

— Я уже дважды звонил Манучару. Услышав мой голос, он тотчас вешает трубку.

— Выходит, нам не на кого надеяться?..

— Потому-то я и говорю, сынок, будь осторожен.

* * *

Бено прекрасно понимал, что происшедшее повлечет за собой еще большие несчастья. Все мысли и заботы его теперь были о сыне. Он чувствовал, что у того тоже не все в порядке. Правда, Дарчо и Эдишер навсегда замолчали, однако нашлись другие.

В семь часов он вдруг почувствовал резко боль в животе. Выпил стопочку коньяка. Боль постепенно утихла. Он прилег на тахту и попытался уснуть, но сон не шел к нему.

Стрелки часов уже подходили к девяти, когда вдруг раздался телефонный звонок.

— Папа, — услышал он в трубке женский плач. Бено узнал голос дочери.

— Что случилось, почему ты плачешь?

— Сейчас у нас с обыском была милиция: Варлама нет дома. Я в таком состоянии, впору руки на себя наложить!

— Не сходи с ума! Никуда твой Варлам не денется. Успокойся, возьми себя в руки! — стараясь говорить внушительно, наставлял дочь Бено.

Только он повесил трубку, как телефон зазвонил снова.

— Бено?.. Это я, Ломия. Да, да, Гурам Ломия. Плохие вести, батона Бено, плохие, — голос у Ломия был взволнованный: — Час назад в ресторане «Арагви» была драка... ребята пустили в ход револьверы... Во всем виноват этот подлец Важа Дидидзе. Не знаю, как и говорить... Вы, Бено, человек сильный и мужественно примете эту страшную весть... — он помолчал, потом с глубоким вздохом проговорил: — Старшего сына Варлама, вашего внука, убили... Сын прокурора ранен смертельно, и мой мальчишка на волоске, пуля пробила ему легкое. Бандита этого, мерзавца Дидидзе, тоже нет в живых...

Повесив трубку, Бено снова почувствовал боли в животе. На этот раз боли были нестерпимыми. На его крики и стоны в комнату вбежала перепуганная Элисабед.

Через полчаса карета скорой помощи доставила Бено в больницу с диагнозом — приступ аппендицита. Худенький, совсем молодой врач подтвердил диагноз.

— Острый приступ аппендицита! — констатировал он, обращаясь к коллеге, тоже молоденькой женщине.

— Нужно срочно оперировать, Заза, — озабоченно и решительно проговорила та.

— До утра он не дотянет, — заметил Заза.

— Позвоню профессору. — Она долго звонила, несколько раз набирала нужный номер, но старания ее были безуспешны.

— Профессор не отвечает, главный хирург тоже...
Неужели никого нет дома!..

— Наверное, просто не берут трубку, знаешь ведь?

— Как быть?..

— Давай попробуем, что делать! Может, спасем, а иначе он все равно погибнет.

Посреди задрапированной черным бархатом комнаты, на тахте, покрытой ковром, покоился Бено. Рамаз плакал навзрыд, как ребенок.

— Нет, вы только подумайте, каково невежество наших хирургов! — возмущался высокий седовласый профессор. — Когда его оперировали вторично, в полости был обнаружен бинт!..

— Я этого так не оставлю, я им покажу! — твердил Рамаз.

Профессор и главный хирург простились с Рамазом, обошли покойника и, расстроенные, вышли на улицу.

— Бибилури действительно так дело не оставит, непременно пожалуется куда следует! — заметил профессор.

— Эх, мой дорогой, — усмехнулся хирург. — Верно говорят — что посеешь, то и пожнешь. Только вот одного не знаю: когда было, чтобы человек сам против себя боролся?

* * *

Проснулся Рамаз на рассвете с тяжелой головой и болью под лопаткой. Он принял корвалол и прилег снова. Перед ним вдруг ясно встало лицо Маквалы. Рамаз то пытался отогнать от себя это видение, то, наоборот, ему вдруг представлялось, что он любит эту женщину до самозабвения. Наконец он твердо решил встретиться с нею. Эта встреча, как надеялся он, должна была все решить. Он набрал номер ее телефона и, когда она ответила, торопливо заговорил:

— Маквала, извини, что я звоню так рано, но у меня неотложное дело.

— Ничего. Я все равно не спала всю ночь. — Тепло-та, прозвучавшая в ее тоне, ободрила его.

— Мне необходимо видеть тебя.

— Хорошо. Где встретимся?

— Если ты не против, у меня.

Она долго не отвечала.

— Хорошо, — прозвучало наконец в трубке. — Я буду в двенадцать.

Бесконечно медленно тянулось время. Было уже почти двенадцать, когда неожиданно зазвонил телефон. Рамаз со страхом потянулся за трубкой.

— Рамаз! — слышалось в трубке.

— Русудан? — спросил он, еле скрывая досаду.

— Едва дозвонилась до тебя. Если бы ты знал, как я хочу тебя видеть. Ты ничего не знаешь?

— Ничего, — по телу его пробежал неприятный холодок.

— Манучара сняли!

— Что... что ты говоришь! — еле выговорил Рамаз. Ему сразу вспомнился Варлам, которого на пятый день после похорон сына освободили от работы.

— Откуда ты говоришь?

— Я звоню с улицы. Мне нужно увидеться с тобой, Рамаз. Вчера еще Манучар говорил, что раскопали, мол, какую-то старую историю с девушкой, которую ты задавил. Он сказал, что твоя песенка спета. Я проплакала всю ночь, Рамаз. Руки на себя наложу, если тебя арестуют, — она разрыдалась.

— Успокойся, Русудан. Возвращайся домой. К концу дня я позволю тебе.

Едва он повесил трубку, позвонили в дверь. Это была Маквала. Он провел ее прямо в свою комнату.

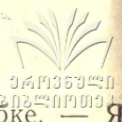
— Тебе плохо? — спросила она.

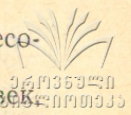
— А-а, — он махнул рукой. — Сперва несчастье у сестры, потом смерть отца... это меня окончательно доконало. Бессонница ужасная! Сядь, — он указал ей на стул. Она повиновалась. Рамаз устроился против нее в кресле.

— Слушай меня внимательно, Рамаз, — начала она. — Прости, что в такое тяжелое время я, вероятно, причиню тебе боль, но... мой долг сказать тебе все. Я чуть ума не решилась, когда узнала, что в тюрьму вместо тебя посадили какого-то шофера...

У Рамаза перекосилось лицо.

— Говорят, он чистосердечно признался во всем и рассказал, как дело было в действительности...

— Эти сплетни распространяет кто-то заинтересованный, скорее всего из мести!

— И я так думаю, даже уверена. Такой человек как ты, не мог согласиться, чтобы вместо него осудили и отправили в тюрьму безвинного человека. И тем не менее... Твои враги рассказывают о тебе самые невероятные вещи...

Рамаз глубоко вздохнул. Переведя дыхание, он тихо спросил девушку:

— И все же, что такого они рассказывают?

— Разное. В частности, что ты устраивал в институт за деньги и за деньги же давал возможность его окончить. Так что диплом врача многие из твоих студентов получали, так ничему и не выучившись.

Дрожь пробежала по телу Рамаза. Он не нашелся что ответить на все эти обвинения. Так молча они и расстались.

Проводив Маквалу, Рамаз вернулся в комнату. Подошел к шкафу, достал какую-то длинную ампулу и, разбив ее, развел содержимое в какой-то жидкости. Потом некипяченым шприцем поспешно сделал себе укол.

Западный ветер, повеявший с гор, принес в город прохладу.

Рамаз прошелся по просторной комнате и подошел к окну, выходящему на улицу. Он позавидовал идущим по улице пешеходам. Почему-то ему показалось, что все они сегодня счастливы, все, кроме него! Он почувствовал себя несправедливо обойденным судьбой. Перед глазами, как на киноэкране, пронеслась вся его жизнь. Настроение у него окончательно испортилось.

С недавних пор Рамаз стал бояться оставаться в одиночестве. И вообще многого стал бояться, хотя по натуре был человеком не трусливым.

Что ж, ничего удивительного. Даже такой могущественный человек, как Манучар Баделидзе, оказался совершенно не защищенным... Думал ли Рамаз, что так быстро померкнет ореол личности Манучара, что звезда его так быстро закатится?! А этот надутый олух, его зять, готовящийся стать начальником управления!.. Его не только не выдвинули на эту должность, а и вовсе

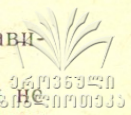
вышвырнули пинком. Рамаз много думал и о несчастном своем племяннике, ставшем жертвой своего беспутного отца. Неужели все эти сплетни действительно имеют под собой почву? Совершенно неожиданно узнав о романе Варлама с Русудан, Рамаз был потрясен и подавлен. Он недоумевал, как удалось увальню Варламу, примитивному и внешне непривлекательному, покорить такую красавицу. А ведь не окажись его драгоценный зятек со своей возлюбленной в тот вечер в ресторане, несчастья бы, вероятно, не произошло. Пьяный в стельку Важа Дидидзе решил во что бы то ни стало отбить у Варлама его даму. Вспыхнула ссора. На беду в том же ресторане в кругу друзей кутил сын незадачливого любовника. Он вступился за честь родителя. Русудан незаметно покинула ресторан. Дидидзе выхватил револьвер и выстрелил. Не остался в долгу и сын Варлама. Завязалась перестрелка... «Несчастный Варлам, — думал Бибилури, — пришел в ресторан с возлюбленной, а ушел, увозя труп любимого сына! А этот Важа Дидидзе? Не угомонился, не образумился, пока пуля не пронзила его сердце. Тоже по-своему несчастное создание, тоже жертва... Интересно, что поделявает теперь эта старая карга — его те-тушка?! Будь она на прежнем месте, весь мир бы сейчас вверх дном перевернула! Странные все-таки существа эти женщины... А сестрица-то, супруга Варлама... Она ведь прекрасно была осведомлена о проделках своего супруга и ни в чем его не стесняла, да и сама при случае не прочь была изменить ему.

Вспомнился ему прошедший день. Неожиданно раздался телефонный звонок. Звонил следователь прокуратуры. Узнав, с кем он говорит, Рамаз облился холодным потом. Прокуроров он боялся как чумы. Правда, он слышал, что среди них были люди весьма достойные. Ведь еще в юности один из прокуроров сыграл в его жизни роль доброго гения, но в общем — упаси боже! А этот вчера говорил с ним так, словно профессор Рамаз Бибилури ему ровня!..

Рамаз прошелся по комнате...

О, эти проклятые мысли! И сны, страшные, ужасные сны! Жизнь опротивела ему. Нет рядом ни Манучара, ни Варлама, ни Бено, любимого отца, бывшего всегда ему опорой и защитой. Нана? Может быть, все было бы иначе, будь она рядом. Говорят, она выходит замуж за

этого журналиста, за человека, которого Рамаз ненавидит всей душой.

Он открыл портсигар, достал сигарету, но так и не закурил. Портсигар разбередил старую рану, напомнил о Маквале. Отчего она так взволновалась, увидев у него в руках эту безделушку? Рамаз задумался, стремясь разобраться в нахлынувших на него чувствах. Да, он по-настоящему любит Маквалу, он готов жениться на ней. Но она? Почему она вдруг оттолкнула его?.. В тот вечер нервы Рамаза напряглись до предела. Даже мать, Элисабед, и та изменилась к сыну. Она заявила, что если бы не он и его коллеги, которые выпустили из института огромное количество неучей, и если бы не эти невежды, его отец Бено и по сей день был бы рядом с ними. Слова матери напомнили ему о том, что сказала тогда Маквала: «Ужаснее всего, когда отец убит рукою сына...»

В институте вот-вот начнутся приемные экзамены. При мысли об абитуриентах кровь застыла у него в жилах. Снова вспомнился Рамазу Манучар Баделидзе. «Думаю, он найдет в себе мужество не продать меня». Хотя... этот негодяй следовательно прямо так и сказал Баделидзе: «В мединституте настоящий торг устроили». Рамаза трясло как в лихорадке. Обуреваемый тревожными мыслями, он незаметно уснул...

* * *

Джуаншер Мигриаули прислушался. В соседней комнате его жена готовила уроки с сыном. На кухне гремела кастрюлями мать. В доме царили уют и покой. Джуаншер вышел на улицу. Было холодно. Засунув руки в карманы пальто, он направился в управление милиции. Сегодня он дежурил.

Был уже полдень, когда зазвонил телефон. Джуаншер взял трубку:

— Инспектор Мигриаули слушает.

— Случилось несчастье! Не могли бы вы сейчас же явиться в медицинский институт к профессору Бибилури? — послышался в трубке взволнованный женский голос.

— Откуда вы звоните и что случилось? — спросил инспектор.

— Я... я... не могу вам ничего сказать... на повесила трубку.

Джуаншер взглянул на часы. Терять время было нельзя. Он снова снял трубку, набрал нужный номер.

— Слава богу, Тэмури, я застал тебя в кабинете. Звонила какая-то женщина. Что-то случилось в институте. Что именно, она не сказала. Поедешь со мной?

— Конечно!

В ожидании Тэмури Джуаншер позвонил в институт.

— Слушаю! — раздался в трубке веселый женский голос.

— У вас в институте что-нибудь случилось? — спросил Джуаншер.

— Что случилось? — удивленно переспросила женщина. — Я ничего не знаю...

Наконец на пороге кабинета появился Тэмури.

— Кажется, я зря тебя побеспокоил. В институте никто ничего не знает.

— Ты это серьезно?

— Звонок той женщины непонятен. Но давай на всякий случай съездим туда. Проверим обстановку на месте.

— Поехали!

Было около двух часов дня, когда инспектора подошли к подъезду мединститута. Показав вахтеру пропуск, прошли в тяжелую дубовую дверь.

За пишущей машинкой сидела молоденькая секретарша. Занятая работой, она не обратила на вошедших никакого внимания.

— Простите, — обратился к девушке Джуаншер. — Нам нужен профессор Бибилури.

— Кто вы будете? — поинтересовалась она.

— Мы из милиции.

— Сейчас доложу, — поспешно ответила секретарша.

Вскочив с места, она потянула дверную ручку профессорского кабинета. Дверь не поддавалась. Слегка наклонившись, девушка посмотрела в замочную скважину.

— Заперто. Он, наверное, работает. Минутку, — она

позвонила по телефону и долго держала трубку в руке. — Он почему-то не отвечает...

— А второй дверью профессор обычно не пользуется? — спросил Джуаншер.

— Нет. И вообще он всегда предупреждает меня, когда куда-нибудь уходит.

— Нас, наверно, обманули, — Джуаншер положил окурок в пепельницу, — но все же подождем еще немного, может, профессор появится.

В приемную с шумом вошли несколько мужчин и женщин.

— Профессор у себя, Мзия? — спросил секретаршу пожилой бородатый мужчина и, не ожидая ответа, подошел к кабинету и повернул дверную ручку, но дверь не открывалась.

— Простите, — обратился к нему инспектор. — Сорок минут назад в управление милиции сообщили, что в мединституте случилось какое-то несчастье. Звонила женщина. Может, вы объясните нам, в чем дело?

— Мы?.. — изумился бородач. — Мы ничего не знаем! Как раз сегодня тут такое затишье...

Вдруг из кабинета донесся отчаянный женский крик. Все невольно вздрогнули.

— Профессора убили! — вскрикнул кто-то.

Единственно возможный путь в запертый изнутри кабинет лежал через лабораторию, где уже успели собраться сотрудники.

Глазам Джуаншера предстала просторная комната. Стеклянная дверь на балкон была закрыта. На свету, льющемся из высоких окон, отчетливо было видно тело мужчины, повернутое лицом к стене. На полу вокруг тела — лужа крови.

Джуаншер поглядел на стоящие в другом конце кабинета старинные напольные часы. Стрелки показывали двенадцать часов семнадцать с половиной минут.

В кабинет вошел пожилой человек лет шестидесяти с белым как полотно лицом.

— Доктор Леван Мирцхулава, — представился он Джуаншеру.

— Прекрасно, — ответил инспектор. — Прошу освидетельствовать труп.

Доктор мгновенно подошел к покойнику, ^{взяв} его руку и долго и внимательно щупал пульс.

— Поразительно, — сказал он. — Тело остыло. На лице уже выступили трупные пятна...

— Чему же вы удивляетесь?

— Как это чему?.. Два часа назад я видел профессора.

— В котором же часу вы его видели? — спросил его Джуаншер.

— Примерно часов в двенадцать, — отвечал доктор. — Видимо, он и был убит около двенадцати. — Он закурил и долго молчал, погруженный в собственные мысли. — Было приблизительно минут десять первого, когда к нам зашла его секретарша и объявила, что в два часа Бибилури вызывает нас на совещание...

Тэмури вышел из кабинета.

— Видите, товарищ инспектор, — обратился доктор к Джуаншеру, — в области груди нанесено два ранения и ни одно из них не смертельно. Вероятно, смерть наступила вследствие большой потери крови, — заключил он.

Тэмури вернулся вместе с секретаршей. Глаза девушки были заплаканы.

— Вы работаете секретарем-машинисткой? — Джуаншер приступил к допросу.

— Да.

— Ваша фамилия, имя, возраст, образование? — принялся он заполнять анкету.

— Мзия Сахокиа. Двадцать лет. Работаю здесь не многим больше года.

— Сегодня вы явились на работу с утра?

— Я всегда прихожу точно. Профессор не терпел опозданий.

— Профессор был уже здесь, когда вы пришли?

— До двенадцати часов я его не видела и по телефону с ним не говорила. Было двенадцать, когда он вошел к себе в кабинет.

— После этого вы его видели?

— Нет.

— Когда он поручил вам собрать совещание?

— Как только он вошел в кабинет, то тотчас же

позвонил мне и велел к двум часам пригласить всех на совещание.

— Товарищ инспектор! В кармане пиджака профессора обнаружены часы, они стоят. — проговорил доктор Мирцхулава.

Джуаншер взял часы. Стрелки показывали двенадцать.

— Могу с уверенностью сказать вам, что профессора убили вчера, — заявил Мирцхулава.

— Почему вы все-таки думаете, что его убили? Может, он покончил самоубийством?

— Разрешить этот вопрос в вашей компетенции. Но посудите сами, если профессор покончил жизнь самоубийством, здесь где-то должно находиться и оружие самоубийства. Я тщательно осмотрел все вокруг, но нигде ничего не обнаружил.

— Вы, должно быть, правы, доктор, — сказал ему Джуаншер и повернулся к машинистке.

— Вы уверены, что по телефону с вами говорил сам профессор?

— Кто же еще мог со мной говорить?..

— Вы, наверное, хорошо знали его голос по телефону?

— Да, конечно... — девушка вдруг начала колебаться: — Знаете, я не могу сказать с уверенностью, что по телефону со мной говорил сам профессор.

— Вы выходили из комнаты после разговора с ним?

— Конечно. Я должна была предупредить сотрудников о совещании.

Из соседних комнат Джуаншеру послышался какой-то шум. В кабинет вбежала девушка лет двадцати трех, в руках у нее был нож с длинным лезвием. Она бросилась к инспектору:

— Вот! Этот нож я нашла в среднем ящике своего стола. Я не знаю, как он туда попал. — На секунду девушка умолкла, потом продолжала: — Вы видите, на нем кровь! Вероятно, кто-то хотел причинить мне зло, иначе зачем понадобилось совать мне в стол этот окровавленный нож!..

— Когда вы обнаружили нож?

— Только что, минуты две назад!
Джуаншер взял нож. Внимательно осмотрел его.
— Вы его не вытирали?
— Нет.

Инспектор подошел к Тэмури и так, чтобы слышали все, сказал:

— Вели, чтобы без нашего разрешения никого из здания не выпускали. Если на улице нет дежурного милиционера, вызови из управления.

Тэмури ушел выполнять задание. А Джуаншер снова обернулся к девушке:

— Вы работаете в лаборатории?

— Да, уже три года.

— Прошу прощения, — подошел к Джуаншеру Мирцхулава. — Если вы разрешите, я пошлю Мзию Сахокиа за патологоанатомом. Анзор Натадзе — молодой ученый и достаточно опытный практик. Я полагаю, он вам подойдет.

— А разве направление ранения, положение тела покойного, время появления пятен не должны быть установлены сейчас же?

— Разумеется, но все-таки нужен эксперт. Ступай, Мзия, и попроси Анзора, пусть срочно идет сюда.

Вернулся Тэмури.

— Тэмури! Сегодня в кабинете профессора был его двойник. И совершенно неизвестно, что его интересовало. Сдается мне, что это все-таки преднамеренное убийство.

— В дверь кабинета с внутренней стороны в замок вставлен ключ, и если действительно этот двойник профессора был в кабинете сегодня в двенадцать часов, то он явно приходил сюда неспроста. Верно, чтобы скрыть следы преступления.

— Нужно выяснить, мог ли двойник профессора войти в кабинет через запасную дверь? Это имеет решающее значение.

Джуаншер подошел к группе сотрудников.

— Друзья, кто из вас открывал эту дверь?

— Я, — после долгого молчания вперед выступил человек в очках.

— Скажите, что заставило вас это сделать?

— По-вашему, я в чем-то виноват? — спросил он.

— Я прошу вас только ответить на мой вопрос, — возразил Джуаншер.

— Видите ли, Бибилури созывал в два часа совещание. Мы все пришли, но, как вам известно, входная дверь оказалась запертой. На стук никто не отвечал. — Он поправил на носу очки и продолжал: — Я позвал уборщицу, у которой обычно хранятся все запасные ключи, и спросил ключи от профессорского кабинета. Если вы мне не верите, можете справиться у нее, — он указал на стоявшую там же пожилую женщину в черном. — Открыв дверь, я не поверил своим глазам. Видимо, за мной вошли и остальные. Женщины подняли отчаянный крик.

Джуаншер, ничего не ответив ему, принялся снова осматривать кабинет. Труп Бибилури тщательно обследовали доктор Мирцхулава и какой-то молодой человек лет тридцати.

— Джуаншер, — окликнул его Тэмури. — Иди-ка сюда.

Джуаншер пошел к входной двери, у которой Тэмури через увеличительное стекло тщательно разглядывал замок.

— Погляди, — сказал ему Тэмури, — дверь заперта этим ключом, я возьму его с собой, он может нам пригодиться.

— Бери, — как бы между прочим ответил Джуаншер. — Хотя... — он помедлил, взял у товарища лупу и внимательно осмотрел ключ, — да, ты, должно быть прав.

— Посмотри-ка!.. Она словно специально лежит на видном месте, — Тэмури поднял с пола золотую авторучку, — заграничная...

Джуаншер хотел было что-то сказать, как к нему подошел патологоанатом:

— Я согласен с коллегой Мирцхулава, — проговорил он, — смерть наступила от потери крови.

— Мог ли профессор двигаться, действовать или позвать кого-либо на помощь после нанесенных ему ранений?

— Скорее всего, в результате ранений он вообще потерял сознание, упал на пол и истек кровью. Однако,

мне думается, что если даже профессор и был в сознании, он не собирался никого звать на помощь.

— Почему?

— Я убежден, что профессор замыслил самоубийство, поэтому вряд ли он желал чьей-то помощи.

Наступило молчание. Инспектор пребывал в такой растерянности, что долгое время не мог собраться с мыслями.

— Джуаншер, — заговорил Тэмури, — до того как произошло убийство, в этой комнате, как мне кажется, побывало не менее трех человек.

— Это потом, — вдруг перебил его Джуаншер. — Осторожней, прежде всего собери пепел и окурки.

Тэмури молча повиновался.

— Вы полагаете, что произошло самоубийство? — продолжил прерванный с патологоанатомом разговор Джуаншер. — Но какие у вас основания для подобного предположения?

— Извольте. Во-первых, раны на теле покойного, только что мною засвидетельствованные. Ни одна из них не является смертельной. А коли это так, невольно возникает вопрос: мог ли профессор помочь себе, позвать кого-нибудь на помощь, и что помешало ему сделать это, если не задуманное самоубийство? Кроме того, Бибилури был человек завидного здоровья, полный сил, и навряд ли с ним можно было так легко справиться. Однако следов сопротивления нет.

Джуаншер обратился к доктору Мирцхулава:

— Будьте добры, доктор, выясните, пожалуйста, группу крови профессора и крови, обнаруженной на лезвии ножа.

Мирцхулава тотчас же отправился выполнять задание инспектора.

— Кроме того, — продолжал патологоанатом, — качество ран и их количество указывают на то, что профессор был в кабинете один.

— Может, уважаемый Анзор, есть другие, еще более убедительные аргументы? — спросил инспектор Натадзе.

Анзор Натадзе подвел Джуаншера к трупу профессора.

— Видите рану в верхней части груди? Теперь представим движение его правой руки. Вот нож, — он

вложил в руку покойного карандаш. — Удар в грудь крайне слабый, он повторяет его, однако уже иначе. Видите след на стене? Мне кажется, несчастный упер в нее нож и таким образом нанес себе второй удар в грудь. С ножом в груди он невольно попятился и упал сюда. Это был первый аффект. Однако нож не попал в сердце.

— Как возникло у вас это предположение? — спросил Джуаншер.

— Вот, взгляните на это ранение, оно прямое. Видите? Сравните первую рану со второй, и вы ясно увидите, что предположение мое не лишено оснований.

— Труп перенесите в прозектуру, — инспектор некоторое время стоял в задумчивости. — Как по-вашему, доктор, сколько времени прошло с момента смерти профессора? — спросил он.

— Я думаю, он убит не менее восьми-девяти часов назад.

Джуаншер внимательно оглядел патологоанатома. Это был высокий мужчина с открытым волевым лицом.

— То, что говорил вам мой коллега, ни в коей мере не отрицает моих предположений. Однако надо учесть, что стоит страшная жара и ткани рано начинают терять эластичность. Мне кажется, после нашей беседы вы еще больше укрепились в своем подозрении, что профессор был кем-то убит. Хотите, я даже скажу вам, почему у вас родилась такая мысль?

Инспектор только пожал плечами.

— Нож обнаружила в ящике своего письменного стола лаборантка. Будь на вашем месте я, я бы тут же арестовал ее по подозрению в убийстве, вы этого не делаете, потому что полагаете, что вряд ли убийца стал бы вам демонстрировать орудие убийства. Более того, он бы не явился к вам добровольно. С другой стороны, возможен и другой вариант: самоубийство было совершено в присутствии второго лица. Этот человек выхватил нож из рук самоубийцы и убежал с ним из кабинета вне себя от страха, но, опомнившись, решил упрятать нож подальше.

— Тэмури, — окликнул Джуаншер товарища, —

не забудь внести в акт, что люстра в кабинете была включена, в то время как естественное освещение тут настолько яркое, что включить электрический свет в дневное время вряд ли могло прийти в голову нормальному человеку.

— Я решительно все осмотрел, остались только газеты и корреспонденция. Обратили ли вы внимание: вот там, у тахты, на маленьком круглом столике стоит недопитая бутылка коньяка, а поодаль бокалы с шампанским и огрызки шоколада. Взгляните на окно, что на правой стене. Тяжелая бархатная портьера прикрывает его так, что в комнату не проникает ни капли света, а вот на другом окне такой портьеры нету. Как только мы вошли сюда, я почувствовал запах табака, а оглянувшись, увидел, что пепельница полна окурков и горелых спичек. Этот светло-серый пепел должен быть от сигары, а вон тот — от сигарет «Колхида». Нигде никаких следов насилия не обнаружено, кроме обрывка веревки.

— Ладно, Тэмури. Давайте перекусим и передохнем немного, нам предстоит трудная ночь.

Все вышли из кабинета и направились в столовую.

— А вот обнаруженную вами авторучку я видел в руках у кого-то из наших сотрудников, — сказал вдруг доктор.

— Может, вспомните?

— Попытаюсь, — доктор на мгновение замолчал, потом продолжил:

— В другое время я бы не стал обращать внимания на подобные сплетни, но теперь каждая мелочь может иметь значение, поэтому считаю нужным сообщить: все у нас хорошо знают, что Джульетта Зедгинидзе была в близких отношениях с покойным.

Они вошли в столовую.

— После обеда позвони в театр, — обратился Джуншер к Тэмури. — Нам необходимо снять с профессора посмертную маску.

Официантка разложила на столе тарелки.

— Чем больше я задумываюсь, тем более верные очертания приобретает ваша версия, — обратился Джуншер к Анзору Натадзе.

— Если вам хоть чем-нибудь пригодится мой опыт, я не пожалею ни сил, ни знаний.

— Но у меня есть к вам целый ряд замечаний, — продолжал Джуаншер. — Первое — профессор мертв гораздо раньше, чем вы думаете. Второе — в кабинете не было обнаружено орудия самоубийства, что свидетельствует о том, что там находился еще кто-то, кто это орудие и спрятал.

— Я иду в театр, — Тэмури поспешно поднялся и, подойдя к официантке, уплатил по счету.

Поднялись и все остальные. В коридоре они столкнулись с лаборанткой. Инспектор, поравнявшись с нею, остановился.

— Уделите мне несколько минут.

Джувьетта молча кивнула.

— В котором часу вы пришли на работу? — спросил он.

— В девять я уже была в институте.

— Вы одна работаете в лаборатории или с вами есть еще кто-нибудь?

— В это утро я была одна: моя коллега заболела.

— Уходя, вы закрываете лабораторию?

— Мы опечатываем ее сургучом.

— Значит, если бы кто-нибудь из вас и хотел войти в лабораторию, он бы не смог это сделать, не сломав сургучной печати?

— Конечно.

— Нож вы обнаружили в ящике?

— Да. И сразу побежала к вам.

— Как вы думаете, каким образом он туда попал?

— Не имею представления!

— В каких взаимоотношениях вы были с профессором? — спросил он резко.

Лицо девушки порозовело.

— Неужели выяснение моих отношений с профессором может принести какую-нибудь пользу делу?

— Уверяю вас, иначе я бы не посмел касаться столь деликатного вопроса.

— Товарищ инспектор, я честная женщина, и, поверьте, представления не имею о том, что произошло в кабинете!

— Но ведь вы не станете отрицать того, что...

Она низко опустила голову.

— Хорошо, идите, — улыбнулся Мигриаули.
Стук ее каблучков еще долго раздавался в пустын-
ном коридоре.

— Товарищ инспектор! — перед Джуаншером оказа-
лся Анзор Натадзе, с ним рядом стоял сухощавый
молодой человек.

— Элизбар Мчедлидзе, младший научный сотрудник
нашего института, — представил его Натадзе. — Мо-
лодой человек очень взволнован, и не без оснований,
вот посмотрите, — он протянул инспектору стопку бу-
маг. — Это неопубликованные труды профессора, об-
наруженные Элизбаром в своем шкафу.

— При каких обстоятельствах был обнаружен
труд? — обратился инспектор к Элизбару.

— Я услышал об убийстве профессора, будучи на-
верху, и тотчас спустился вниз, в клинику. Совершенно
безотчетно, сам не знаю, как это произошло, я под-
скочил к шкафу, где у меня лежат инструменты, и к
собственному изумлению обнаружил эту папку. При-
чем шкаф с делами стоит в другой комнате. Взглянув
на обложку, я прочел фамилию профессора. Меня слов-
но громом поразило. Не знаю, как долго сидел я в кре-
сле не в силах пошевелиться. Все тело у меня словно
окаменело. Если бы не Анзор, который заставил меня
встать, я бы до вас и не дошел...

— У вас отдельная рабочая комната? — спросил
Джуаншер.

— Да. Комнату я обычно закрываю сам, со мною
работает девушка-лаборантка. Вы можете допросить и
ее. Она напугана не меньше, чем я. До того, пока все
это случилось, я безвыходно сидел в клинике, тем бо-
лее, что на сегодняшнем совещании мне предстояло де-
лать доклад и я собирался уточнить кое-какие данные.
Вероятнее всего, работу занесли и положили в шкаф с
инструментами вчерашней ночью, ведь сегодня опера-
ция эта не могла пройти незамеченной.

— Но разве ее не могли внести в то время, когда
вы находились наверху? Тем более, если вы оставили
комнату незапертой? — возразил ему патологоанатом.
— Не знаю, утверждать не могу. Была ли клиника от-
крытой или опечатанной, лучше всех знает Элизбар. Я
шел по коридору, когда встретил Джульетту. Это та де-
вушка, которая принесла вам нож, — пояснил он.

Инспектор напряг внимание.

— Иди, Джульетта, — сказал я ей, — и передай Элизбару, чтобы он не опаздывал на совещание. Джульетта вернулась еще до того, как я вошел в приемную Бибилури. «Элизбара в комнате нет, он, вероятно, уже пошел туда», — сказала она.

— Натадзе прав, — согласился младший научный сотрудник. — До начала совещания я отпустил лаборантку на перерыв, а сам на несколько минут вышел из клиники. Джульетту, вошедшую в мою комнату, я заметил совершенно случайно.

— Товарищи, прошу вас подождать в соседней комнате, мне необходимо допросить еще кое-кого из сотрудников.

Инспектор вошел в комнату, примыкавшую к кабинету Бибилури, и остановился на пороге.

— Пожалуйста, — обратилась к нему белолицая девушка с распущенными каштановыми волосами. Она пододвинула инспектору стул.

— Спасибо, — Джуаншер сел, внимательно оглядывая комнату. Массивная старинная дверь соединяла ее с кабинетом профессора. Дверью этой, по всей видимости, пользовались редко. Осматривая ее с другой стороны, еще в кабинете, Джуаншер заметил внизу под дверью толстый слой пыли.

— Убежден, что на мой вопрос вы все ответите одинаково. Все вы, разумеется, пришли на работу к девяти часам?

В комнате раздался сдержанный смешок.

— Я опоздал на час, — проговорил невысокий парень.

— Тогда ответьте мне на такой вопрос, — обратился к нему следователь. — Возможно ли, чтобы через вашу комнату в кабинет профессора прошел посторонний человек, не замеченный вами?

— Нет, конечно. В рабочие часы это исключено. Я с уверенностью могу сказать, что на протяжении месяца дверь эта ни разу не открывалась.

— Вы утверждаете, что никогда не пользовались дверью?

— Нет, этого я не говорил. Во время расширенных

институтских совещаний кабинет не вмещает всех сотрудников, поэтому приходится ее открывать.

Джуаншер еще некоторое время беседовал с сотрудниками. Выяснилось, что с девяти часов до того времени, пока не отперли смежную дверь, никто не входил в профессорский кабинет и никто не выходил оттуда. Из лабораторий, расположенных по коридору на стороне профессорского кабинета, тоже никто не выходил и не входил туда. После окончания работы лаборатории эти запирались и опечатывались. Итак, если действительно в кабинет входил преступник, то лишь через центральную дверь, то есть через приемную.

Поблагодарив сотрудников лаборатории, инспектор вышел в приемную.

— Товарищи, пожалуйста в кабинет. Я, правда, утомил вас, но ничего не поделаешь... Мзия, — обратился он к секретарше, — у кого запасные ключи?

— Пожалуйста сюда, — слышалось из кабинета. Дверь отворилась и вышел Тэмури.

— Как ты оказался в кабинете? — не сдержал удивления Джуаншер.

— Обыкновенно. Я воспользовался этим ключом.

— Ты поступил опрометчиво. Ключи — вещественное доказательство.

— Ключ этот эксперт уже тщательно исследовал. На нем остался след то ли шприца, то ли еще чего-то подобного. Этот ключ, видимо, знает много чего, но почему-то скудно и весьма неохотно поверяет нам свои тайны.

В кабинет вошли двое мужчин и пожилая женщина.

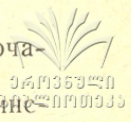
— У профессора кровь первой группы, — начал высокий брюнет. — На лезвии ножа тоже была кровь первой группы, а на рукоятке — кровь второй группы.

В кабинете воцарилось молчание.

— Проверка произведена со всей тщательностью и точностью, так что тут не может быть никакого недоумения, — обратилась к инспектору пожилая седоволосая женщина.

— Хорошо, оставьте нам ваши данные.

— Товарищ инспектор! — обратился к нему Анзор Натадзе. — Теперь вы, конечно, можете поставить под сомнение выдвинутую мною версию.

В комнату вошла Мзия, которая ходила за ключами.

— Я принесла ключи. — Она вручила ключи инспектору.

Джуаншер пошептался о чем-то с Тэмури, и тот направился к дверям.

— Где находится труп? — спросил помощника инспектор.

— В клинике, на первом этаже. Там были взяты анализы, сейчас проводится лабораторное исследование. — отвечал ему Тэмури, выходя из кабинета.

— Наша сегодняшняя работа подходит к концу, — обратился к присутствующим Джуаншер. — Нам придется опечатать кабинет.

Он еще раз обвел взглядом комнату и подошел к стене, где на высоте примерно полутора метров виднелась царапина величиной с двадцатикопеечную монету.

— Вы предполагаете, что Бибилури уперся рукояткой в стену?

— Да, именно так.

— Тогда на рукоятке ножа должны быть следы штукатурки.

— Что ж, давайте исследуем нож, — Натадзе взял со стола нож. Впервые за все это время лицо его осветилось улыбкой. — Вот эти следы, смотрите!

Он не успел договорить, как раздался отчаянный женский крик.

В кабинет входил двойник Рамаза Бибилури...

— Тэмури, сними маску, — приказал ему инспектор.

Присутствующие едва оправились от шока.

Тэмури улыбался.

— Итак, Джуаншер, нам осталось еще выяснить, какую роль сыграл обрывок веревки, и установить владельца авторучки.

— Никак не могу вспомнить, у кого в руках я ее видел! — воскликнул Натадзе.

Джуаншер ходил взад-вперед по кабинету. Резко остановившись, он обратился к Мирцхулава:

— Вы ведь своими глазами видели, что профессор мертв, доктор?

— Да, физически он мертв, но как ученый — нет, тут я с вами не согласен.

Джуаншер украдкой взглянул на Анзора Натадзе. Тот выглядел крайне возбужденным.

— Жизнь ученого измеряется его заслугами перед родиной, добром, им посеянным, честью и совестью. Профессор сеял лишь зло и никаких заслуг перед родиной у него нет. Достоин ли такой человек жить, или это попросту живой мертвец? — горячо воскликнул патологоанатом.

— Вы всегда ненавидели профессора, уж не вы ли его и прикончили? — заволновался доктор.

— Нет, нет, его еще не прикончили, он пока еще жив. Но когда все будет тщательно расследовано, я не уверен, сможет ли профессор жить на свете.

— Для профессора теперь настал судный день! Сейчас стоит вопрос, будет ли он жить или имя его следует внести в список умерших, — сказал Джуаншер.

— Давайте окинем взглядом молодость и всю последующую жизнь профессора, посмотрим, кто были его друзья, родственники, знакомые. Может, действительно, кто-нибудь заинтересован опорочить его доброе имя? — предложил Анзор Натадзе.

— Извольте, — зло глядя на него, ответил доктор. — Я давно и хорошо знаю Рамаза Бибилури. Это был честнейший и одареннейший юноша. Своим усердием и прилежанием Бибилури заслужил право остаться в аспирантуре и стал ассистентом доцента Шавлакадзе. Вы помните, этот замечательный ученый скончался в расцвете творческих сил. Рамаз Бибилури глубоко переживал потерю своего руководителя. Но не прошло и трех лет, как он блестяще защищает кандидатскую диссертацию. Спустя недолгое время появляются его новые труды. Прекрасно было это победное шествие! А разве мало значит, что он уже тогда читал полный курс лекций в медицинском институте?! А общественные нагрузки?! Еще через два года Бибилури защитил докторскую. Имя его стало широко известно за пределами нашей Родины. Он почетный член многих научных обществ. Так кто же должен сомневаться в его вкладе в науку, наш народ? Нам, товарищи, остается только наказать того, кто совершил это злое дело, найти убийцу и устроить над ним общественный суд!

— А вы что скажете, батано Анзор? — обратился к Анзору инспектор.

С губ Натадзе не сходила насмешливая улыбка.

— Пусть пока говорят другие...

Встав с кресла, Натадзе попросил у Джуаншера разрешения выйти и направился в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся, неся с собой стопку книг, и положил их на длинный стол.

В кабинет вошла женщина лет двадцати шести.

— Садитесь, — подал ей стул Джуаншер.

— Вы разрешите мне сказать несколько слов? — спросила женщина.

— Товарищи не будут возражать, если наша беседа будет записана на магнитофон? — обратился к присутствующим инспектор. — Начнем с вас, — сказал он женщине. — Как вас зовут?

— Диана Шавлакадзе, — она откинула со лба волосы, — дочь покойного доцента Шавлакадзе. Врач по специальности, работаю в институте лаборанткой! — она замолчала в ожидании нового вопроса.

— Продолжайте, — кивнул головой инспектор.

Диана поднялась. Лицо ее залилось краской. Волнуясь и сбиваясь, она начала свой рассказ.

— Я знала покойного. Он достиг всех своих степеней недостойными путями. И ученым никогда по-настоящему не был. Не могу также не выразить своего возмущения теми людьми — кстати, некоторые из них находятся здесь, — которые, зная обо всем этом, набрали в рот воды. У них не нашлось смелости, чтобы поднять свои голоса против совершающегося беззакония — несправедливого присвоения ему ученой степени...

Джуаншер ожидал, что присутствующие тут же, в кабинете, набросятся на молодую женщину и заставят ее замолчать, но, к его удивлению, царила гробовая тишина.

— Это уже слишком! — с возмущением воскликнул доктор. — Я протестую! Это неуважение к памяти покойного!..

— Садитесь, батано доктор, — остановил его инспектор. — И до вас дойдет очередь. Мы всех выслушаем...

— Дело в том, — продолжала Диана Шавлакадзе, — что вот уже несколько лет я безуспешно стараюсь найти правду. Ведь всем было хорошо известно, что отец мой был во всем прав. И тем не менее вы поддержали более сильного. Именно поэтому и случилось, что человек недостойный стал профессором, а меня лишили права выступить в защиту отца. И сегодня я обвиняю всех тех, кто покорно поднял руки, чтобы сделать из этого ничтожества профессора.

— Ну, про всех этого сказать нельзя! — воскликнул Натадзе.

— Вы правы, нашлись и такие ученые, которые, не боясь, высказывали свои мнения против будущего профессора. Я пришла сюда для того, чтобы еще раз спросить вас о том, с какой совестью вы позволили себе разрешить этому горе-ученому приписать себе чужой труд?! Как вы могли способствовать присвоению этому негодяю степеней кандидата и доктора?!

— Но ведь он уже умер, какой с него теперь спрос. И какой смысл ворошить прошлое?.. — раздались голоса.

— Неправда, он еще жив, и злые дела, порожденные им, еще действуют в этом мире, — возразил Анзор Натадзе.

— Я требую общественного разбора дела о бывшем профессоре! — с волнением воскликнула молодая женщина. Голос у нее оборвался, и, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

— Прошу слова, — из переднего ряда поднялся высокий худой старик. — Я постарел за этими столами, — начал он. — Я знаю многое и о многом молчал до сегодняшнего дня. Но молчать больше не могу! Я возмущен беспредельно! Взять, к примеру, хотя бы один такой факт: в этом году дочь одного из грузинских писателей сдавала приемные экзамены в наш институт. Набрала максимальное количество очков, но на последнем экзамене, по указанию Бибилури, ей вместо полагаемой пятерки поставили тройку. А ведь большая часть молодежи, принятой в институт, не имела соответствующих знаний и не проявила себя в учебе, но... — голос у старика сорвался от волнения.

— Я сотрудник института, профессор, — поднялся худощавый человек в очках. — Признаюсь, и у меня в

свое время не хватило смелости выступить по поводу того, что Рамаз Бибилури присвоил труд своего учителя Шавлакадзе. И сегодня мне стыдно глядеть в глаза своим товарищам...

— Я один из оппонентов Бибилури, — взял слово небольшого роста мужчина средних лет. — Другой его оппонент умер шесть месяцев назад. Я же не нашел в себе сил противостоять незаконно и содействовал Бибилури в получении звания профессора. Я достоин всяческого осуждения, и нет мне никаких оправданий! — опустив голову, он сел на место.

— А вы что скажете, товарищ Натадзе? — обратился к нему Мигриаули.

— Не подумайте, что сейчас во мне говорит былая вражда и неприязнь к покойному, нет. Я выступил тут потому, что чувствую, что наконец началась борьба здоровых сил против всех и всяческих несправедливостей, подтверждением чего и является все, что происходит сейчас тут!..

— Спасибо, товарищи, вы дали нам много полезных советов. Вы свободны, можете идти! — поблагодарил собравшихся Джуаншер.

Некоторое время он сидел молча, закрыв глаза.

— Который час? Я голоден как собака! — обратился он к Тэмури.

Минут сорок они просидели в столовой. Возвратившись в кабинет, Джуаншер снова погрузился в глубокое раздумье.

— Думаешь, это убийство? — нарушил молчание Тэмури.

— Нет, но ведь это все-таки следует выяснить.

— Мне кажется, раны ножевые. Ну, а если все-таки профессор совершил самоубийство, кто же тогда вынес из кабинета нож? Не сам же покойник! Что-то тут не вяжется.

Джуаншер внимательно слушал Тэмури.

— Кто-то вынес из кабинета его исследования, которые оказались спрятанными в шкафу с инструментами... Продолжать?..

— Понятно, понятно, — прервал его Мигриаули. — А можешь ли ты ответить на целый ряд вопросов,

которые я сейчас тебе задам и которые мне лично не ясны. Итак, вопрос первый: если убийство было совершено ночью, почему же тогда двойник профессора появился только утром? Вопрос второй: откуда было известно женщине, что в запертом кабинете лежал мертвец? Далее — почему и кто перепрятал нож? Как и откуда исследование оказалось в клинике? Откуда следы штукатурки на ноже? Кто выкурил в кабинете профессора сигару и сигарету? И наконец, может, все-таки следует начинать именно с той лаборантки, которая принесла нам нож?..

Рассказ лаборантки

— Я не спала две ночи. Ужасное несчастье!

— Почему именно две ночи? Ведь об убийстве профессора вы узнали только вчера?

— Убийство? — удивилась девушка.

— Вы знаете, что его никто не убивал?..

— Все говорят, что профессор покончил с собой..

— Хорошо, оставим это, но все-таки вы не ответили мне на вопрос.

— Это просто так вырвалось у меня, я сказала, что не спала две ночи. Если мое объяснение вас не удовлетворяет, мне остается признаться в том, что я солгала.

— Ладно, я снимаю вопрос. Скажите, в каких отношениях вы были с профессором?

— В обыкновенных, деловых, — поспешно ответила девушка.

— Когда вы видели профессора в последний раз? Она задумалась.

— В конце дня во вторник. Когда я уже собиралась уходить, зазвонил телефон. Профессор сказал каким-то не своим голосом: «Без меня не уходи, я освобожусь примерно в семь». Никого из сотрудников в институте уже не было, когда я вошла в кабинет.

— Кто там находился?

— Ни одного из этих людей я не знаю.

— О чем они говорили?

— Когда я вошла, один из них говорил профессору: «Я всегда надеялся на вас и надеюсь, что и сейчас вы нас не подведете». Тот ответил: «Тогда было другое,

сейчас вы собираетесь защищать докторскую, а это дело не такое легкое, как вам кажется». А длинноносый человек, ехидно рассмеявшись, сказал: «И это говоришь ты честное слово, смешно!» Тут вмешался еще один, который выделялся утонченными манерами и изысканной одеждой. «Святых здесь никого нет, а уж ты в особенности. Он должен защитить диссертацию, понятно? Будь любезен, действуй, как нужно в подобных обстоятельствах! Нам больше не о чем говорить, остальное ты знаешь сам», — все они встали и, не прощаясь, вышли.

— Кто-нибудь из них курил сигару?

— Не заметила. Сам профессор вообще курил мало.

— А зачем профессор просил вас зайти к нему в кабинет, вы не спросили?

Щеки девушки залились краской.

— Он был так взволнован, что забыл зачем звал меня.

— Когда вы вернулись домой?

— Примерно в десять.

— Так поздно?

— Я была не в настроении и решила идти пешком.

— Пешком?

— Да.

— Но ведь вы живете недалеко, и до дома вам примерно полчаса ходьбы?

— Я пошла на восьмичасовой сеанс в кинотеатр «Газапхули».

— После вашего ухода профессор остался один?

— Да.

— Вы давно знаете заведующего клиникой Элизра Мчедлидзе?

Вопрос несколько смутил молодую женщину.

— Около двух лет, — едва слышно ответила она.

— В институте я знаю почти всех, я ведь работаю тут со дня окончания учебы.

— Он обещал вам жениться?

— Не понимаю, в какой связи это с убийством профессора?

— Я прошу ответить на мой вопрос.

— Я не так глупа, чтобы не понять, куда вы кло-

ните. В моей лаборатории обнаружено орудие убийства, а у Элизбара — труды профессора. Все понятно.

— Своим упрямством вы лишь усугубляете и без того осложнившуюся вокруг вас обстановку... — нахмурившись, обратился к ней Мигриаули.

— В тот вечер я вышла из института часов в семь, минут десять восьмого. Сторожу я оставила ключи от моей комнаты. У спуска Варазисхеви меня ждал Элизбар. Мы поехали в кинотеатр «Газапхули». Билетов в кассе не оказалось, и Элизбару пришлось зайти к директору.

— А Элизбару было известно, что вы иногда приезжаете в институт в машине профессора?

Она долго не отвечала, потом наконец сказала:

— Да, конечно. Но вот уже скоро шесть месяцев, как я близко не подхожу к машине профессора.

— Вы не встретили в кинотеатре никого из знакомых?

— Нет, не встретили!..

— А директор кинотеатра может подтвердить, что Элизбар обращался к нему в надежде получить билеты?

— Думаю, да.

— Как вы полагаете, кому понадобилось прятать нож у вас в лаборатории?

— Не знаю. Я затрудняюсь на это ответить.

— Простите, но мне придется задать вам еще один вопрос: что такого сказал вам профессор, от чего вы не спали всю ночь?

Она опустила голову, украдкой вытирая слезы, потом, прямо глядя в глаза Мигриаули, едва слышно прошептала с отчаянием:

— Неужели вы действительно верите, что мы с Элизбаром могли совершить такое страшное преступление? И зачем?

Старичок ночной сторож охотно дал показания.

— Да, на дежурство заступил вчера вечером.

— Вы, наверное, знаете всех сотрудников института?

— Было бы стыдно, если бы не знал. Ведь я тут более десяти лет.

— Попытайтесь вспомнить, кто позже всех ушел с работы?

— Позже всех? — сторож на секунду задумался.

ся. — Через полчаса после окончания работы институт опустел. Минут в пятнадцать восьмого ушел заведующий клиникой Элизбар Мчедлидзе. Я еще попросил у него сигарету. Он пожелал мне спокойной ночи и ушел.

— Мчедлидзе был один или с кем-нибудь еще?

— Один. Выглядел он грустным и задумчивым.

— Вы меня вызывали? — в кабинет вошел высокий человек со впалыми щеками. — Снабженец Миха Габададзе, — представился он.

— Садитесь, — Мигриаули указал ему на кресло и снова обратился к сторожу: — Итак, Мчедлидзе ушел из института последним?

— Нет, этого я не говорил, выходили и после него.

— Может, назовете, кто, в частности?

Сторож опустил голову и долго смотрел в пол.

— После Элизбара ушел хирург Лацуриани, за ним доктора Тортладзе и Пруидзе, доцент Кокая и другие, не помню точно кто. Вот этот молодой человек, — сторож указал на снабженца. — ушел ровно в девять.

— Вы подтверждаете показания сторожа?

— Разумеется, я не собираюсь ничего отрицать! — кивнул снабженец. — Может, вы хотите знать, почему я ушел так поздно? Разумеется, не потому, что убил профессора. Я его не убивал.

— Скажите, есть ли у вас в складе веревка? — обратился к нему инспектор. — И просил ли ее кто-нибудь в последнее время?

— Два метра веревки спросил у меня доктор Мирцхулава. Ну, я, разумеется, дал, а остальное хранится в складе, если хотите, принесу.

— Принесите, пожалуйста.

— С удовольствием, — снабженец вышел.

Доклад инспектора Тэмури

— Я сбит с толку, Джуаншер, — заговорил он взволнованно. — Вести здесь следствие с таким народом просто невозможно! Сначала об этой злосчастной авторучке. Я все-таки надеялся, что кто-нибудь ее опознает. Но, увы, мои надежды были напрасны! Ведь назвать по одному и допросить более ста сотрудников ин-

титута—дело нелегкое. В главной канцелярии мне помогли разыскать подписи и кое-какие записки, сделанные синими чернилами. Оказалось, что синими чернилами тут пользуются не менее четырех человек. Первым из них я допросил заведующего хирургическим отделением доцента Лолодзе. Цвет чернил, которыми он пользовался, в точности совпадал с чернилами в ручке, найденной в кабинете профессора. Я спросил, какой ручкой он пользуется. Он улыбнулся и — ты не поверишь! — протянул мне точно такую же золотую авторучку.

«Хорошая ручка», — похвалил я. Он посмотрел на меня искоса и как-то непонятно улыбнулся. «Во всяком случае я ее там не оставлял», — сказал он насмешливо.

— Объясните, пожалуйста, откуда у вас эта авторучка? — спросил я.

— Охотно. Наш коллега, молодой ученый Вахтанг Гогоберидзе был за границей на симпозиуме, оттуда он и привез эти ручки.

Я отправился на первый этаж, к Гогоберидзе.

Гогоберидзе сообщил, что он привез пять таких авторучек. Одну оставил себе, остальные раздарил друзьям.

— Покажите, если она у вас с собой.

Он вышел в соседнюю комнату, но вернулся не скоро, и вид у него был растерянный.

— Приношу извинения, но я, кажется, ее где-то потерял, никак не могу сообразить где, ведь она постоянно лежала у меня в той комнате.

— Скажите, пожалуйста, какого цвета чернилами вы заполняли авторучку?

— В последнее время синими, а раньше я пользовался фиолетовыми.

У остальных владельцев авторучек они оказались при себе.

...Итак, владельцем найденной нами ручки оказался сам Вахтанг Гогоберидзе...

Судебный эксперт беседует по телефону с инспектором

Дверь кабинета открылась, и на пороге показалась секретарша.

— Товарищ инспектор, вас просят к телефону, — сказала она.

Мигриаули снял трубку.

— Очень важное открытие, уважаемый Джуаншер, — услышал он голос эксперта. — Веревка, взятая со склада, и обрывок, найденный в кабинете профессора, одной и той же фактуры. Из веревки, найденной в кабинете, по-видимому, собирались сделать петлю, о чем свидетельствует след развязанного узла. Кроме того, на ней обнаружены следы человеческой крови. Кровь первой группы.

— Спасибо, Тамаз, — инспектор повесил трубку и долго стоял задумавшись.

В комнату вошел Тэмури. Джуаншер пересказал ему сообщения судебного эксперта.

Неожиданный визит патологоанатома

— Простите, я не помешал? — на пороге стоял Анзор Натадзе.

— Напротив.

— Скажите, история с золотой ручкой все еще не выяснена?

Джуаншер в упор посмотрел на Натадзе. На лице того мелькнула насмешливая улыбка.

— С ручкой все в порядке.

— И кто же ее владелец?

— Это Вахтанг Гогоберидзе.

— Ого, вот этого я действительно не ожидал. Ибо в этой комедии он никак не должен был принимать участия...

— Как утверждает Гогоберидзе, он сам не знает, как и при каких обстоятельствах потерял авторучку. Но есть еще новость: на веревке обнаружены следы от петли и пятна человеческой крови.

— Во время освидетельствования трупа и я обнаружил на горле покойного какие-то подозрительные пятна, но не заострил на них внимания.

— Такая небрежность непростительна.

— Вам не кажется, что какая-то личность очень последовательно стремилась запятнать подозрением в так называемом убийстве профессора как можно больше людей?

— Вообще во всей этой истории много подозрительного, — неопределенно возразил Джуаншер.

— Однако убийства в действительности не произошло, и естественно, что все невинные люди ни в коем случае не признаются в том, что совершили его.

— Пусть так, предположим, но тогда зачем понадобилось этой икс-личности ввязываться в такое страшное дело? Какое для нее имеет значение — убили Бибиури или сам он покончил счеты с жизнью?

Инспектор подошел к фасадной стене, Натадзе последовал за ним.

— Вы утверждаете, что покойник уперся рукояткой ножа в стену, а сам налег грудью на его острие? Как же получилось, что человек, дважды раненный в грудь, отходит от стены почти на три метра и на всем этом расстоянии не остается никаких следов?

— Замечание верное, но совершенно допустимо, что кровь показалась не сразу. Все это покажет дальнейшее следствие...

Ночная тайна

Они вышли из здания вместе.

— Тэмури, — вдруг обратился к нему Джуаншер. — Я кое-что вспомнил, мне нужно вернуться обратно. Возможно даже, мне придется там ночевать.

— Ты что-то не договариваешь? — испытующе взглянул на товарища Тэмури.

— Меня кое-что озадачило, — уклонился от прямого ответа Джуаншер.

— В таком случае я тоже остаюсь.

— Нет, не стоит. Завтра предстоит трудный день и хоть одному из нас необходимо хорошенько выспаться. Право на эту роскошь я уступаю тебе.

— Хорошо, я иду прямо домой, и если понадобится тебе, звони, не стесняйся.

Медленно, задумчиво брел Джуаншер по улице.

Неожиданно рядом с ним возник патологоанатом.

— Добрый вечер, товарищ инспектор, — раздался знакомый голос.

— Добрый вечер, доктор.

— Если вы не против, я пойду с вами.

Джуаншер удивленно глянул на Натадзе.

Некоторое время они шли молча, потом Джуаншер приостановился и глянул на Натадзе.

— Доктор, мне хочется у вас спросить кое о чем.

— Пожалуйста, я к вашим услугам. А о чем все-таки?

— Меня интересует двойник профессора, который вошел в кабинет в то утро.

— Действительно, интересно, был ли это двойник или сам Бибилури? И вообще, знаем ли мы, что двойник этот в действительности существовал? Нет, не знаем. Будь я на вашем месте, у меня бы не было в этом смысле никаких сомнений.

— Доктор! Иногда мне кажется, что вы словно защищаете самого себя от воображаемых обвинений.

Доктор посмотрел на него поверх очков.

— Иными словами, я тоже нахожусь под подозрением? Наша беседа не имеет смысла, если вы мне не доверяете.

— Вы ведь понимаете, что убийство — это преступление такого разряда, что совершивший его не может рассчитывать на доверие!

Джуаншер заметил, как заблестели глаза у патологоанатома.

— Вы утверждаете, что профессора убили ночью. А я в противовес вам настаиваю на том, что профессор покончил с собой днем. Умирание Бибилури тянулось на протяжении лет. И нельзя не отметить, что на институт обрушилось еще одно несчастье: я имею в виду тех порядочных, честных людей, которых злодеяние, содеянное бесчестным человеком, поставило в положение подозреваемых в убийстве.

— Доктор, я весь дрожу, и единственное, чего сейчас бы желал, это оказаться в теплой постели. Посоветуйте как врач, что мне делать?

— Судя по вашему виду, лекарство вам не понадобится. Вы просто переутомились. Стаканчик саперави и крепкий сон исправят дело.

Джуаншер невольно рассмеялся.

— Давайте будем откровенны до конца, — продолжал патологоанатом. — Я почему-то убежден в том, что вы сегодня ушли раньше обычного, чтобы кое-кто

подумал, что вы больше туда не вернетесь. Это, разумеется, вам нужно для дела. Вы предполагаете, что злоумышленники ночью попытаются оставить пятна крови на расстоянии между стеной и трупом, чтобы создать впечатление самоубийства.

Следователь усмехнулся.

— Доктор, я хочу задать вам один вопрос, — проговорил он, поворачивая к институту. — В дни, предшествующие убийству, вы действительно находились во Львове на семинаре по усовершенствованию врачей?

— А вы действительно плохо себя чувствуете?

— Были или нет вы во Львове?

— Да, был.

— Вы прилетели в аэропорт самолетом ровно в семь. Для того чтобы получить багаж и попасть в город, вам понадобился примерно час времени.

— Было восемь часов десять минут, когда я оказался у моста имени Бараташвили.

— Вы приехали домой, переоделись и примерно в одиннадцать часов пятнадцать минут были уже в институте?

— Выходит, я все-таки мог успеть совершить убийство, — улыбнулся Натадзе.

— Извольте шутить, доктор?

Они вошли в здание института. Прошли длинную лестницу и вышли в полуосвещенный коридор. Инспектор сорвал сургучную печать и отворил дверь кабинета. В кабинете горел свет.

— Товарищ инспектор!

— Я вас слушаю.

— Я ведь вам говорил, — на лице доктора играла торжествующая улыбка.

Мигриаули прошел в лабораторию. Нашел штепсель, и комната озарилась светом.

— Что вы тут делаете? — инспектор подошел вплотную к жавшемуся в углу человеку. Это был Гогоберидзе.

— Я... я... — заикаясь произнес он. — Вы ведь не думаете, что...

— Объясните, пожалуйста, что привело вас сюда и почему вы прячетесь тут в темноте?

— Меня напугал шум, и я выключил в лаборатории свет.

— Это правда, — вступился за него Анзор Натадзе.
— Когда я глянул с улицы на окно, в комнате горел свет.

— Почему вы оказались в лаборатории в неурочное время?

Заведующий клиникой глубоко вздохнул.

— Я искал нож.

— Нож?

— Да, тот злосчастный нож, которым было совершено преступление. Это мой нож.

Инспектор испытующе посмотрел на заведующего клиникой.

— Доктор, — обернулся инспектор к Натадзе, — будьте любезны, попросите сторожа подняться сюда.

— Сейчас, — кивнул доктор и быстро вышел из комнаты.

— Вы утверждаете, что нож принадлежал вам?

— Я не знаю, какую роль сыграл этот нож. Но могу только сказать, что нож, на котором обнаружена кровь профессора, принадлежит мне. Я одолжил его Бибилури.

— Когда?

— Это было несколько дней назад. Профессор попросил его, чтобы разрезать арбуз.

— Почему вы пришли сюда именно сегодня?

— Вы можете не поверить, но я пришел в надежде, что нож спрятан в кабинете. Я хотел его забрать. Перерыл тут все, вот поглядите, — он протянул инспектору руки, — весь вымарался в пыли, но нигде ничего!..

— Идите-ка сюда, — инспектор вывел его в кабинет. — Видите тот сверток? Разверните его!

Заведующий клиникой подошел к столу и развернул небольшой сверток.

— Представляете, я обшарил весь кабинет, а он валяется тут, под самым носом!

— Ваш?

— Да, это тот самый нож! Я не хотел, чтобы стало известно, что нож принадлежит мне, ведь тогда на меня падает подозрение!

— Хорошо, все ясно, если вы обещаете, что будете

держат наш разговор в тайне, то можете спокойно уходить!

Заведующий клиникой вышел, забрав с собой нож, и тут же в кабинет вошел Анзор Натадзе в сопровождении сторожа.

— Выходил ли заведующий клиникой из института в служебные часы? — обратился Мигриаули к сторожу.

— Нет, товарищ инспектор, в тот день он как пришел утром, так и не выходил.

— Скажите, доктор, не знаете ли вы здесь в институте какую-нибудь женщину, у которой поломан передний зуб?

— Такой женщины я не знаю, — пожал плечами Натадзе.

— Хорошо. Вы, товарищи, можете идти, а мне, вероятно, придется посидеть, у меня тут еще масса дел.

После их ухода инспектор задумался. Странное поведение доктора озадачило его. Он долго пребывал в задумчивости, потом, отвлекшись наконец от навязчивых мыслей о докторе, стал перебирать корреспонденцию.

Утром ровно в девять пришел Тэмури.

— Есть что-нибудь интересное?

— Много. На, возьми-ка это и, если не трудно, почитай вслух. — Джуаншер передал ему отпечатанное на машинке письмо.

— «Глубокоуважаемый батоно Рамаз, — не торопясь, отчетливо начал читать Тэмури. — Я позволю себе сказать вам, что вы просто подонок. У вас не хватает мужества признаться в собственном невежестве. И напрасно вы думаете, что убийство, совершенное вами, до сего времени является тайной. Вы построили собственное благополучие на чужом несчастье. Кроме того, вы самый настоящий плагиатор и взяточник. Если вы хотите хоть немного загладить свою вину, вы вернете настоящему автору его труд, труд, под которым вы несправедливо поставили свое имя. Подлинному ученому отвратительно ваше поведение и ваше прошлое. Думаю, настал наконец час, когда ваши грязные дела станут известны всем. В скором времени вас будут вспоминать с проклятиями за те моральные страдания

и унижения, которые вы, живой мертвец, доставили честным людям!»

Долгое время оба молчали.

— Ну, что скажешь, Тэмури, какое впечатление на тебя произвело это письмо? — нарушил молчание Джуаншер.

— Его обвиняют в плагиате.

— Остается предположить, что здесь имело место убийство из мести. А разве слова «живой мертвец» ничего нам не говорят?

— Постой, постой! — воскликнул Тэмури. — Кажется, их не раз употреблял наш уважаемый патологоанатом...

— Да, доктор всей душой ненавидит покойного профессора и не скрывает этого, — улыбнулся Мигриаули. — Он человек неглупый и понимает, что не сегодня-завтра мы на это письмо наткнемся. Кстати, вчера этот Натадзе вел себя довольно странно.

— Приветствую вас, товарищи, — на пороге кабинета неожиданно появился сам Натадзе. Он подошел к креслу и медленно в него опустился. — Я вас прошу, товарищ инспектор, не принимайте всерьез всего, что я наговорил вам вчера, мы ведь беседовали полуофициально.

Джуаншер внимательно поглядел на доктора. Под глазами у того были мешки — видно, ночь он провел без сна.

— Если отбросить все остальное, — насильно улыбнулся доктор, — я пока еще нужен вам, товарищи инспектора!

— Доктор, вам, вероятно, известно, что у покойного профессора есть враги? — обратился к нему Мигриаули.

— Не один и не два. Кстати, недавно он получил анонимное письмо, содержащее угрозы, верно?

— Да, и в этом письме его называют «живым мертвецом», — Мигриаули испытующе посмотрел на Натадзе.

Доктор прямо взглянул в глаза инспектору:

— Ведь не исключено, товарищ инспектор, что эти слова пришли в голову еще кому-нибудь, кроме меня?

— Конечно, конечно!

— Вы хороший человек, инспектор, — Натадзе медленным шагом вышел из комнаты.

— В пятницу, если бы не произошло этого несчастья, Бибилури должен был оппонировать одному из своих коллег, Аслану Топуридзе. В заключении, представленном профессором, диссертационному труду дан отрицательный отзыв, — сказал Джуаншеру Тэмури.

В это время вошел Леван Мирцхулава.

— Вызови-ка сюда этого Топуридзе, — велел Джуаншер, обращаясь к Тэмури.

Тот вышел выполнять распоряжение.

— Покойный терпеть не мог этого Топуридзе, — проговорил после его ухода Мирцхулава.

— Вы знаете Топуридзе?

— Очень хорошо. Бибилури называл его мошенником большого масштаба.

— А были у него на то основания?

— В молодости Топуридзе был дважды осужден за мошенничество.

— Как вы думаете, он забраковал собственно труд или ему была антипатична личность диссертанта?

— Я думаю, он имел в виду и труд, и личность диссертанта.

— Когда вы в последний раз видели Топуридзе?

— Вечером, накануне убийства. Он вышел от Бибилури.

Джуаншер долго молчал.

— Мне можно идти? — встал с кресла Мирцхулава.

— Да, пожалуйста.

Вскоре вернулся Тэмури в сопровождении высокого седого мужчины.

— Аслан Топуридзе? — спросил Мигриаули.

— Да.

— Вы и сейчас работаете в Институте травматологии?

— Нет. Теперь я заведую отделением в только что открывшейся больнице.

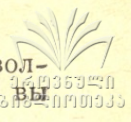
— Вы знали профессора Бибилури?

— Бибилури был назначен моим оппонентом.

— Когда вы виделись с ним?

— В прошлую субботу, часов после шести.

— О чем вы говорили?

— О моей диссертации.

— Расскажите поподробней, чем вы были взволнованы? Какова была цель вашего визита и почему вы явились к профессору в конце дня?

— Вас интересует мое настроение в тот день?

— Не удивляйтесь, если нас заинтересуют кое-какие конкретные вопросы. Вам ведь хорошо известно, какую утрату понесла наша наука, погиб большой ученый.

— Просто стыдно, что такого человека называют «большим ученым». Мы чересчур опростили это слово.

— Вы не ответили на вопрос, зачем приходили к профессору?

— Я просил его дать мне положительный отзыв.

— Он согласился?

— Да, обещал.

— Неужели вы бы не смогли защитить правильность основных положений своего труда?

— А разве Бибилури представил какие-либо научные положения и защитил верность их? Нет, мой дорогой, прошли времена, когда ценили человеческий разум и труд!

— Вы утверждаете, что...

— Я ничего не утверждаю. Я просто говорю вам то, что вы и сами прекрасно знаете. Деньги теперь обрели чудодейственную силу. Удивляюсь даже тому, как обладателя такого огромного состояния не оживили его собственные миллионы? — рассмеялся Топуридзе.

После его ухода инспектора долго молчали, обдумывая все услышанное.

— От его разговоров у меня осталось впечатление, что все вокруг, сговорившись, действуют против Бибилури, — заговорил Мигриаули. — Я понимаю, когда о покойном плохо говорит такой серьезный человек, как Анзор Натадзе... Я прошу тебя, Тэмури, принеси мне из кабинета акты всех экспертиз и попроси сюда Диану Шавлакадзе.

В ожидании Джуаншер просматривал корреспонденцию. Снова возникло множество вопросов. А ответов ни на один из них пока еще не было. Наконец появился Тэмури. Джуаншер углубился в изучение актов экспертизы.

— Я распорядился проверить группу крови заведующего клиниккой, — проговорил он поговдя.

— Зачем это тебе понадобилось?

— У него был поранен мизинец... Было установлено, что группа крови на рукоятке ножа и группа крови заведующего клиниккой совпадают. Заведующий клиниккой признался, что нож принадлежал ему и что он одолжил его профессору. А вот о том, что у него порезан палец, он умолчал.

— Я думаю, это можно предъявить в качестве обвинения.

— Остается установить, с какой целью было совершено убийство. Хотя и тут все сходится: убийца намеревался присвоить труд профессора. Одно только: похитив этот труд, он мог бы надежней его припрятать.

— Я думаю, этот Мчедлидзе просто струсил и был вынужден вернуть труд.

— Да, но если убийство было совершено ночью, убийца мог спокойно выйти из здания и взять с собой все, что хотел. Тем более, не так уж сложно вынести двухсотстраничную работу.

— Может, ему кто-нибудь помешал?

— А чем ты объяснишь, что нож оказался в лаборатории?

— Да просто убийца спрятал его там, где успел.

— Ты, вероятно, не знаешь еще одного обстоятельства — заведующий клиниккой влюблен в Джульетту Зедгинидзе. Разве в этом случае мужчина может пойти на такое?

— Тогда почему же он внес в комнату Джульетты окровавленный нож?

— А разве мы уверены в том, что именно он это сделал?

— Очень даже вероятно, и я вполне допускаю, что оба влюбленных желали освободиться от человека, который мешал их счастью.

— Легкомысленно утверждать подобную мысль. И навряд ли оба подозреваемых оставили бы на своих рабочих местах вещественные доказательства своей вины.

— У меня, Джуаншер, в связи со всем этим возникла кое-какая мыслишка. В заключении экспертизы сказано: рана намного уже, чем могло причинить ее

вещественное доказательство — нож. Значит, нам необходимо найти тот настоящий нож, иначе остается признать, что следствие зашло в тупик.

Мигриаули подошел к окну, выходящему на улицу, и долго внимательно разглядывал улицу, потом окна и двери кабинета.

— В день убийства эта большая занавесь целиком закрывала левое окно, так что находящийся на улице эту часть кабинета видеть не мог. У меня создается впечатление, что пребывавший в кабинете укрывался от посторонних глаз.

— Если еще прибавить к этому, что на найденной в кабинете коньячной бутылке обнаружены отпечатки пальцев профессора, а на одном из бокалов — лаборантки, то вполне допустимо, что маскарад этот профессор устроил преднамеренно.

— Выходит, показания Джульетты Зедгинидзе верны?

— Возможно, она что-то и скрывает...

— Во время первого допроса я не знал о полученных отпечатках пальцев.

— Можно?.. — на пороге показалась Диана Шавлакадзе.

— Входите, пожалуйста. Садитесь, — пригласил Тэмури.

— Когда вы в последний раз были у Бибилури, Диана? — обратился к ней Джуаншер.

Она посмотрела на него испытующе, но ничего не ответила.

Джуаншер поставил на стол лимонад и плитки шоколада.

— Выпьете?.. Угощайтесь, вот шоколад... Прощу... — пригласил он женщину и, помолчав, проговорил: — Расскажите мне, пожалуйста, все, что знаете о Бибилури.

— Хорошо... Вы, разумеется, кое-что знаете о наших отношениях с покойным. Как видите, я не изменила памяти своего отца и работаю над начатыми им исследованиями. Отец не успел опубликовать свои труды, он умер внезапно.

— Простите, что я вынужден перебить вас, но ко-

гда вы в последний раз были в кабинете у Бибилури?

Она смутилась.

— А в каких отношениях вы с Натадзе?..

— С Натадзе?.. Хорошо, я скажу... Анзор любит меня.

— Скажите, покойный стремился сблизиться с вами?

— Да. Но я ничего не знала об этом.

— Когда вы узнали, что Бибилури присвоил труды вашего отца?

— Приблизительно год назад.

— Он знал, что вы о нем думаете?

Лицо ее порозовело.

— Не успел узнать...

— Видите ли, я вынужден послать вот этот шоколад на экспертизу, — Джуаншер указал на надкусанный ломтик шоколада.

— Эти огрызки на экспертизу? Да и при чем здесь я?..

— В кабинете я обнаружил кусочек шоколада, на котором имеются следы зубов, предполагаю, ваших.

— Вас интересует, была ли я в кабинете у Бибилури в день происшествия? Да, была!

— До того, как вы расскажете мне о том, как происходила ваша встреча, прошу вас ответить на такой вопрос: не изменились ли ваши отношения с Натадзе?

— Нет.

— Нам известно, что он, как и вы, ненавидел покойного. Не результат ли это вашего влияния?

— Не знаю, не могу сказать.

— Натадзе знал, что вы нравитесь Бибилури?

— Я ничего от него не скрывала.

— Вы умеете печатать на машинке?

— Да, печатаю свободно.

— Хорошо, продолжайте.

— В понедельник я пришла к профессору. Было примерно часов двенадцать, когда я вошла в его кабинет. Он очень мне обрадовался. Я села. Он, так же как и вы, предложил мне шоколад. Я откусила кусочек и в это мгновение вспомнила, зачем я пришла. Я положила этот шоколад на тарелку и, собрав все силы, бросила ему в лицо: «Вы живой мертвец, да, да, живой труп!» Представьте, он воспринял мою выходку спокойно. «Ес-

ли ты будешь счастлива, я готов все переварить, готов выполнить любое твое желание, — сказал он. — Открой сейф, там лежит сверток, возьми его, он твой!» Я не двинулась с места. Тогда он сам встал и, подойдя к сейфу, открыл его, достал оттуда какой-то большой сверток и, положив его на кресло, развернул. — Диана помолчала, медленно проведя рукой по лбу. — Ничего подобного я никогда не видела!

— Что же там было?

— Драгоценности... пачки денег... Потом он сказал: «Возьми это и будь счастлива». Я почувствовала, что близка к обмороку, и бросилась к двери. «Прошу тебя, забери это», — снова сказал мне про сверток Бибилури. Я даже не обернулась и, не попрощавшись, выбежала из кабинета.

— Он ничего не сказал вам о письме, которое получили от вас?

— Вы хотите обвинить меня в чем-то?

— Отвечайте!..

— Нет, не говорил, — она вдруг сникла.

— Идите, мы вас больше не задерживаем, — спокойно сказал Мигриаули.

— До свидания.

— До свидания.

Инспектор проводил ее пристальным взглядом.

— Теперь мы располагаем тремя версиями убийства, — с улыбкой обратился к нему Тэмури. — Две первые — убийство из мести. Диана Шавлакадзе мстит профессору за присвоение трудов отца. Аслан Топуридзе — за то, что тот провалил его кандидатскую диссертацию. Ну а третья — убийство с целью ограбления.

— Ты забыл о самоубийстве!.. А эта версия наиболее вероятна, — возразил Мигриаули.

— Предположим, что ты прав. Но тогда возникает вопрос: почему Бибилури решил покончить счеты с жизнью?

— А вот на этот-то вопрос, друг мой, ответить легче всего... — широко улыбнулся старший инспектор. — Да-а, мы еще не знаем вот какой подробности: были ли профессор левшой?

— По правде говоря, Джуаншер, мне это и в голову не приходило.

— Тогда, будь любезен, посмотри вот эти ^{ЭТИ} ~~ВЫВО~~ ^{ЭТИ} выходы, — Мигриаули протянул ему акт судебно-медицинской экспертизы.

— Я впервые его вижу! — удивился Тэмури.

— Не удивляйся, мне это прислали вчера в конце дня, — пояснил ему Джуаншер.

— Судебно-медицинский эксперт тоже считает, что не исключено самоубийство, — проговорил Тэмури, не поднимая головы от акта.

— Не сердись на меня, друг, — миролюбиво возразил ему Мигриаули. — Но лучше перечти еще раз внимательно последний абзац второй страницы.

— «Справа на шее потерпевшего, — прочел Тэмури, — неглубокая рана, нанесенная острым предметом, которая, однако, не могла явиться причиной смерти».

— Ты понял? Справа. Или профессор одинаково хорошо пользовался и правой, и левой рукой, или... Вот погляди: он нанес себе ранение в область грудной клетки правой рукой, а что касается шеи, тут уже ножевой удар был нанесен левой...

— Да-а... Это еще один сюрприз!..

— Потому прошу тебя срочно добыть от патологоанатома нужные сведения, чтобы можно было установить, был ли покойный профессор левшой, а уж потом...

— Нет, нет! Я не левша!.. — закричал вдруг Библиури. — Помогите, убивают! — весь во власти страшного сна, он вскочил с постели и бросился к зеркалу.

— Тьфу, черт возьми! Ужасный сон! — Зеркало отразило пожелтевшее, отекавшее лицо. Все еще находясь под впечатлением кошмара, Рамаз лихорадочно ощупывал грудь, лицо, шею.

«Неужели все это правда? — стучало в голове. — О мое доброе имя! Достоинство ученого! Все пропало!.. К чему же жить, для чего?..» Он подбежал к окну.

Над городом вставал новый день. Ласковые лучи утреннего солнца щедро озаряли все вокруг, словно возвещая миру о приходе на землю счастья и добра.

Резкий телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

Рамаз в тревоге подошел к телефону, снял трубку.

— Говорит следователь районной прокуратуры, — с ужасом услышал Рамаз.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ МИНДАЛЬ

Растаял оранжевый луч над водой —
Багровый закат полоснул по волне...
Опять погружен Севастополь-герой
В тревожную думу о давней войне.

В раздумии долгом поник головой,
И черную ветвь в вышине распластал
Дыханием пуль обожженный, седой,
Объятый весенним цветеньем миндаль.

О, как у него побелели виски!
Алеет у дерева море цветов,
Пожаром объята его лепестки,
На огненных маках — несмытая кровь.

Гудела над саженцем кузница гроз,
(Война неспроста раздувала меха),
Напоены корни потоками слез,
Наполнены мертвой водой лемеха.

Стекала по ветви израненной кровь...
И рос легендарный миндаль на крови,
Цветением кроны приветствуя вновь
Дыхание жизни и песню любви!

Стоит белоглавый миндаль-ветеран,
Все ветви в цвету и прозрачной росе...
А я вспоминаю Малахов курган
И лучшего друга, погибшего здесь.

В печали на маковом поле стою.
Склонилась, миндаль, и твоя голова,
Бессонную думу тревожишь мою
И горькие шепчешь за мною слова.

Но память ушедшего горя светла
И праздничны белые ветви весной...
Сниму с пиджака и повешу медаль
На памятный ствол, опаленный войной.

●
Как-то ветерок в тумане белом
На ветвях развесил паутинки,
И повисло в небе ожерелье,
Бусинки — прозрачные росинки.

Оборвались нити паутинки —
Вздрыгнули весенние побеги...
На травинках тоненьких росинки
Замерли, как новенькие серьги.

Перевела с осетинского Анна ФУНИКОВА

◆
Жамилла КОРИНТЭЛИ

ВЕЧЕР В БОРЖОМСКОМ УЩЕЛЬЕ

Догорает костер заката
Знойного дня.
Серебряной негой объята,
Всходит луна.
На голубином атласе неба
Два светила — дня и ночи —
Скрестили мечи:
Медно-желтый
И серебристый...
Свои оконца
Приоткрывая робко,
Одно за другим,
Следят в смущенье
За поединком
Звезды.
Горы вдали

Одели пурпур
И ультрамарин.
Тихо в ущелье...

Зачарованный сад!..
Я ушла от тебя навсегда.
Не ступает моя нога
По пустынным густым аллеям.
Высыхает под солнцем роса,
И цикады от зноя сомлели...
Выцветает небес бирюза,
Кое-где еще маки алеют.
Зачарованный сад!
Мы на разных с тобой полюсах
Я куда-то бреду наугад
По щербатым тропинкам, робея
Что пути не найти уж назад.
И хоть речка совсем обмелела,
Перейти ее вброд
не сумею.

У поэтов
Возраста нет.
Много жизней прожить поэту
Приходится за одну-
Единственную — свою.
Почему-то за все в ответе
Ощущают себя эти дети,
С колыбели до самой смерти
Ищущие
Красоту.
Души мятежные,
Стойкие — нежные...
И никто наперед не знает,
Что потом со стихами бывает:
Отцветут, как тюльпаны в мае,
Иль добра семена прорастут...
Излучает таинственный свет
Это горькое имя — поэт.

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ

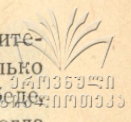
СОВРЕМЕННОСТЬ И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЫСШЕЕ назначение литературы состоит в том, чтобы становиться художественной летописью своего времени, правдиво, с большой впечатляющей силой выражать дух и чаяния современного ей общества, раскрывать психологию современников.

Этой давней и вечно актуальной заповеди верно следуют и советские писатели, и лучшие представители мировой прогрессивной литературы.

Вся история многонациональной советской литературы, все ее достижения, ее лучшие художественные творения, признанные во всем мире и уже ставшие принадлежностью сокровищницы мировой культуры, являются ярким свидетельством того, что сила нашей литературы заключается именно в неразрывной, органичной связи с народом.

История Страны Советов преподала немало наглядных уроков. Наши достижения во всех областях общественной жизни, в том числе и в сфере духовной культуры, несмотря на сравнительно короткий срок исторического бытия — всего семь десятилетий, — поистине грандиозны. Один из этих уроков, важнейший из них, состоит в том, что

проблемы художественного творчества, в частности — литературы, лишь тогда могут быть успешно разрешены, только в том случае имеют шанс привести к творческой победе, когда литература живет и дышит интересами народа, когда строительство нового мира превращается для нее в заботу номер один, когда не только не забыто, но даже ни на йоту не затушено характерное для социалистической литературы стремление находиться в гуще жизни, завоевывать умы и сердца людей, вести их по пути добра, любви и прогресса.

Когда литература стремится именно к такой цели, влияние ее поистине беспредельно. Ярким примером тому служит литература социалистического реализма, от ее первых произведений до сегодняшнего дня. Все мы хорошо знаем, какое огромное значение придавал Ленин роману Горького «Мать» в процессе обретения рабочими того времени классового самосознания. Общеизвестно и то, что одно из лучших произведений сегодняшней советской литературы, снискавшее автору Ленинскую премию, — имеется в виду роман Нодара Думбадзе «Закон вечности» — оказывает величайшее влияние на процесс формирования морали и гражданственности не только грузинского, но и всесоюзного читателя. И, конечно, известно, какая большая, глубокая, интересная литература создана у нас в стране за период времени, разделяющий эти два произведения.

Тем более удивительно, что и сегодня приходится слышать или читать рассуждения такого рода, которые ставят под сомнение эти бесспорные, аксиоматичные истины. Это относится прежде всего к апологетам «нового романа», или романа-мифа. По их мнению, здесь, и только здесь пролегает путь развития современного романа, а внимания писателя достойны лишь вечные темы и проблемы, а не те, что отмечены печатью «преходящей повседневности».

Но разве не именно этой «преходящей повседневностью» вдохновлен бессмертный роман Якова Цуртавели, который вот уже полторы тысячи лет не только изумляет, но и волнует нас, не только знакомя с деталями исторического развития, но и участвуя в нашем гражданском, патриотическом, нравственном воспитании? Разве не «преходящей повседневностью» продиктован пушкинский роман в стихах? А Илья Чавчавадзе, останься он автором одного лишь «Димитрия Самопожертвователя», отворачиваясь от «преходящей повседневности», — разве был бы он ныне одним из духовных наставников своего народа? Зачем нам подражать писателям Ла-

тинской Америки, когда у нас есть собственный богатый опыт? Кстати, раз уж пришлось к слову, скажу, что литература Латинской Америки в меньшей степени «отгорожена» классическим наследием, поэтому латиноамериканские писатели и привили европейскую культуру своему фольклору, что и послужило толчком к широкому распространению романа-мифа. Слава богу, грузинская словесность не испытывает недостатка ни в мифах, ни в фольклоре, ни в классике, ни в современном опыте. Так что нет у нас никакой надобности перенимать чужое.

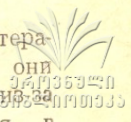
Как прав оказался Станислав Рассадин, который первым из критиков поколения шестидесятых, еще два десятилетия назад, выбросил лозунг: «Вперед к Пушкину!»

Со временем правильность этого призыва становилась все более ясной и убедительной. Грузинская литература имеет свои, столь же безошибочные, ориентиры, и наша критика именно на них должна нацеливать наших писателей, хотя и чужой опыт должен быть изучен и осмыслен.

Примечательно, что сами писатели, прозаики, оказались куда более осторожными и справедливыми в этом вопросе, нежели их апологеты-критики. Не припомню, чтобы кто-нибудь из писателей, вместе или порознь, определенно противопоставлял свои новшества классической литературе — разве что иногда вырывалась у кого-нибудь из них двусмысленная фраза, которую можно было толковать и так и эдак.

Также довольно часто, особенно за круглыми столами, от литераторов можно услышать высказанную не без кокетства мысль, что реальность сковывает, сужает творческий простор писателя, а потому главное для него — это талант и культура фантазии, сочинительства. Против этих качеств никто, собственно, ничего иметь не может. Достоинно сожаления лишь то обстоятельство, что мы никак не отвыкнем бросать необдуманные слова и, напротив, никак не привыкнем четко формулировать и ясно высказывать свои мысли.

Вот еще одна из причин снобистского отрицательного отношения некоторых к жизненной правде. Поводом для него — и не безосновательным — служит обилие таких произведений, где примитивно и прямолинейно отождествляется художественная правда с житейским правдоподобием и авторы которых наивно думают, что реализм в литературе заключается в том, чтобы описывать все, что попадаетея тебе на глаза. В таком случае отрицательное отношение адресуется не правде жизни, а ее фальсификаторам.

Только действительность, жизнь питают любую литературу (даже самую фантастическую и вымышленную) и не сужают творческий мир писателя, но нередко именно узости кругозора самого писателя не могут превратиться в художественную литературу.

Раз уж речь зашла о романе-мифе, то должен признаться, что и сам считаю лучшие его образцы (романы Чабуа Амирэджиби, Отара Чиладзе, Арчила Сулакаури, а также Тамаза Бибилури и Гурама Дочанашвили) важнейшим и интереснейшим явлением в современной грузинской литературе, однако, как оказалось, дело тут вовсе не в заинтересованности вымыслом и фантастикой. На этом пути точно так же легко осрамиться, как это происходит с незадачливыми, примитивными копировальщиками действительности. В этом смысле опасность утратить чувство меры, как мне кажется, уже проявляется в творчестве некоторых прозаиков. Заставляет призадуматься массовое стремление молодых писателей к мифологическим моделям построения романа. Здесь тоже примитив нередко скрывается под маской ложного глубокомыслия. Видимо, естественно, что это явление стало своеобразной модой, которой многие последовали. Писать «мифологическую прозу» и «синтетический роман» нынче стало хорошим тоном, однако по-прежнему верна старая истина о том, что писатель должен воплощать свой замысел на своем родном, органичном для себя и своего таланта, языке, должен говорить своим голосом, а не чужим. К сожалению, примеры такого подражательства у нас найдутся.

Когда читаешь подобные романы, становится совершенно понятным раздражение, которое вызывает «мифологическая проза» у Льва Аннинского и Вадима Кожинова, или сатирический очерк Отара Чхеидзе, направленный против повального увлечения этим направлением. С сочувствием прислушиваешься к истерическому воплю Аннинского: «Жажду беллетристики!»

Никто не станет возражать против произведений, в которых размыты или нечетки временные границы, но чей пафос, целенаправленность философских или нравственных концепций активно работают на современность. Это неременное качество присуще всем действительно новым романам, которые я назвал выше в числе достижений грузинской литературы.

Это очевидно для всех, и здесь разницы в мнениях не наблюдается. Особенно наглядно проявилась эта тенденция

в творчестве Отара Чиладзе, когда не так давно мы проини его «Железный театр». Поиски нравственного и гражданственного идеала, которые красной нитью проходят через его такие разные, на первый взгляд, романы, оказались также их связующей нитью, органичной и естественной. Его герои в неупорядоченном мире, где им приходится жить, всегда являются стихийными искателями правды, добра, любви и находят их. В «Железном театре» герой находит все это в революции и делает более наглядным тот мост, который связывает романы Отара Чиладзе с современностью.

Иван Савельев в своей статье «Черты общности» («Вопросы литературы» № 3, 1985) дает высокую оценку этому роману Отара Чиладзе и совершенно справедливо пишет, что, хотя «Железный театр» повествует о прошлом, он полностью обращен в современность, он современен каждой своей строкой, потому что тот нравственный выбор, который делают его герои, не снят временем с повестки нынешнего дня: и сегодня на сцене железного театра, которым стал весь капиталистический мир, разыгрываются те же драмы, только с одним существенным отличием: «Кое-кто сегодня хочет привести к кровавому финалу все человечество».

Одним из лучших исторических романов в современной грузинской литературе стал роман Гурама Гегешидзе «Глас вопиющего», пафос которого также нацелен в сегодняшний день и будет полезен завтра. В этом романе Гурам Гегешидзе предстает перед нами писателем совсем иных интересов, иного видения, иной манеры, нежели те, что были присущи ему раньше (хотя и прежние его романы отличались увлекательностью и глубиной). Писатель окончательно доказал неповторимость и масштабность своего таланта. С истине классической силой разворачивается здесь художественная биография поколений на протяжении почти целого столетия, начиная с 50-х годов прошлого века и до победы революции в Грузии. Это не только роман-панорама, но вместе с тем роман, в котором его многочисленные (даже эпизодические) персонажи раскрыты с необычайной психологической глубиной, мы ясно представляем себе их внешность, социальное положение, черты характера, даже чудачества, даже особенности их речи.

С классической реалистической манерой изображения и повествования здесь органически соединена широко и с большим мастерством используемая символика. Здесь мы имеем дело с тем редким случаем, когда последняя является не

украшением и, тем болѣе, не самоцелью, как это, увы, не редко бывает в современной грузинской прозе, а служит для выражения главного авторского замысла, обострения и развития художественной образности романа. «Глас вопиющего» — один из лучших образцов того, как развиваются, живут и обогащаются современным мышлением грузинские реалистические традиции, какие масштабы обретает ныне авторский замысел и в каких художественных формах он воплощается.

Нас не может не радовать появление сегодня таких исторических романов. Я лично горжусь произведениями выше-названных авторов, которые уже принесли и еще принесут широкое признание грузинской литературе.

Но не меньшую, а быть может, и болѣшую радость и гордость вызывает у меня наличие в современной грузинской литературе высокохудожественных произведений и в поэзии, и в прозе, и даже, представьте, в драматургии, которые посвящены непосредственно сегодняшнему дню.

Да, если успехи грузинской поэзии и прозы, талант поэтов и прозаиков были всегда заметны и наглядны, нельзя сказать того же о грузинской драматургии, несмотря на то, что и у нас, и в братских республиках, и за рубежом с успехом ставились и ставятся пьесы Тамаза Чиладзе, Александра Чхаидзе, Киты Буачидзе и других. Сегодня же наши молодые драматурги уже не только подают нам надежды на будущее, но и создают глубокие и интересные, оригинальные и проблемные, острые и смелые пьесы. В особенности следует отметить большие успехи Лаши Табукашвили, за которыми мы наблюдаем уже несколько лет. Его пьесы представляют автора не только талантливым молодым писателем, но и настоящим художником, хорошо понимающим свою гражданскую ответственность, свой долг перед народом.

Одним из самых примечательных произведений драматургии за последние годы явилась пьеса Шадимана Шаманадзе «Открытая веранда», возвестившая о рождении еще одного талантливого драматурга, и, если у него не закружится голова от нынешнего совершенно заслуженного успеха, мы вправе ожидать от него noch, еще более профессионально отточенных, совершенных драматических произведений.

Да, современность предоставляет уйму материала нашей творческой интеллигенции, и ее интересы и внимание должны быть сконцентрированы именно на ней. Однако понятие современности стало сегодня слишком растяжимым. Счи-

тается, что все, написанное о советской действительности, современно. Мы порой забываем, что Советская власть существует уже семь десятилетий и ранние ее этапы уже принадлежат истории, хотя без этой истории невозможно представить себе ни наше сегодняшнее бытие, ни его последующее развитие. Когда сегодня пишутся романы или произведения других жанров о войне, о предвоенных или даже послевоенных годах — это уже произведения фактически на историческую тему. Сегодня от Великой Отечественной войны нас отделяет примерно такой же промежуток времени, какой отделял Толстого от той эпохи, которую он описал в «Войне и мире».

Упоминая об этом я вовсе не призываю равнодушно относиться к ранним этапам нашей жизни — они всегда будут нестареющей темой советской литературы, — однако хочу обратить внимание на то, что собственно современность, наша сегодняшняя жизнь, нуждается в не менее глубоко осмыслении и художественном отображении.

Грандиозные общественно-политические, социально-экономические, культурные программы, которые стоят перед нами сегодня, ускорение научно-технического прогресса, которым отмечена наша сегодняшняя жизнь, — всё это невиданными темпами меняет и окружающую среду, и самого человека. Вот что должно быть предметом наблюдений, изучения, художественного осмысления для советских писателей.

М. С. Горбачев в своем выступлении на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года заявил:

«Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих Пленумах ЦК..., была и остается неизменной. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Речь идет о преобразовании материально-технической базы производства. Речь идет о совершенствовании системы общественных отношений, прежде всего экономических. Речь идет и о развитии самого человека, о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика».

Как мы видим, развитие советского человека, — качественное улучшение его духовного облика партия считает одним из важнейших дел в своих стратегических планах. Отсюда само собою вытекает, какое огромное значение придается сегодня литературе и искусству как сильнейшему и

эффективнейшему орудию идеологического воздействия на массы.

Партия по-прежнему следует ленинским указаниям, чтобы бережно, с уважением относиться к талантам, творческим исканиям художников, не вмешиваться в форму и стиль их работы. Вместе с тем объявлено со всей принципиальностью, что партия не будет равнодушна к идейному содержанию литературы и искусства, что она всегда будет следить за тем, чтобы литература и искусство в первую очередь выражали интересы народа и служили им.

Среди форм и методов партийного влияния на литературу заслуживает особенного внимания нововведение, введенное Компартией Грузии и отличающееся большой эффективностью и значительностью. Оно состоит в творческих самоотчетах писателей-коммунистов перед бюро Центрального Комитета. Отчет Шота Нишнианидзе, опубликованный в газетах, и та оценка, которую дало бюро его творчеству и общественной деятельности, являют собой яркий пример действенности этой новой меры.

Поэзия Шота Нишнианидзе с ее гражданским пафосом, коммунистической убежденностью, актуальностью звучания берет свое начало в самой жизни. Она выражает чувство долга писателя, скрупулезное знание современной жизни и является результатом глубокой, кровной заинтересованности. Потому так велико и плодотворно влияние поэта на современников.

Такова обусловленная жизнью связь между истинным творцом и его временем, таково их взаимное влияние. «Время, время заметь!» — этот призыв Галактиона никогда не утратит своей силы. Пренебрежение к требованиям времени, абстрактное художественное мышление, нежелание снизойти к решению сегодняшних задач от размышлений над вечными проблемами могут привести художника только к поражению, ибо многовековой опыт человечества утверждает, что только интересами времени и эпохи, современными проблемами и верностью жизни возвысились все великие творцы до вечных, общечеловеческих идей. Эту простую, но великую и неизбежную истину должен знать каждый художник, который не хочет потерпеть неудачу в своих начинаниях.

Грузинская литература последних лет сильна и интересна высоким гражданственным духом, публицистической пылкостью, глубоким постижением жизненных проблем. Этот пафос определяется теми большими задачами, которые стоят

перед всем советским народом, и теми конкретными работами, которые тревожат тружеников республики, — стремлением избавиться от некоторых язв вчерашнего дня и полнотой задания дня сегодняшнего. Грузинские писатели можно смело сказать, активно участвуют в нашей общественной жизни, способствуя ее развитию и продвижению вперед. Единодушие и солидарность поэта, виноградаря, сталевара, строителя, всех советских тружеников сегодня особенно наглядны.

Вдохновенное единство партии и народа, творческий дух, столь мощно являющий себя на космодромах и колхозных полях, на БАМе и Жинвальской ГЭС, везде и во всем, дает новый стимул советской литературе.

Этим стимулом, нашей современностью вдохновлена сегодняшняя лирика патриарха грузинской поэзии Ираклия Абашидзе, в которой так счастливо сочетаются образы надежды, радости с философскими размышлениями, а также стихи молодых поэтов, чьи юношеские чувства проникнуты сознанием своего долга перед Родиной. Ритм наших дней гудит в поэзии Шота Нишнианидзе, Хута Берулава, Мурмана Лебанидзе, Отара Челидзе, Джансуга Чарквиани, Тариэла Чантурна, Резо Амашукели. Вспомним все многообразие сегодняшней грузинской поэзии от Анны Каландадзе и Мухрана Мачавариани до Бесика Харанаули и Далилы Бедианидзе — и сердце не может не исполниться гордости за нее. Возьмем прозу: романы, повести и рассказы Григола Абашидзе и Отара Чхеидзе, Акакия Гацерелия и Георгия Цицишвили, Арчила Сулакаури и Резо Чейшвили, Гурама Панджикидзе и Оти Иоселиани, Ладо Мрелашвили и Давида Квицаридзе, Реваза Инанишвили и Тамаза Бибилури, Реваза Мишвеладзе и Джемала Карчхадзе, Гурама Дочанашвили и Рамаза Кобидзе, Наиры Гелашвили и Годердзи Чохели, Маки Джохадзе и Мики Алексидзе убедительно говорят о богатстве нашей литературы, ее многопроблемности и многокрасочности.

Весьма значителен и о многом говорит тот факт, что именно в последние годы грузинская литература была отмечена высокими наградами. Ленинская премия Нодара Думбадзе, Государственная премия СССР Шота Нишнианидзе, присвоение Константину Лордкипанидзе звания Героя Социалистического Труда свидетельствуют как о больших творческих победах этих писателей, так и о признании высоких достоинств грузинской литературы вообще.

Достижения грузинской литературы за последние годы

не могут не волновать и не радовать нас, но ведь жизнь не стоит на месте, она — в вечном движении и развитии, ежедневно ставит она новые проблемы, и писателям необходимо напряженно работать, чтобы сполна уплатить свой долг перед страной и народом.

На состоявшемся недавно собрании идеологического актива республики первый секретарь Центрального Комитета Компартии Грузии Д. И. Патиашвили в своем докладе, анализируя современный этап нашего развития, поставил много острых и актуальных вопросов, и стало ясно, что еще во многих областях нам предстоит навести порядок и что у нас еще немало пороков, подлежащих искоренению.

Недостаткам, существующим в нашей общественной жизни и идеологической деятельности, в этом докладе и в последующих выступлениях Д. И. Патиашвили дал принципиальную оценку и поставил перед коммунистами, перед всеми трудящимися республики неотложные задачи.

В борьбе за своевременное решение этих задач грузинские писатели должны выступать в роли авангарда, поскольку именно на литературу падает наибольшая ответственность за моральный и гражданский облик современного человека, и ни в коем случае нельзя оставаться к этому равнодушным.

О том, какие у нас недостатки, какие задачи стоят сегодня перед грузинскими писателями, открыто, с резкой прямотой, глубоко и обстоятельно рассказал Шота Нишнианидзе в просторном интервью, недавно опубликованном на страницах «Литэратурули Сакартвело». Это интервью вдохновлено выступлениями Д. И. Патиашвили и представляет собою искреннюю исповедь писателя-коммуниста, его размышления, суждения, реалистическое осмысление нашей жизни.

Волна литературного процесса сегодня сильна и высока. Необходимо снять пену, кипящую на поверхности литературной жизни, о чем, к сожалению, недостаточно заботится критика. Даже у истинного художника не все получается одинаково сильным, и это тоже следует замечать и говорить об этом, но максимально тактично и доброжелательно. Наконец, нашей критике не хватает глубокого анализа основных процессов, тенденций...

Шота Нишнианидзе в своем интервью, о котором я упоминал выше, сказал много горьких слов о грузинской литературной критике, и, если отвлечься от узкопрофессиональ-

ного самолюбия и хорошо все обдумать, придется признать, что высказанные им упреки справедливы.

Когда мы, критики, признаем это и задумаемся, прежде всего над собственными ошибками, лишь тогда ^{прежде} ~~тогда~~ ^{нам} ~~тогда~~ будет право говорить о чужих. Ведь если говорить откровенно, мы признаем критику лишь декларативно, фактически же многие (если не большинство) из нас борются с нею всеми способами, в том числе и недозволенными, среди которых старый, испытанный, но не изживший себя прием — демагогия. Да, писатели критики не любят. По правде говоря, любить ее и не за что, ее никто не любит, однако у нас к ней отношение особенно болезненное. Бесконечно длятся споры между критиками и авторами. Ничего дурного в этом нет, когда споры ведутся о принципиальных вещах, а не о мелочах или личных пристрастиях.

У грузинской литературной критики есть много других, и серьезных дел, она не должна терять время на эту возню. Живой литературный процесс постоянно выдвигает множество крупных и мелких вопросов, требующих своевременного освещения, а мы до сих пор не удосужились разобраться в таком кардинальном вопросе, как проблема героя и времени.

Раньше, чем критика, сама литературная практика внесла ясность в этот вопрос, показав, что интерес писателя к герою развивался очень односторонне, что этический аспект личности героя, сам по себе весьма важный, тем не менее затушевывал многосторонность духовной жизни человека, его социальные, политические, мировоззренческие и многие другие интересы. Вместо разносторонних героев литературу заполнили однообразные, несколько абстрактные персонажи, чьи нравственные позиции весьма относительны, так как эти герои, чьи сердца преисполнены доброты, стоят в стороне от жизни, занимаются лишь демонстрацией собственной безупречности.

Все более и более заметным становится дефицит в советской литературе активных, вдохновленных великими делами, борющихся героев. Раздавались даже голоса стосковавшихся по энергичному герою, однако и здесь критика не сумела дать писателям верные ориентиры, зато некоторые писатели сами поняли, чего требует от них время, и именно этому мы обязаны появлением нескольких действительно актуальных, насыщенных современными проблемами произведений, среди которых выделяются «Закон вечности» Нодара

Думбадзе и «Год активного солнца» Гурама Панджикидзе, а также документально-художественная проза Константина Лордкипанидзе.

И все-таки важнейшей задачей литературы является нахождение и изображение новых человеческих типов, которых создает и утверждает сама жизнь. К сожалению, многие важнейшие приметы нашего времени, надо признаться, не стали предметом главного внимания грузинской литературы. Я имею в виду хотя бы научно-техническую революцию, ее процесс и первые результаты. А ведь мы живем именно в эпоху этой революции, прогресс нашего общества без этого процесса был бы просто невыносим. Между тем этот процесс сопровождается определенными трудностями, в чем-то даже драматичен, так как замена старого новым, а тем более перемены революционные безболезненно не проходят.

Научно-техническая революция несет с собою духовную перестройку советского человека, процесс формирования его на новых основах, и это не может не попасть в центр писательского внимания. А здесь мы чувствительно отстаем.

Как известно, начало этапа развитого социализма есть великое достижение советского народа, но это вовсе не означает, что сегодня во всех областях нашей жизни, на каждом ее участке все мы без исключения самоотверженно блюдем социалистические принципы и нормы.

К чему скрывать — прежде у нас нередко случались те или иные искажения ленинского курса, когда от литературы различными способами и в различной форме требовалось закрывать глаза не только на пороки, но даже на недостатки нашего общества. Сегодня партия открыто заявляет, что даже в условиях развитого социализма предстоит многое преодолеть как в материально-экономической сфере, так и в духовной. Первым и необходимым условием излечения является правильный диагноз. И литература обязана бесстрашно, со всей силой художественного слова обличать те недостатки, которые еще встречаются в нашей жизни.

Достаточно трудностей (и на это тоже нельзя закрывать глаза) в сфере межнациональных отношений. Разумеется, литература живо заинтересована в решении этих проблем, это одна из первейших ее забот. Поэтому и здесь следует предоставить больше свободы мышления и выражения писателям, но тем, кто серьезно задумывается над этими проблемами, искренне радуется достигнутым успехам и действительно с болью относится к нерешенным вопросам.

В нашей литературе порой еще встречаются рецидивы спекуляции на национальной проблематике и патриотических чувствах. Когда задевают самые сокровенные струны человеческой души и пытаются играть на них, приносят большой вред нашей идеологической работе. Такие случаи единичны, но и это прискорбно.

В большей степени распространена другая тенденция. Писатели справедливо считают, что литература и национальное чувство неотделимы друг от друга, но не всегда отдают себе отчет в том, что актуальность темы отнюдь не служит гарантией успеха. Чем более значительна и важна проблема, тем большей глубины и художественной силы требует ее разработка. Поверхностность тут особенно недопустима. Когда патриотизм ограничивается общими фразами или искусственно созданными ностальгическими настроениями, он ничего не стоит.

Любить свой народ и страну — значит в первую очередь глубоко интересоваться их жизнью и проблемами, самоотверженно служить им, а не петь им пустые дифирамбы и патетически изливать переполняющее сердце чувства. А последнее часто имеет место в грузинской словесности, особенно в лирике. Хотя у нас имеются и широкие эпические полотна, многотомные книги, написанные в таком ура-патриотическом, а вернее — в ложно-патриотическом духе.

Товарищ М. С. Горбачев в своей речи на Пленуме в числе важнейших задач идеологической работы назвал воспитание патриотизма и интернационализма. И действительно, эти два понятия всегда были неотделимы от ленинской идеологии. Ни одно из них не должно оказываться в тени или переходить на второй план, и литераторы всегда должны помнить об этом.

Один из важнейших принципов партийности и народности литературы — искусство должно принадлежать народу. Воплощение этого принципа суждено лишь советской действительности. Миллионные тиражи, доступная для трудящихся цена, воспитание любви к книге — все это стало возможным в результате заботы государства. Но это все-таки только внешнее выражение ленинского принципа. В некоторых случаях издательства капиталистических стран тоже умеют выпускать книги массовыми тиражами и по сравнительно недорогой цене. Важно другое. Литература и искусство должны принадлежать народу всем своим пафосом и целенаправленностью, должны выражать интересы народа, его чая-

ния, мысли и чувства, должны служить прогрессу. Только в этом случае они становятся духовной пищей народа, его достоянием. С этой точки зрения буржуазная литература не только не может сравниться с советской, но прямо противоположна ей, так как, в отличие от нашей, ею движут совершенно иные цели, важнейшая из которых — с помощью развлекательных сюжетов отвлечь читателей от их насущных, злободневных социальных и политических проблем или попросту дезориентировать массы.

В связи с этим важнейшим назначением советской литературы партия сегодня уделяет особое внимание тому, чтобы писатели обращались к современной проблематике, искренне, глубоко и художественно разрабатывали вопросы, которые ставит сама жизнь. Односторонняя и зачастую вовсе неверная интерпретация кардинального вопроса теории социалистического реализма, бытовавшая в прошлом на определенном этапе его развития, оставила дурной след в советской литературе. Сегодня эти ошибки исправлены, и литература именно своей правдивостью, гражданской смелостью и остротой привлекает неослабное внимание читателей.

В партийных документах последних лет, в партийной и литературной прессе все громче звучит призыв к писателям создавать созвучных времени героев, вкладывая в их образы больше силы и убедительности. Интересы широких читательских масс также направлены сюда. На страницах советской прессы совсем недавно развернулись оживленные дискуссии по поводу положительного героя. Это должно найти свое практическое воплощение и в нашей литературе. Не только отдельные произведения, но вся литература должна быть проникнута глубоким интересом к современнику, строителю коммунизма, к существенным и важным вопросам его жизни.

В этом аспекте нам тоже следует всесторонне изучать опыт нашей литературы, ее достижения и неудачи. Мы должны с искренней заинтересованностью широко обсудить все это. Начать такой разговор должна литературная критика, причем так, чтобы в него активно включились и мастера художественного слова, и читатели.

Вообще критике подобает большая активность. Следует проводить дискуссии не только по поводу положительного героя, но и по другим кардинальным вопросам социалистического реализма, необходим оживленный обмен мнениями. Правда, в литературной критике наметилось некоторое ожив-

ление, но это можно счесть лишь началом выполнения той обширной программы, которая стоит перед критикой. Марксистско-ленинская критика является важнейшим средством и методом партийного влияния на художественное творчество. Это высокое доверие, которое нам надо оправдать. А для того, чтобы оправдать это доверие, нам нужна мобилизация всех наших сил. Критика должна снискать себе заслуженный авторитет, а добиться этого можно лишь с помощью правдивого, беспристрастного, квалифицированного анализа как положительных, так и отрицательных явлений.

Современная жизнь выдвигает множество сложных социальных, политических, философских и нравственных проблем. Развитие социалистического общества — не просто победоносное шествие, оно достигается жизнью, наполненной самоотверженным народным трудом, борьбой, а иногда и болью, и погружение в глубины этой жизни должно быть для писателей не только необходимым, но и чрезвычайно интересным. Когда писатель от поверхности жизни устремляется к ее глубинным течениям, значит он на верном пути, а если к этому присоединить пылающее сердце художника, глубокую заинтересованность и талант, победа почти гарантирована.

Поэтому мы с надеждой глядим в завтрашний день грузинской литературы.

Перевод Александра ЗЛАТКИНА

ПОЭТИЧЕСКИЙ голос Иорама Кемертелидзе задушевен и своеобразен. Нельзя сказать, что поэт верен традициям классического стиха, но он и не поклонник верлибра. Последний сборник его стихов «Оказывается...» (куда вошли как старые, так и новые стихи) включает произведения, написанные в манере свободного стиха. Чисто свободными их не назовешь, поскольку они отличаются точной и богатой рифмой, являющейся поистине прекраснейшим украшением поэзии И. Кемертелидзе.

Одним словом, стих Иорама Кемертелидзе — своеобразный симбиоз стиха свободного и классического, что, думается, обусловило легкость его поэтической манеры.

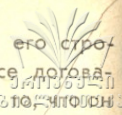
Разумеется, только своеобразии формы стиха само по себе ничего бы не значило, если бы в его поэзии не было глубины, масштабности, актуальности. Читателю близка поэзия И. Кемертелидзе. В его мечтах и чаяниях он легко угадывает, узнает свои надежды и мечты. В стихе И. Кемертелидзе опредмечены и как бы слиты воедино раздумья и переживания поэта и читателя.

Иорам Кемертелидзе пишет мало (во всяком случае редко публикуется), и каждый его

Реваз ЧХАРТИШВИЛИ

СОБСТВЕННЫЙ ГОЛОС

стих — плод глубоких раздумий и переживаний. Каждая его строка несет метафорическую, образную нагрузку. Он не все договаривает до конца, давая читателю возможность домыслить то, что поэт хочет сказать. Легкость поэтической манеры письма, о которой мы уже говорили и которая, на наш взгляд, является одним из достоинств его поэзии, компенсирует иной раз тяжеловесность фразы, туманность образа, искусственную усложненность изображаемого. (Ведь именно поэтов чаще всего обвиняют в сложности символично-метафорических образов, хотя этим порой грешат и сами критики). Иорам Кемертелидзе целиком полагается на вкус читателя, его фантазию. Он уверен, что читатель разгадает и поймет его метафоры и образы, постигнет суть его замысла.

В стихотворении «Камни и травы» дана обычная, на первый взгляд, заурядная картина: «У камня есть свой вкус и запах, порой запах холода, а порой жары. Порой под камнем растет трава, возле травы лежит грудa камней, и там же возле груды порой сидим мы...»¹ Но картина эта вдруг наполняется жизнью, когда ее касается рука поэта, обрастает многозначными деталями, получает философское обобщение. Хотя, по своему обычаю, поэт не расшифровывает до конца задуманное: «Вот если этот камень приложить к груди, он станет таким теплым, он станет таким мягким, таким беспомощным и нежным, что... как тебе сказать... Да будет так...» На мой взгляд, тут во всей полноте соблюдено то чувство меры, без которого любое слово, каким бы поэтическим оно ни было, воспринимается ненужным повторением сказанного, что, естественно, лишает поэзию особой, присущей только ей привлекательности.

Его поэтическая фраза иной раз бывает до предела сжата, лаконична и проста, что и придает в конечном итоге его поэзии легкость и изящество.

Стихотворение «В полночь» насыщено метафорами и призрачными образами: «Разбиваются об землю дождевые капли, какого горячего дождя капли!.. С такой большой самоотверженностью, с таким отчаянием, словно бы идет не простой дождь — во всеобщем сне бодрствует только небо, и, напуганное своим полным одиночеством, оно ищет человека, которому можно довериться».

В каждом произведении поэта, какой бы большой темы, важной проблемы оно ни касалось, четко проявляется оригинальный подход, собственный поэтический почерк. Так в стихотворении «Мечта» философски обобщена миссия поэта, его назначение в общественной жизни, в возрождении духовной культуры, в соз-

---

¹ Здесь и далее стихи даны в подстрочном переводе.

дании собственного поэтического мира: «Если бы я своими кам-
нями возвел крепость, если бы я испил воды из Хекордзулы,
то черт со мной, я мог бы и умереть».

Стихотворение «Без названия» пронизано любовью к родине: «Оказывается, я жаждал, жаждал тебя, оказывается, ты здесь — а я тоскую по тебе! Что я — твоя земля, плоть от плоти твоей, я — твой колышек, и твоя лоза, как дрожь, обвивает меня... Каждый твой день я вспоминаю с дрожью и трепетом... О, какое ты горе, какая ты боль... Все время, все время я тебя желал... Я — твоя маленькая могила, твоя маленькая зеленая поляна». Как видим, своеобразие поэтической манеры Кемертелидзе обусловлено своеобразием отображения увиденного, новым подходом к традиционной теме, нетрадиционным воплощением ее («Твоя лоза, как дрожь, обвивает меня»).

Вольные, свободные поэтические строки, безоглядная фантазия рождает ту легкость, с которой читатель воспринимает кемертелидзевский стих. И возникает ощущение, будто с такой легкостью они и создавались. В стихах, в которых автор уводит нас в далекое историческое прошлое, сохранены те же простота и естественность форм, своеобразие выражения мысли и чувства: «Оказывается — стара наша азбука, стара земля картлийцев... Оказывается, боролись наши предки у Мцхета, Тмогви или у Арсиани... И, оказывается, (враги) не смогли разлучить нас с лозой, не смогли разлучить с плугом и арбой... Оказывается — (предки) на камнях высекали буквы, и опять оказывается, оказывается и оказывается... У маленькой девочки потерялась сережка, оказывается, у маленькой девочки, у маленькой дочки питахша. Искала долго, и не нашла, оказывается, сережку маленькая девочка, маленькая девочка, маленькая дочка питахша...» Этот отрывок мы привели не только как пример гармонии, пример соответствия идейного содержания художественной форме в кемертелидзевской поэзии, но и как образец гражданской и художественной позиции автора в изображении исторической темы. Не столь уж значительные на первый взгляд явления обретают у него лирико-философское осмысление и получают своеобразное художественное обобщение: «Пройдет время и... через тысячу с лишним лет какой-то юноша найдет ее (сережку) в недрах земли. Как бы (ты) обрадовал, о, как обрадовал красивую девочку, но что (нам) делать, что делать с прошлым!.. Кто утешит плачущую маленькую девочку, маленькую девочку — маленькую дочь питахша». И тут далекое прошлое предстает перед нами в интимном свете, как бы становится ближе нам, и за этой интимностью — острее боль — бесконечные войны, борьба, которую вели наши предки против орд захватчи-

ков, за лозу, за плуг, за арбу... С неукротимым жизнелюбием создавали свою историю, высекали на камне буквы...

Для Иорама Кемертелидзе вовсе не случайно приближение к исторической теме, ее отображение с позиций действительности. В стихах этого рода («У могилы Строителя», «Давид», «Джурджа», «Опять Джурджа» и др.) во всей полноте проявились поиски автором героического в историческом прошлом, художественного осмысления и обобщения его. Именно героическое прошлое питает сегодняшнюю действительность, пронизывает перспективы будущего, наполняет гордостью сердце каждого грузина: «(Я) полон грузинской землей, (со мной) грузинской земли благодать. Точно знаю, знаю и знаю — Грузия и завтра будет зваться Грузией». Пережитые ею бури и тысячи невзгод не сломили ее духа, и это говорит о том, что она вечна: «Пройдет еще столько же лет, и грузин будет зваться грузином — а кто не верит, то очень ошибается — я знаю, и вот вам моя рука!»

Нравственная сторона взаимоотношений интересует поэта не только в историческом плане, он с напряженным вниманием и интересом приглядывается к взаимоотношениям своих современников, ищет в них сочувствия к чужой боли, к чужим горестям, поскольку сострадание и готовность помочь — залог преодоления несчастий и бед. Именно в трудные минуты ярче всего проявляется богатая натура человека.

Умер парикмахер, и его друзья покрыли черной тканью его кресло в парикмахерской («В парикмахерской»). Как обычно, сюда приходят клиенты покойного, чтоб побриться. Но, узнав о кончине мастера, уходят небритыми. Поэт тонко подчеркивает чувство сопереживания, которое столь необходимо нам, пока мы живы, и нашим близким, когда нас уже не будет.

Это стихотворение, как и некоторые другие («Азарт», «У телефона», «Диалог двух о третьем», «В безлунную ночь» и т. д.), написано в форме диалога. Но диалог вовсе не самоцель в стихе И. Кемертелидзе, это лишь форма, придающая ему индивидуальность, возможность лаконично и четко выразить содержание, идею произведения. В форме диалога построено и стихотворение «Братья». И за дружеской перепалкой братьев, занятых мойкой кевври или игрой в шахматы, встает идиллическая картина детства, которое они вспоминают за стаканчиком вина у гудящего камина: «К камину ставим кувшинчик вина, согреваемся и потихонечку пьем... И сгораем до времени я и Тамаз, братья».

Форма диалога использована и в стихотворениях «Новелла лунного цвета» и «Вечерний базар», содержание и характер которых автором решены в жанре новеллы. Новеллой называет ав-

тор и стихотворения «Супруге» и «Настоящая история». Определенная фабула и повествовательная интонация этих произведений, несомненно, приближают их к жанру новеллы, облечение же стихотворную форму, естественно, нужно отнести за счет проявления поэтической индивидуальности автора.

Оригинально осмыслена в стихотворении «Мироздание» суть человеческого бытия. В нем зримо противопоставляются настоящее и будущее, раздумья человека, когда он оценивает себя и свое бытие на земле, когда переживает свою ненужность даже близким, переданы в пластических картинах: «Никто меня не помнит и никого (я) не помню, никто меня не ревнует, и меня не сдает ревность, хожу сгорбившись... Все успокоилось, и угасло все, и исчезло: клевета, проклятия, сомнения, зависть, обиды... обиды... Ничто меня уже не радует, и ничто меня не печалит, совсем, совсем от всего оторван, старый, и близкие и посторонние стыдятся меня — совсем он, мол, поглупел!.. Горько, мол, нам!.. И знакомым и незнакомым, все на меня указывают пальцем...»

Эти строки не могут оставить читателя равнодушным, он сочувствует герою стихотворения — время его прошло. А идея произведения такова — пока ты что-то можешь, пока время в твоих руках, а не ты в руках у времени, пока есть силы, ты должен с честью выполнить свой гражданский и человеческий долг: «Эгей, душа, несчастная, терпи, душа, пока ты еще можешь влачить свое существование, пока теплится еще в тебе жаркая печь, пока еще на что-то способна, пока позволяет здоровье, не то...»

Философское осмысление человеческого бытия, можно сказать, — основной мотив лирики И. Кемертелидзе. На эту тему написаны стихотворения «Биография», «Беседа с сыном», «На имеретинской дороге, или два стихотворения Элгудже Маградзе», «Со всем другим, когда целует бабушка», «Раньше всех просыпаются утром птицы», «Гость», «Татиа», «Есть на свете люди» и др. Все они решены разнопланово, но тема у них одна — морально-этическая сторона человеческого бытия, сознательные и подсознательные процессы сегодняшней действительности, личность человека и его роль в обществе, его взаимосвязи с окружающим, с развитием жизненных процессов. В них проявляются своеобразное постижение и восприятие реалий, их глубокое осмысление.

В поэзии И. Кемертелидзе большое место занимает стих, как художественная тема. Поэт порой серьезно и убедительно рассуждает о роли стиха, о его значении в жизни людей, порой иронизирует над горе-поэтами, а порой с гневом обрушивается на тех, кто взялся за перо для того, чтоб заработать на жизнь: «Тот родился для того, чтоб писать стихи! А этот для того, чтоб заработать на жизнь!.. И у обоих в груди одинаково стучало сердце — самый сильный двигатель...»

С легкой иронией говорит поэт о горе-критиках: «Критик составил список... Немного сделал усилий над собой: пересчитал и опять пересчитал, точил, точил и так резал и кромсал, как буфетчик сало...» С этой точки зрения знаменательно стихотворение «Аукцион». Пронизанное юмором, оно — резкое обличение поэтов, которые преподносят читателям серые, невыразительные стихи, «в девятый раз продают одно и то же стихотворение».

Теперь легко можно объяснить и то, почему так мало пишет (а может быть, просто редко публикуется) Иорам Кемертелидзе. Не знаю, как другие, я думаю, что это завидное свойство. Завидное, когда мало публикуешь, но полностью высказываешься, когда глубоко познаешь жизненные явления и убедительно отображаешь их, когда тебе покорно слово, когда идешь в ногу со всей грузинской поэзией по широкой дороге, на которой остаются твои собственные четкие следы.

БЕЛЛЕТРИЗОВАННАЯ
повесть Дэви Стуруа
«Судьба», передающая «эпизоды жизни Николоза Бараташвили», озаглавлена просто и одновременно на редкость точно и емко. Пожалуй, никаким другим понятием не передать драматического смысла не только творчества создателя «Судьбы Грузии» и «Мерани», но и реальность недолговечной жизни его, двадцатилетним, молодым человеком переступившим грань бытия и начавшим своё восхождение к вершинам бессмертия.

Это о точности повествовательного камертона. А теперь о благородной авторской характеристике формы и жанровой заявке повествования. Определение «беллетризованная повесть» дано в авторском предисловии к книге. Не роман, не повесть, а именно так, что с редкой деликатностью и тактом предвосхищает разнообразие письма, продиктованное высоким предметом и сложнейшей задачей, когда автор старается гармонично сочетать раздумья и «мысли вслух», свойственные литературному эссе и даже очерку с истинно живыми образами и картинами, доступными уже строго прозаическому живописанию и пластике. А тут приходит на

Георгий
МАРГВЕЛАШВИЛИ

КНИГА
О СУДЬБЕ
ВЕЛИКОГО
ПОЭТА

подмогу и сам подзаголовок — «Эпизоды из жизни Николаза Бараташвили», что с порога же подразумевает неискренность самого биографического материала, подлежащего беллетризации, наличие своего рода «светового луча», выхватывающего из этого потока жизни лишь некоторые, хотя и важнейшие, его участки.

Вызывает глубокое уважение доскональное знакомство с сохранившимся, дошедшим до нас фактическим — биографическим, мемуарным, эпистолярным и иным — материалом, связанным с жизнью и творчеством Бараташвили. Это не только чувствуется в книге, но является ее структурным фундаментом, незыблемой основой. Далее, сам автор в кратком предисловии с благодарностью перечисляет имена тех историков и литературоведов, на исследования которых он опирался, приступая к своей работе. Особую благодарность приносит автор «светлой памяти нашего незабвенного поэта Георгия Леонидзе, труды которого и особенно беседы о Николозе Бараташвили, о его творчестве и личности вдохновили автора взяться за написание книги».

Как нетрудно догадаться читателю, чрезвычайно важным, даже в известном смысле решающим был для данной русской версии беллетризованной повести о Бараташвили выбор переводов стихов великого грузинского поэта, ибо они не только лейтмотивом пронизывают повесть, но и часто являются кульминацией драматических эпизодов, передающих состояние души и напряженный ход мыслей поэта — квинтэссенцией его судьбы и судьбы его родины, выступающих здесь в неразлучном двуединстве. И тут тоже выбор точен и безошибочен, и основан не только на безупречном вкусе, но и на постигнутом уже творческом и биографическом материале, на показаниях и свидетельствах все той же Судьбы. Тут как бы сама эта Судьба выбрала переводчика — через автора книги. Поистине как у Тициана Табидзе: «Не я пишу стихи, они как повесть пишут меня, и жизни ход сопровождает их». В предисловии этот выбор сформулирован так: «Стихи Николоза Бараташвили, приведенные в книге, даны в переводах Бориса Пастернака. Автор считает, что они наиболее близки к оригиналу, совершенней, чем другие переводы, и лучше передают суть и дух поэзии Николоза Бараташвили».

Я задерживаюсь на этом важнейшем обстоятельстве, ибо оно выходит за рамки узко понятой проблемы поэтического перевода. Один из лучших знатоков творчества и художественных принципов Бориса Пастернака, Дэви Георгиевич Стуруа от-

лично был осведомлен о том пастернаковском подходе к поэзии Бараташвили, о котором писал еще Симон Чиковани в своих воспоминаниях о поэте: «Пастернак обратил особое внимание на среду, в которой жил Бараташвили и духовные устремления которой в значительной мере отражал (сюда входили также литературные интересы и пристрастия этой среды). Нам известно, что Бараташвили прекрасно знал поэзию Пушкина и Лермонтова (это видно хотя бы из его переписки, не говоря о косвенных показаниях творчества)... Приступая к переводу и осуществляя его, Пастернак обратил особое внимание именно на эту среду и на бытовую, житейскую стихию, проникшую в поэзию Бараташвили и обобщенную в ней. Здесь переводчику в высшей степени послужил опорой пушкинский реализм поэтического рисунка, родственный бараташвилевскому. Пастернак со всей тщательностью выявил и закрепил в своем переводе биографические детали, малейшие следы прожитого и пережитого, сохранив тем самым для читателя главное — образ и облик лирического героя поэзии Бараташвили, его духовную и внешнюю «среду». Пастернак не пошел и по линии чрезмерной литературной романтизации, черпая романтический элемент в свойствах и особенностях все той же реальной «среды». Он и поэтический интеллектуализм Бараташвили вывел из сферы взаимодействия и противостояния поэта и «среды». С удивительной экспрессией и полнокровной образностью оказались переданными в переводах Пастернака все духовные устремления поэта, его политическая среда, его историзм и культурно-эстетический кругозор».

Я сознательно не ограничивал себя, делая эту обширную выписку, ибо смысл ее, по моему глубокому убеждению, соотносится и с данной беллетризованной повестью о жизни, о творчестве, о судьбе Бараташвили. Перевод? А ведь что такое «беллетризация», как не тот же перевод образов жизни и творчества поэта на иной язык, на язык искусства повествования? А принципы, легшие в основу этих двух переводов, явно родственны. Я перечитывал тираду Симона Чиковани и ловил себя на мысли, что все это может быть по праву соотнесено и с только что прочитанной мною книгой, с пережитой и осмысленной в ней судьбой. Да, в этой прекрасной книге воскрешены именно «среда, бытовая, житейская стихия, проникшая в поэзию Бараташвили и обобщенная в ней». Более того, к смыслу и содержанию книги вполне приложимы и слова самого Бориса Пастернака: «Лирику Бараташвили отличают ноты пессимизма, мотивы одиночества, настроения мировой скорби.

Однако не в этом мы видим его главную творческую сущность. Для него гораздо важнее то, что эти романтические мотивы и настроения входят в вещественные соединения с элементами реальной жизни и повседневности, что на этом творчестве лежит печать неповторимости и за его отвлеченными значениями вырисовываются особенности времени, исторический фон, сцены биографии».

Черты реальной жизни и повседневности, проступающие в стихах, — разве это не сжатая характеристика того «беллетризованного повествования», с которым мы познакомились, безотрывно и с напряженным интересом впитывая эти страницы? И тут мне опять подвернулась под руки цитата, хотя это можно было бы передать и своими словами, но высказывание на этот раз тихоновское — в дни бараташвилиевского юбилея в 1968 году: «Когда хочется представить себе жизнь поэта, воображение должно оживить картины той действительности, что окружала его, обстоятельства, влиявшие на развитие его характера, подробности его семейного уклада, особенности его службы, характеры его друзей и недоброжелателей. Сегодня материала в этой области более чем достаточно».

Насколько достаточно этого материала — вопрос иной, но все, что было доступно автору, использовано с большой отдачей, и задача, представившаяся воображению Николая Тихонова, воплощена с истинным тактом, живостью и разнообразием. Здесь и семейное окружение будущего поэта в детстве, с благородно очерченными образами и отца Мелитона, и матери Ефимии, и бабушки Хорешан — любимой внучки Ираклия II, с ее рассказами о великом деде, и няни Майи — вдовы горийского садовода, сыгравшей не последнюю роль в воспитании народолюбия или, говоря современным языком, демократизма в душе впечатлительного и склонного к добру и справедливости мальчика. Ничего не завуалировано и в сложном, неоднозначном образе Мелитона Бараташвили, со всеми оттенками света и тени в его натуре. Отлично показаны и гимназические годы юного поэта, круг его товарищей и учителей, а среди последних возвышается ярко и четко высвеченная фигура Соломона Додашвили, в скором времени одного из вождей и идеологов левого, республиканского крыла знаменитого заговора 1832 года, который в повести справедливо подан в точках соприкосновения и с декабристским движением, и с польским восстанием 1830 года. А среди однокашников и старых товарищей Николоза мы видим фигуры Луки Исарлишвили, Левана Меликишвили, Михаила Туманишвили, Котэ Мамацашвили,

Петрэ Багратиони, Георгия Эристави, Давида Мачабели... И круг родни, и круг друзей, или же, напротив, недоброжелателей и даже врагов, среда сослуживцев — начальства и подчиненных, черед представителей простого народа — тифлисский ли певец это Сатара или жители Нахичевани и Гянджи — этот круг постепенно расширяется, но и приближается к нам благодаря наведенному на него «объективу». Я уже не говорю о таких, воочию или заочно представленных, важнейших и в жизни поэта и самих по себе фигурах, как Александр Чавчавадзе и Григол Орбелиани, Екатерина и Нино Чавчавадзе, Илья и Мамука Орбелиани, Платон и Игнатий Иоселиани, Маико Орбелиани и Манана Эристави — все эти в разной мере выдающиеся личности живо предстают перед нами то в развернутых, то в скупых эпизодах, то в цепи сложнейших звеньев повествования. В соответствующих эпизодах выделяются силуэты Николая I, Воронцова и чиновной знати. И тут всюду важнейшую роль играет с чувством меры, но всегда к месту привлеченный эпистолярный материал, а живые сцены с участием всех этих действующих лиц воссозданы большей частью на основе сохранившихся мемуарных свидетельств, с непринужденным и органичным включением в диалоги их подлинных реплик и высказываний, зафиксированных в тех или иных воспоминаниях или переписке современников. Больше простора для авторской фантазии дали такие романтические, или, скажем прямо, романические эпизоды, как сцены встреч и свиданий Николоза с прелестницей Дельфиной Лаббель — дочерью цхнетской кондитерши, нарисованные с «акварельной» легкостью, и гораздо более серьезные и драматизированные отношения с Гонча-Бегум — ханской дочерью из Нахичевани, совсем еще девочкой выданной насильно за нелюбимого царского офицера Орлова. Но если мера домысла в последней сцене интимной близости Николоза и Бегум мне представляется несколько превышенной, то не могу умолчать о более категорическом неприятии мною выхода автора за рамки достоверных фактов в эпизоде посещения Николозом Бараташвили и царицей Мегрелии Екатериной Чавчавадзе Алавердского храмового праздника. Здесь явно не стоило доводить дела до объятий и поцелуев. Надеюсь, никто не заподозрит меня в ханжеском благонаравии. Но на любом этапе сложнейших и драматически напряженных взаимоотношений этих двух людей все строилось на совершенно иных началах. Главное подтверждение этому — все стихи, посвященные поэтом Екатерине и приведенные в этой книге. А это, по-видимому, тот редкий случай, когда автор изменил

своему же принципу беллетризации и даже им самим в предисловии к книге провозглашенному кредо: «Все, что совершается в настоящей книге, основано на фактическом материале, но интерпретация этого материала — воля автора». Та мера интерпретации, с которой мы встретились в случае с Дельфиной или даже с Гонча-Бегум, в той или иной степени допустима, ибо речь идет хоть и о вполне реальных, но вряд ли способных «призвать» нас «к ответу» персонажах. А вот Екатерина Чавчавадзе — дело иное; и не только потому, что она царственная персона, а потому, что «к ответу» нас может призвать уже не только она, но и сам Николоз Бараташвили. И раз уж мы подошли вплотную к чавчавадзевскому семейству, то выскажу сомнение и в оправданности тех нот ревности и молодому поэту, которые звучат порою в повести при обрисовке образа Александра Чавчавадзе (Например: «Александр так и не смог признаться себе, что этот мальчик далеко ушагал и от него, и от Григола»). Примерно то же можно сказать и о «ревности» Григола Орбелиани («Только после смерти племянника впервые признал в душе стареющий Григол, что Тато в стихах обошел и его, и Александра»). И вообще нужны ли эти нотки в повести? В чем их целесообразность и назначение? Мне лично ответ на это неясен. И если уж говорить до конца, то образ Александра Чавчавадзе показался мне в повести высвеченным менее ярко, чем он того заслуживает, и несколько бледнее других ее полнокровных персонажей. Зато интересны и даже убедительны мотивы, по которым, как это намеком дано в повести, не внял Григол Орбелиани просьбам любимого своего племянника Николоза выволить его из провинциальной глуши и забрать к себе в бурлящий Дагестан. Тут в раздумья поэта вложен и такой внутренний монолог: «...Не потому ли постепенно гложет звонкая лира Григола Орбелиани, что выше и выше восходит его звезда военачальника и вельможи? Смог бы офицер русской армии Баратов написать «Судьбу Грузии», «Могилу царя Ираклия», «Гиацинта и странника»? А может, Григол умышленно не отзывается на мои просьбы, чтобы спасти в своем племяннике поэта и сына отчизны? Кто знает?» Как видим, и сам автор здесь не категоричен, но уже постановка вопроса мудра и оправдана и, как мне кажется, весьма убедительна.

И раз уж мы подошли к грани глобальных социально-исторических проблем, связанных с гражданско-патриотической позицией и творчеством Николоза Бараташвили, то подчеркнем одно из самых больших достоинств книги «Судьба» —

принципиальное неприятие формально-логической категоричности там, где историческая или современная «почва и судьба» глубже, многослойнее, противоречивее, чем эта пресловутая логика. Таково восприятие и раскрытие в книге «эпицентра» поэмы «Судьба Грузии». Уже в предисловии к повести предупреждает нас автор, говоря об отношении самого поэта к проблеме связей Грузии с Россией: «Казалось, что опиравшаяся на глубокий исторический анализ диалектическая установка поэта (подчеркнуто мной — Г. М.) по данной сложной проблеме впоследствии, даже в наши дни, некоторыми историками и литераторами была интерпретирована с перегибами то в одну, то в другую сторону. Схоластические дискуссии о том, точку зрения кого из своих героев разделяет автор гениальной поэмы «Судьба Грузии» — Ираклия, Соломона или Софьи, еще более отдалили от позиции самого Н. Бараташвили, который подошел к решению поэмы глобально, масштабно, вобрав в свою концепцию все общественно-политические и нравственные грани этого поворотного этапа в жизни грузинского народа». И далее, в развитие этой мысли: «Перед нами во всем величии предстала фигура этого гиганта, осветившего своим гением путь, по которому пошли Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Яков Гогешвили, Нико Николадзе и другие славные грузинские шестидесятники — предшественники революционной социал-демократии в Грузии. Николоз Бараташвили по существу вывел сложнейшую формулу сути национально-освободительной борьбы грузинского народа...»

Обращаясь же собственно к страницам повести, мы не можем не выразить своей признательности автору именно диалектическую постановку проблемы, включающей в себя такие, лишь на первый, поверхностный взгляд взаимоисключающие явления, как решение, принятое Ираклием, оппозиция этому решению со стороны Соломона, позиция Софьи и далее — наперед — пафос заговора 1832 года, особенно его республиканского крыла, и те «маршруты духа», которые проложены поэтом — в соотнесенности с Грузией — как бы в предвосхищение формулы о декабристах, разбудивших Герцена. Я и здесь прибегну к обширной выдержке из повести, настолько велико ее принципиальное, «ключевое» значение. Это тоже один из внутренних монологов поэта: «Николоз вновь вспомнил героев 1832 года. Пусть их планы и устремления были обречены на провал..., все равно родина их не забудет, ибо они первыми поднялись на борьбу, и нанесенный ими удар все же был ударом; набатным гулом отозвался он в сердцах нашего поколе-

ния, и мы подхватили выпавшее из их рук знамя. Додавши
раз и навсегда растревожил летаргический сон повергнутой
Грузии, и мы вырвались из ледяных тисков смертельной спяч
ки...»

И наконец, авторское «отступление» в рассказе о работе поэта над «стержневым эпизодом поэмы» — диалогом между Ираклием и Соломоном: «Николоз поставил перед собой сложнейшую гражданскую и творческую задачу — с одинаковой силой показать правоту и непререкаемость обеих позиций — и Ираклия, который не видит иного выхода для Грузии, как в соединении с Россией, и Соломона, который утверждает, что растворение в самодержавной империи сулит грузинам потерю независимости. Доводы обоих деятелей должны быть одинаково сильны и убедительны. Тогда и только тогда — заключает автор книги — читатель сделает правильный вывод — не с империей Романовых, а с Россией, борющейся против самодержавия. С Россией декабристов, Рылеева, Грибоедова и Пушкина должна связать Грузия свою судьбу. Читатель не должен задавать вопроса: кто прав, Ираклий или Соломон. Он должен задуматься...»

Такова высшая диалектика Истории, а не благих намерений и заключений схоластов, спорящих о диалоге Ираклия и Соломона в гениальной поэме Николоза Бараташвили, диалектика, на редкость верно, глубоко, уважительно и, я бы сказал, с чувством деликатного историзма истолкованная автором повести «Судьба». Конечно, он не одинок в таком толковании. Мы знаем и других прозорливых исследователей, постигших суть вопроса. Я могу здесь хоть наугад привести слова даже не узкого специалиста, а литературного критика с широким диапазоном мышления — нашего Бесо Жгенти: «На чьей же стороне поэт? Кого поддерживает он в этом остром споре — царя или канцлера? И того, и другого! В этом-то и заключается весьма оригинальное, своеобразное художественное решение темы». Однако в повести явно углублен вопрос — в данном случае решающий — именно о диалектическом характере и этого спора-диалога, и позиции поэта, и самой исторической цепи, и перспективы ее развития.

И еще одна немаловажная во всем этом контексте деталь: Игнатий Иоселиани — приближенный деятель Ираклия II, в лице которого как бы тянется своеобразная нить от Соломона к заговору 1832 года, участником которого он был, — в своих доверительных беседах с правнуком Ираклия — юным Николозом — показал ему послание последнего грузин-

ского царя Георгия XII императору Павлу I. Ведь послание это и внесло тот решающий корректив в условия Георгиевского трактата, который дал повод к акции 1801 года, превратившей взятое под покровительство империи царство в ее колонию в одну из ее губерний, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И Николоз — вслед за Игнатием — прекрасно понимает, что независимо от того, сыскался бы иной повод для подобной акции или нет, лишь двуединая мудрость Ираклия и Соломона могла открыть Грузии истинный путь к будущему, каким бы тернистым ни был этот путь. Не об этом ли говорилось, кстати, и в «Мерани» — в лирико-философском инобытии «Судьбы Грузии»? А строки, строфы, весь поэтический порыв «Мерани» пронизывают всю книгу, объединяя в первую очередь не только различные эпизоды из жизни поэта, но и такие его творения, как «Судьба Грузии», «Могила царя Ираклия», «Гиацинт и странник»...

Но именно здесь, раз мы заговорили о верно понятой и истолкованной в книге историко-философской и нравственно-гражданской позиции поэта, следует сказать об одном-единственном случае отступления автора от этой своей установки. Речь идет о беседе Николоза с Платоном Иоселиани, где соотносятся цель и средства тех или иных исторических деяний в разных странах и в разные эпохи, о критериях и о мере ответственности государственных деятелей. То, что здесь по воле автора говорит Николоз Бараташвили о неприменимости «обычных человеческих критериев» и даже «понятий добра-зла» к выдвинутым на авансцену истории личностям — Наполеон это или Георгий Саакадзе — да кто угодно! — никак не вяжется с истинной позицией поэта. И не следует ему приписывать концепцию, согласно которой одно выдающееся событие, связанное в силу разных причин с именем данного деятеля, решает «судьбу» этого деятеля, т. е. его объективную оценку на суде Истории, а «все остальное — досужие сплетни мелких людишек» или даже «салонных сплетников». История судит своих действующих лиц и строже, и объективнее, и не столь однозначно. Кстати, что касается, к примеру, фигуры Наполеона, то в этой же повести, чуть позже, мы находим пассаж, где в противовес изложенному автор вкладывает в думы поэта неизмеримо более точную, а главное гуманную, достойную создателя «Судьбы Грузии», «Раздумий на берегу Куры», «Мерани», «Гиацинта и странника» мысль «про себя» (было это на вечере в Цинандали, в гостях у Александра Чавчавадзе): «Александр Гарсеванович рассказывал что-то о

своем участии в походах против Наполеона, и Николѳ Мысленно удивлялся, как мог он четыре года назад написать стихи, посвященные упоенному самовластием корсиканцу «Есть один непобедимый полководец в мире — это любовь», — и ду- мал Бараташвили». Конечно, любовь здесь понята в самом широком смысле этой универсальной идеи, включающей в себя и патриотизм, и социальную справедливость, и человеколюбие, и подвижничество во имя этих идеалов. Недаром чуть ли не час спустя — уже в телавском дворце — перед внутренним взором Николоза возник образ Ираклия, о котором автор уже не мог бы сказать, как это было в беседе с Платоном Иоселиани, что его «судьбой был Георгиевск, а не сотни данных им сражений». Здесь автор скорее мог бы сказать, как он сказал это всей своей книгой, что без этих «сотен данных им сражений» не было бы и самого «Георгиевска» и что сражения, кстати, не столько «данные», сколько «принятые» Ираклием, были одухотворены идеей, страстью и даже, если хотите, инстинктом добра, а не зла. А отмахиваться от вопроса, какие побуждения направляют волю того или иного деятеля — «идол самовластия или интересы родины» — это не пристало Николозу Бараташвили; и столь глубоко раскрытая автором повести диалектика диалога царя и его канцлера в «Судьбе Грузии» — лишнее тому подтверждение.

Это то, что бесспорно (с нашей, разумеется, точки зрения). Что же касается кое-каких более или менее спорных вопросов, то, не вдаваясь в подробности, просто укажу на авторскую версию вынужденного, предписанного якобы ему согласия Николоза отказаться от назначения в Телави и определиться на службу в Гяндже. Мы привыкли доверять утвердившейся в науке версии о добровольном согласии поэта в ответ на предложение Мамуки Орбелиани. Далее, причина задержки в плену Ильи Орбелиани Шамилем также истолкована автором иначе, чем об этом говорят фактические данные (письма и т. д.). Из письма самого Бараташвили явствует, что Илья задержан, ибо своим мужественным ответом Шамилю породил надежду, что его могут обменять на плененного русскими сына имама.

Иногда некоторые недостатки повести являются своего рода продолжением ее достоинств — скажем, когда в «голосе» Бараташвили слишком явно сквозят интонации автора или же нарушается мера публицистичности, столь удачно определенная самим автором для себя. К примеру, если даже поэт мог говорить о царских сановниках как об убийцах Рылеева и Пуш-

кина, то он никак уже не мог включить в этот список также и Грибоедова. Мы имеем в виду даже не сам факт убийства Грибоедова в Тегеране, а самый общий социально-исторический смысл этого факта, доступный нашим современникам, а не современникам Грибоедова и Пушкина.

Не буду задерживаться на мелких стилистических погрешностях текста, хотя их легко можно было бы избежать. Скажу лишь, что обязательна была дословно точная цитация писем Бараташвили, написанных им по-русски. Это условие порою не соблюдено.

Однако спорность некоторых решений не умаляет, разумеется, достоинств этой в известном смысле этапной книги. Ибо до сих пор тема бараташвилиевской судьбы в грузинской прозе — в отличие от поэзии или даже драматургии — была подхвачена весьма робко и, так сказать, «урывками». Я припоминаю — на слух — лишь прекрасные страницы многопланового романа-хроники Серги Чилая «Екатерина Чавчавадзе», рассказ замечательного прозаика (а не только выдающегося ученого) Акакия Гацерелия «В Гяндже», отдельные страницы в романе о Григоле Орбелиани Элгуджи Маградзе, новеллу Акакия Белиашвили «Прощание», рассказ Ладо Авалиани «Поэт-странник», ну, может быть, еще что-то — раз-два и обчелся. Повесть же Дэви Стура охватывает (выхватывает!) важнейшие эпизоды из жизни поэта, освещает почву поэтической и человеческой судьбы великого сына Грузии, не обременяя читателя литературоведческим анализом. — это не входило в задачу автора; он точно и с большим тактом показывает нам связь того или иного поэтического создания с этой почвой и судьбой, воскрешая перед нами живую картину эпохи и яркие образы людей этой эпохи во главе с Николозом Бараташвили. А это ли не достижение и успех, с чем можно поздравить и автора, и нас, читателей.

Иосиф МЕГРЕЛИДЗЕ

УЧЕНЫЙ- ПАТРИОТ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ОДИН из крупнейших грузинских ученых и выдающихся общественных деятелей Эквтиме Семенович Такайшвили родился 5 января (ст. стиль) 1863 года в гурийском селе Лихаури Озургетского уезда (ныне Махарадзевский район Грузинской ССР).

Учился он в Озургетском уездном училище, а затем в Кутаисской классической гимназии.

С отличием окончив гимназию, в 1883 г. Э. Такайшвили поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет и в 1887 г. получил диплом, в котором сказано, что Э. С. Такайшвили за проявленные познания и диссертацию «признан достойным ученой степени кандидата».

Возвратившись в Грузию, Э. Такайшвили с 1887 по 1917 гг. занимался преподавательской деятельностью—вел историю, географию, латинский и греческий языки в тбилисских гимназиях, читал лекции по истории и археологии.

Помимо всего, кроме основной педагогической деятельности, Э. Такайшвили вел огромную работу по охране, собиранию, выявлению, публикации и изучению памятников грузинской культуры.

Неукротимое стремление к знаниям, талант, чувство долга способствовали тому, что все начинания Такайшвили обычно завершались успехом.

Еще будучи гимназистом, Э. Такайшвили вынужден был зарабатывать на жизнь репетиторством. В дальнейшем на свои средства и средства им же основанных обществ, на пожертвования частных лиц он объездил всю Грузию, разыскал, спас от гибели и исследовал множество документов и памятников исторического значения, собрал большой материал по устному народному творчеству.

Э. Такайшвили — историк, археолог, эпитафист, нумизмат, этнограф — был и видным филологом, он описывал и изучал рукописи, исследовал вопросы грузинской литературы, руствелологии, грузинской фольклористики, лингвистики.

В 1888 г. Э. Такайшвили был избран членом правления основанного в 1879 г. Общества по распространению грамотности среди грузин.

В 1890 году Э. Такайшвили опубликовал «Источники грузинских летописей. Три хроники» (на грузинском и русском языках) и доказал, что этот памятник является основным источником «Летописи Грузии». Публикация этой рукописи явилась крупным вкладом в грузинское историческое источниковедение.

В 1899 г. Д. Бакрадзе и Э. Такайшвили перевезли из мцхетского собора в Тбилиси 58 древних рукописей, 50 исторических грамот, таким образом положив начало Грузинскому церковному музею.

Молодой талантливый ученый привлек внимание обществу. В 1900 г. он организует неофициальный кружок по изучению грузинской истории и словесности, который издает в 1903 г. в Тбилиси поэму «Тимсаряни».

В 1902 г. Э. Такайшвили начинает издавать «Описание рукописей Общества по распространению грамотности среди грузин» (кн. I, ч. I). Когда Н. Я. Марр ознакомился с этим изданием, он воскликнул: «Какое это описание?! Это настоящее исследование». В 1907 г. Э. Такайшвили по представлению Н. Я. Марра был удостоен Большой золотой медали I степени Российской АН. Здесь же отметим, что в 1910 году за работу «Материалы по археологии Кавказа» Э. Такайшвили был награжден Большой золотой медалью Московского археологического общества.

Так Э. Такайшвили дважды отличился в двух основных отраслях грузиноведения — филологии и истории.

По инициативе Э. Такайшвили, при участии М. Вахидзе и Г. Туманишвили в 1907 г. в Тбилиси был создан народный университет, в котором читались лекции по истории и литературе кавказских народов. Первую лекцию о грузинском летоисчислении прочел Э. Такайшвили.

На базе кружка по изучению грузинской истории и словесности Э. Такайшвили создал в Тбилиси Грузинское общество истории и этнографии. Многие были против его создания, мотивируя это тем, что подобное общество уже существует, и к тому же не было средств для содержания двух однородных обществ! Но Э. Такайшвили настоял на своем и лично составил Устав нового общества.

В результате предприятие, начатое на ничтожные пожертвования — 68 руб. 40 коп. и 52 книги — на шестом году своего существования имело уже приличные средства, более 4000 томов печатных книг по грузиноведению и кавказоведению, более 1000 рукописей и свыше 7000 грамот, актов...

Были изданы четыре объемистых тома сборников «Древняя Грузия» и два тома «Грузинских древностей».

При обществе был создан музей, в котором за короткий срок была собрана богатейшая и разнородная коллекция грузинских древностей. «Кроме древних рукописей и документов, здесь были предметы из археологических раскопок, произведения древнего изобразительного искусства, эпиграфические материалы и, наконец, этнографические коллекции»¹, которые и ныне занимают видное место в Государственном музее Грузии среди значительного наследства бывшего Кавказского музея.

Общество это по существу было первой академической организацией, которая сплотила вокруг себя творческие силы, исследовала горы материала, большую часть которого опубликовала, заложила основы национального музея и научной библиотеки, спасла от гибели ряд бесценных памятников письменности и материальной культуры.

С 1917 г. по 1921 г. Э. Такайшвили был заместителем директора (пост директора занимал Н. Я. Марр) Кавказского историко-этнографического института Российской Акаде-

¹ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, с. 13.

мии наук в Тбилиси и фактически руководил этим институтом, так как директор его жил в Петрограде.

Э. Такайшвили был также председателем организационной комиссии (1918 г.) и одним из основателей Тбилисского государственного университета, он же — один из первых его профессоров — заведовал в университете кафедрой археологии.

За выдающиеся научные заслуги ученый совет Тбилисского государственного университета присвоил Э. Такайшвили степень доктора исторических наук (1918. V. 21).

В 1921 г. Э. Такайшвили выехал за границу в качестве хранителя грузинских музейных ценностей, вывезенных меньшевистским правительством. И он не только сохранил, но и приумножил их, причем тратил на их сохранение массу энергии и сил, вплоть до хождения по судам.

В списке изданных научных работ Э. Такайшвили около 250 названий, среди них — два десятка книг, которые представляют собой сборники, содержащие по несколько работ.

Начиная с 1946 г. Э. Такайшвили ведет огромную работу по изучению грузинских рукописей с эпиграфической стороны и дальнейшей разработке богатейшего личного архива. Свое рукописное наследие и архив Э. Такайшвили завещал Академии наук Грузинской ССР, куда эти фонды и поступили после его кончины. Дальнейшая разработка и обнародование этих фондов — одна из важнейших задач грузиноведения.

Глубокое знание исторических памятников, богатейший опыт прочтения и толкования труднейших памятников грузинской эпиграфики делают его работы точным и надежным справочником для многих областей грузиноведения, и в частности для истории литературной культуры и искусства Грузии.

Говоря об исследовательской, научно-организационной и педагогической деятельности Э. С. Такайшвили, необходимо особо остановиться и на его общественной деятельности национально-политического значения. Горячий патриот, он активно противодействовал политике царского самодержавия. Достаточно вспомнить факт, связанный с революционным движением 1905 года в Грузии. Для подавления народного восстания наместник царя послал войско под руководством генерала Алиханова. Депутация грузинских общественных деятелей во главе с И. Г. Чавчавадзе обратилась к правительству с просьбой не допускать нового кровопролития, и наместник дал приказ о возвращении войска.

Спустя месяц в Гурии начались волнения, было совершено нападение на экзекуционный отряд. Наместник вновь послал карательный отряд под командованием ^{генерала} Грязнова, которому был дан приказ начиная от села Натанеби до Озургети полностью, а далее выборочно сжечь дома виновных и арестовать зачинщиков.

На сей раз И. Чавчавадзе отказался возглавить новую депутацию, в состав которой входили городской голова А. Черкезишвили, Д. Сараджишвили, Вл. Микеладзе, епископ Георгий (Аладашвили), Ст. Чрелашвили, Э. С. Такайшвили и представитель дворянства Тифлисской губернии С. Орбелиани. Депутацию представлял перед наместником С. Орбелиани. Наместник отказал в просьбе, и никто из присутствующих не отважился ему возразить. Э. Такайшвили один нашел в себе мужество без разрешения обратиться к нему; он сказал: долг мудрого правителя состоит в том, чтобы по возможности мирным путем разрешать все конфликты, не прибегая к репрессиям.

Воронцов обещал подумать и закончил аудиенцию. «Через час, — вспоминал Э. Такайшвили, — нам сообщили, что Воронцов согласен на посылку депутации в Гурию. Илья (Чавчавадзе) удивился, сказав, что не ждал этого».

В 1921—1945 гг., как уже отмечалось, Э. С. Такайшвили жил во Франции. Жил в трудных экономических условиях, но и там продолжал служить Родине: вел научную работу, печатал труды на грузинском, французском, английском языках, создал Устав Грузинского академического союза, читал лекции, помогал студентам-соотечественникам и ученым, изучавшим историю грузинской культуры, и, что важнее всего, как зеницу ока берег те музейные сокровища, которые вывезло за границу меньшевистское правительство в феврале 1921 г. Им не раз грозила опасность быть проданными музеям других стран, но ученый-патриот зорко охранял национальные сокровища. «Вопрос нашего возвращения на Родину решила беспримерная победа Советского Союза во второй мировой войне», — скажет он позднее.

Прожив содержательную, славную жизнь, Э. Такайшвили скончался 21 февраля 1951 г.

РАЗЛИЧНЫМ аспектам творческого наследия Николая Семеновича Тихонова посвящено немало работ критиков и литературоведов — исследователей его творчества. Но одна сторона многогранной деятельности поэта на протяжении многих лет находилась как бы в тени. Речь идет о его редакторской работе. Нельзя сказать, что исследователи творческого наследия Тихонова вообще не касались этой темы, однако все они единодушно говорили о необходимости ее всестороннего глубокого изучения. В настоящей статье мы хотим остановиться на некоторых моментах его редакторской деятельности.

Как писатель и общественный деятель Тихонов многие годы пропагандировал грузинскую литературу, творчество грузинских писателей.

Впервые побывав в Грузии в 1924 году, Тихонов до конца своей жизни не расставался с ней: был частым ее гостем, поддерживал дружеские и творческие контакты со многими грузинскими писателями. «Я сам на себе испытал, — писал он, — то особое состояние радостного углуб-

Зураб ДАРСАВЕЛИДЗЕ

ЧАСТЬ БОЛЬШОЙ СУДЬБЫ

ления в жизнь страны, которая вошла в мое сердце. Я очень рад, что узнал Грузию...»¹

Н. Тихоновым написано немало произведений на грузинскую тему, переведено большое количество стихотворений грузинских поэтов, его перу принадлежит множество литературно-критических статей о грузинских поэтах и писателях. Все это — свидетельство разносторонности его таланта.

Сам Н. С. Тихонов по этому поводу отмечал: «Есть писатели, работающие только в одной области, пишущие только стихи, есть писатели, пишущие только прозу, и им никогда не приходило в голову писать стихи или работать в области драматургии, и они этого избегают, считая такую работу ущербом для себя, и есть род писателей — смешанный род, я включаю работающих над всеми разветвлениями материала. Сюда входят стихи, проза, статьи, сценарии, очерк, рецензия, драма. Это не является чем-нибудь необыкновенным. Такие писатели есть и сейчас, много их было и в истории классической литературы»².

Одной из составных частей его пропагандистской деятельности была серьезная редакторская работа над сборниками переводов грузинских поэтов на русский язык.

Тихонов знал и любил поэзию и поэтов Грузии, вместе с тем он хорошо знал грузинский народ, его историю. «Нельзя говорить о грузинской поэзии и нельзя понимать ее, если вы не знаете Грузии совершенно»³. Этим принципом Тихонов руководствовался на протяжении долгих лет литературной работы.

«Хороший редактор, — писал А. Борщаговский, — счастливо сочетает в себе три сложные роли: друга, судьи, советчика»⁴. Тихонов был одним из тех, с чьим именем связан путь «Витязя в тигровой шкуре» к русскому читателю. Большой почитатель бессмертной поэмы Шота Руставели, Тихонов еще в 1937 году в дни празднования юбилея поэмы написал большую статью «Поэт и мир». Впоследствии он вновь и вновь возвращался к поэме и посвятил ей немало восторженных строк.

¹ Тихонов Н. Избранное в 2 томах, т. I, Тбилиси, 1978 с. 293.

² Тихонов Н. С марсианской жаждою творить. М., 1979, с. 158.

³ Литературная Грузия, 1984, № 7.

⁴ Цитируется по книге «Слово о книге». М., 1984, с. 306.

В 1940 году, когда издательство «Художественная литература» готовило издание поэмы в переводе Ш. Нуцубидзе, Тихонов вместе с Сергеем Городецким работал над редактированием перевода поэмы. С. Кавтарадзе в то время в издательстве был заведующим сектором европейской и русской классики. Он редактировал перевод с точки зрения его верности оригиналу. Впоследствии, вспоминая редакторскую работу Тихонова над поэмой, он писал: «... В этой работе проявились характерные черты поэта. Внимательный советчик, он чутко подмечал фальшивую ноту, если она звучала в стихе»⁵.

* * *

Имя Тихонова было связано с жизнью и творчеством многих грузинских поэтов. Начало добрых и дружеских отношений с Галактионом Табидзе, длившихся на протяжении долгих лет, восходит к 20-м годам. «Я познакомился с ним, — писал Тихонов, — когда он был уже автором революционной поэмы «Джон Рид» и завершал издание основанного им еженедельного журнала «Журнал Галактиона Табидзе»⁶. Встречи двух поэтов были постоянными: «Я виделся с Галактионом то в зеленых просторах Грузии, на море или в горах, то в Тбилиси и Кутаиси, и каждый раз уносил глубокое впечатление от бесед с этим мудрецом, который как никто умел чеканить золотые строки удивительных произведений»⁷.

В 1937 году в издательстве «Советский писатель» под редакцией Тихонова вышел сборник стихов Галактиона Табидзе. Это был третий сборник гениального грузинского поэта на русском языке. Два предшествующих сборника вышли в свет в Тбилиси соответственно в 1933 и 1935 годах. Отношение Тихонова как редактора к творчеству Галактиона этим не ограничивается. В беседе с автором этих строк литературовед, поэт-переводчик, Игорь Стефанович Поступальский — многие годы поддерживавший тесные творческие и дружеские контакты с Тихоновым — рассказал, что во время его редакторской работы над объемным русским изданием произведений Галактиона Табидзе, выпущенным издательством «Художественная литература» в 1950 году, он часто

⁵ Кавтарадзе С. Внимательный советчик. — Вечерний Тбилиси, 1966, 2 декабря.

⁶ Табидзе Галактион. Лирика. Тбилиси. 1973.

⁷ Там же.

консультировался по различным вопросам с Тихоновым. По словам Поступальского, Тихонов сам «подсказал» издательству и Галактиону Табидзе в качестве организатора издания его, Поступальского, а сам предполагал написать предисловие, чего не сделал лишь по каким-то случайным обстоятельствам, хотя спустя много лет, в 1973 году, Тихонов осуществил свой замысел. Он с готовностью отозвался на предложение издательства «Мерани» написать предисловие к сборнику лирических стихотворений Галактиона Табидзе, которое назвал «Любовь народа».

* * *

Многое сделал Тихонов для того, чтобы русские переводы стихов Сандро Шаншиашвили были наполнены силой и лиричностью оригинала. Он перевел свыше тридцати стихотворений грузинского поэта. В сущности, целый сборник. Но здесь можно говорить о Тихонове и как о редакторе, о той работе, которую он на протяжении долгих лет вел в качестве редактора русских изданий сборников Сандро Шаншиашвили⁸. Насколько серьёзно Тихонов трудился как над первым (1948 год), так и над последующими изданиями произведений Сандро Шаншиашвили, можно судить по его письмам к И. Поступальскому. К переводам стихотворений Шаншиашвили Тихонов еще в 1946—47 годах привлек большую группу московских поэтов — Э. Ананиашвили, В. Звягинцеву, В. Луговского, М. Павлову, А. Межирова и других. Среди них был и И. Поступальский. Сохранились письма, в которых видно, с какой ответственностью и скрупулезностью работал Тихонов над сборником: «Игорь Стефанович! Я забыл записать, к какому стихотворению Шаншиашвили Вам нужна транскрипция и порядок рифм. Позвоните мне, и я сейчас же вышлю это. Привет, Н. Тихонов. 26.8.47». Через день Тихонов выслал необходимую информацию: «Уважаемый Игорь Стефанович! Посылаю Вам транскрипцию стихов Шаншиашвили.. Я проверил: строфы имеют одинаковую, повторяющуюся ритмику. Рифмы, как и в первой строфе. Желаю успеха. Н. Тихонов»⁹.

⁸ Шаншиашвили С. Избранное. М., 1948; Шаншиашвили С. Стихи и поэмы. Тбилиси, 1949; Шаншиашвили С. Избранное. Стихотворения и драмы. М., 1968; Шаншиашвили С. Избранное. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Тбилиси, 1977.

⁹ Огонек, 1982, № 10, с. 13.

Влюбленность Тихонова в Грузию проявилась и в том, что для него было дорого абсолютно все, что касалось этой страны. Он интересовался творчеством не только грузинских поэтов, но и тех, которые жили и творили в Грузии.

Поэт Владимир Эльснер (1884—1964 гг.) большую часть своей жизни прожил в Тбилиси. Литературную деятельность он начал с переводов. Переводил Рильке, Рембо, Верлена... Еще до революции он выпустил несколько стихотворных сборников — «Выбор Париса» (1913), «Пурпур Киферы» (1913). Незадолго до смерти в Тбилиси вышли два его сборника — «Страны и люди» (1957) и «Образы искусства» (1962). Большая заслуга принадлежит В. Эльснеру в редактировании переводов на русский язык грузинской классической и советской литературы. Он сотрудничал с Г. Цагарели при переводе поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Как писал Вл. Мачавариани в послесловии к сборнику Вл. Эльснера «Образы искусства»: «Владимир Эльснер по мере своих сил и возможностей любовно служил грузинской литературе»¹⁰.

И. Поступальский, хорошо знавший Вл. Эльснера, рассказал автору этих строк, что Тихонов хотел после смерти Эльснера издать сборник его избранных стихов. Составление такой антологии он полностью поручил Поступальскому, сам же предполагал дать к сборнику предисловие. Сборник не вышел в свет. Помешали различные обстоятельства, а главным образом болезнь Тихонова. В переписке Тихонова и Поступальского нашло место как чисто критическое суждение Тихонова о некоторых сторонах эльснеровской поэзии, так и профессионализм Тихонова-редактора. В одной из сохранившихся в домашнем архиве И. Поступальского записок он пишет: «...Эльснера перечитал, кое-чем восхищаюсь, кое-чем — нет, и пришел к выводу, что недостатком его является известная монотонность, однообразие средств... При отборе вещей стоило бы как-то развеять это впечатление. Впрочем, тут Вам и книги в руки — старик тоже был брюсовианцем!»

А. Малышкин писал, что сырую рукопись давать читателю нельзя, как нельзя продавать сырой хлеб. Из небольшой записки видно, как Тихонов-редактор мог предвидеть успех книги.

¹⁰ Эльснер В. Образы искусства. Тбилиси, 1962, с. 185.

Редактор — не только первый учитель, он и первый критик автора. Разумеется, критический анализ рукописи придает работе редактора творческий характер. Этим объясняется тот факт, что Тихонов одновременно был и критиком редактируемых им сборников поэтов. Будучи редактором сборника стихотворений Галактиона Табидзе, впоследствии он написал статью о нем. Суждения Тихонова о творчестве Сандро Шаншиашвили сложились в критико-биографический очерк, который в начальном варианте был предпослан первому московскому изданию избранных произведений грузинского поэта, а затем с небольшими изменениями, сокращениями входил в последующие издания.

* * *

Тесные творческие контакты поддерживал Тихонов с издательством «Мерани». Директор издательства Марк Израилевич Златкин — автор книг о русско-грузинских литературных взаимосвязях, многие годы хорошо знавший Тихонова, писал: «Взаимоотношения нашего издательства с Николаем Тихоновым отнюдь не ограничивались вопросами издания его произведений и переводов, статей и речей о Грузии. Он был для нашего редакционного коллектива и душевным советчиком и активным доброжелателем»¹¹. В 1978 году издательство «Мерани» выпустило двухтомник избранных произведений Тихонова о Грузии, который явился как бы итогом многолетних связей русского поэта с Грузией. Интересна сама история создания сборника. В августе 1970 года М. Златкин писал Тихонову о том, что необходимо подытожить его (Тихонова) многолетний подвижнический труд. Речь шла об издании поэтических произведений, рассказов, очерков, статей, докладов, речей и высказываний Тихонова о Грузии. «Это издание составлялось изо дня в день на протяжении многих десятилетий, начав складываться еще в 1924 году, когда состоялось первое знакомство поэта с Грузией»¹².

В конце сентября того же года М. Златкин получил письмо от Н. Тихонова, в котором он писал относительно сборника: «Кончив азиатскую тему, выпустив итоговую книгу — «Шесть колонн», я переключился на тему Кавказа.

¹¹ Златкин М. Немногое о них... Тбилиси, 1983, с. 19.

¹² Литературная Грузия, 1979, № 3, с. 78.

Хочется мне тоже сказать какое-то мое слово о Кавказе. Это не значит, что я соберу все мной написанное на эту мою любимую тему и заключу в один переплет. Нет, в эту сем новую книгу из старого может что-нибудь одиночное войти, но не больше. Но, конечно, среди тем этой книги, книги только художественной, не очерковой, должна быть и грузинская тема.

Вот почему мне кажется, что следует подождать с однотономником, и собрав то, что есть, подождать новых рассказов на грузинскую тему»¹³. В данном случае Тихонов подходит к изданию собственных произведений и с точки зрения редактора.

Несколько лет понадобилось Тихонову на составление этого сборника. В середине августа 1976 года он прислал письмо М. Златкину, где сообщал, что собрал материалы для издания книги, и интересовался мнением М. Златкина о возможности издания сборника в том виде, в котором он представлял себе его. Интересно мнение старейшего книгоиздателя о Тихонове как о редакторе: «Конечно же, ничего сокращать не пришлось, хотя и получился вместо предполагаемого однотомика—двухтомник, надо сказать, прекрасно спланированный автором. Отмечу еще (к сведению исследователей творчества Николая Тихонова), что все материалы для этого издания были подготовлены без «подсказки» издательства, самим поэтом и, следовательно, отражают его вкус, его творческое представление о «проверке временем», что особенно ценно, и то новое, что создалось им в последние годы»¹⁴.

Известно, что хороший редактор не только тот, у кого безупречный вкус, чувство времени, четкая позиция... Хороший редактор тот, кто свою работу воспринимает не как обязанность, а как часть своей судьбы. Именно так воспринимал свою редакторскую деятельность Николай Тихонов.

¹³ Златкин М. Немногое о них... Тбилиси, 1983, с. 18—19,

¹⁴ Там же, с. 23.

К 90-ЛЕТИЮ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

Марина КШОНДЗЕР

«НЕ Я ПИШУ СТИХИ...»

●

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ
В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
ОЧЕРКОВО-МЕМУАРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ВЫСТУПАЯ на юбилейном вечере Тициана Табидзе в Ленинграде в 1937 году, Н. С. Тихонов сказал вдохновенные слова о грузинской поэзии: «Грузинские поэты не могли бы существовать, если бы слово «поэзия», если бы то ощущение, что мы называем поэтическим смыслом жизни, не жило бы в природе страны и в душе этого народа»¹. Действительно, поэзия живет в душе народа, а самое яркое свое воплощение она находит в творениях истинно народных поэтов, воплотивших в себе сущность национального самосознания. Таким поэтом был Тициан Табидзе, яркая личность которого на протяжении многих десятилетий приковывает к себе внимание критиков, литературоведов, писателей, самой широкой читательской аудитории. Цель данной статьи — воссоздать творческий портрет Тициана Табидзе в восприятии русских советских писателей. Избранный аспект проблемы позволяет, с одной стороны, выявить многогранность творческой личности Тициана Табидзе, а, с другой стороны, определить точки сопри-

¹ Тихонов Н. С. Избранное. В 2-х т. — Тбилиси. Мерани, 1978, т. 2, с. 294.

косновения между Т. Табидзе и теми писателями, которые создают его портрет. В зависимости от творческой направленности, угла зрения автора меняется и характер раскрытия образа.

Тициана Табидзе связывала с русскими писателями давняя дружба, которая ведет свое начало с его увлечения символизмом, Блоком и А. Белым. Великолепно запечатлел грузинского поэта А. Белый в своей замечательной путевой книге «Ветер с Кавказа». Говоря о Тициане Табидзе, русский поэт со свойственным ему умением проникать в тайники человеческих душ определяет главную черту грузинского поэта — его открытость, порывистость, искренность, особенно по контрасту с его «братом по устремлению культуры искусств» — Паоло Яшвили. Общение с друзьями-поэтами позволило тонкому наблюдателю определить, что они — «двуединство»: «Табидзе — сердечный вулкан, бьющий пламенем в мысль, отчего расширяется сердце, — и вещи, мудрые мысли выкрикивает, ретушируемые Яшвили, которого острый рассудок утонченно преображает вулканы Табидзе в породы изваянных скал, в барельефы культуры: пыл первого голову рвет, расширяется — приобретает космический смысл, отчего стало бы холодно, если бы Яшвили потоки, взметенные к небу, сознанием не осадил в атмосферу земную, в которой вулкан вещей слов из беседы и тостов Табидзе становится очеловеченным и оконкреченным»².

В портрете Т. Табидзе, созданном А. Белым, ощущается эмоциональность поэта, его романтическая устремленность в космические дали. С другой стороны, такое изображение дает материал и для выявления личности самого А. Белого, его неповторимого, неподражаемого стиля, являющегося, по справедливому замечанию М. Горького, неотъемлемой частью общего мировоззрения писателя.

Другой гранью поворачивается Тициан Табидзе в очерках-мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Портреты Т. Табидзе и П. Яшвили даются на широком общественном и политическом фоне Тбилиси 1920 года с его экзотикой, с его удивительным умением совмещать в себе различные века, с его разноплеменной и разноголосой толпой. И. Эренбург также отмечает «двуединство» Т. Табидзе и П. Яшвили, он проникает в глубинные истоки этого «двуединства». Поэтов свя-

² Белый А. Ветер с Кавказа. — М. Федерация, 1928, с. 166—167.

звала не только общность поэтических воззрений, но и чисто человеческая дружба, обусловленная духовной общностью, хотя по характеру и по темпераменту они совершенно не подходили друг на друга: «Паоло был высоким, страстным, чрезвычайно энергичным, умел все организовать... А Тициан поражал мягкостью, мечтательностью. Он был красив, всегда носил в петлице красную гвоздику, стихи читал нараспев, и глаза у него были синие, как горные озера... Тициан, помню, сказал мне, что поэзия — обвал. Много лет спустя я прочитал в переводе его стихотворение, где были строки: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня, и жизни ход сопровождает их. Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит, и заживо схоронит. Вот что стих». Кажется, в этих словах раскрытие Тициана, его чистоты, приподнятости, был он прежде всего поэтом»³.

В нескольких предложениях И. Эренбург определил основные черты Т. Табидзе как человека и как художника-творца, с помощью одной цитаты раскрыл суть его поэзии — глубоко драматической и в то же время удивительно лирической. И. Эренбург не отрывает личность поэта от его творчества, а, наоборот, считает эти два компонента одинаково важными для создания творческого портрета писателя.

Не менее интересны и самобытны портреты-характеристики Т. Табидзе и П. Яшвили, данные другим выдающимся советским поэтом — Б. Пастернаком в его прозаической книге «Люди и положения». Автобиографическая проза «Люди и положения», в которую вошли очерки-воспоминания о Грузии и грузинских поэтах, является примером поэтической прозы, т. е. синтеза этих двух искусств. Строки, посвященные Грузии, полны поэзии и романтики. Обилие эпитетов и метафор придает прозе Пастернака особое обаяние и свежесть, а умение в нескольких фразах передать атмосферу и дух народа позволяет обнаружить творческую личность автора, сумевшего понять истоки национальной культуры.

Б. Пастернак, так же как и И. Эренбург, воспринимает поэтов Грузии в нерасторжимом единстве с землей, на которой они творят, с народной культурой, которую они впитали в себя и которая является основой их творчества.

При всем различии творческих индивидуальностей И. Эренбурга и Б. Пастернака они единодушны в том, что Т. Табидзе

³ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. — М. Советский писатель, 1961, кн. I и II, с. 514.

и П. Яшвили неотделимы друг от друга, что они дополняют друг друга, будучи совершенно противоположными по внутреннему психологическому складу: «Если Яшвили весь был во внешнем, центробежном проявлении, Тициан Табидзе был устремлен внутрь и каждую своей строкой и каждым шагом звал в глубину своей богатой, полной догадок и предчувствий души»⁴.

Вспоминая о двух друзьях-поэтах, Б. Пастернак с глубоким драматизмом говорит о судьбе, постигшей обоих, и пытается определить их роль в его жизни, что выводит очерки-воспоминания за пределы частных судеб и придает им глубокое историческое значение: «Оба стали составной частью моего личного мира. Я ни одного не предпочитал другому. Судьба обоих вместе с судьбой Цветаевой должна была стать самым большим моим горем»⁵.

Характеризуя творчество Т. Табидзе, Б. Пастернак отмечает лирическую направленность его поэзии, ее необыкновенную емкость и душевность: «Главное в его поэзии — чувство неисчерпанности лирической потенции, стоящее за каждым его стихотворением, перевес несказанного и того, что он еще скажет, над сказанным. Это присутствие незатронутых душевных запасов создает фон и второй план его стихов и придает им то особое настроение, которым они пронизаны и которое составляет их главную и горькую прелесть. Души в его стихах столько же, сколько ее было в нем самом, души сложной, затаенной, целиком направленной к добру и способной к ясному видению и самопожертвованию»⁶.

В характеристике, данной Б. Пастернаком Т. Табидзе, явно ощущается личность самого Б. Пастернака, его критерии оценки поэтического творчества. Отмечая сложный внутренний план стихов Т. Табидзе, Б. Пастернак подчеркивает черты его поэзии, которые характерны и для собственного творчества поэта (наличие глубокого подтекста, провидческий характер, особый психологический настрой).

Подлинным шедевром мемуарного очерка-портрета стал очерк П. Антокольского «Тициан Табидзе», в котором наиболее ярко и многогранно, с присущей автору эмоциональностью воспроизведен творческий облик поэта.

⁴ Пастернак Б. Л. Люди и положения. — В кн.: Пастернак Б. Воздушные пути. М., Советский писатель, 1982, с. 465.

⁵ Там же, с. 465.

⁶ Там же, с. 465.

Начиная свой очерк с описания пребывания в доме Табидзе, Антокольский ярко и рельефно лепит образ поэта в его непосредственном самовыражении. Такая экспозиция позволяет воспринять личность Т. Табидзе во всей ее целостности и многогранности: «В 1935 году, впервые приехав в Грузию, я познакомился с Тицианом Табидзе. В первый же тбилисский вечер за круглым столом в доме Тициана на улице Грибоедова мы, москвичи, моя молодая жена Зоя и я, учились высоким традициям грузинской застольной беседы, и это было немалое дело. Соревнование в красноречии, в дружелюбном внимании друг к другу, возвышенные и находчивые тосты, строгая их последовательность — все это было своего рода платоновской академией для нас: тут и философия истории родной страны, и поэзия в прямом, профессиональном смысле слова, и поэзия как высокая настроенность души, и просто непритязательное остролюбие — все было уместно, все служило праздничному общению людей, только что бывших совсем чужими, но искренне стремящихся сблизиться и нашедших для сближения такой простой и благородный способ»⁷.

Большой поэт выступал в тот вечер в роли радушного хозяина, весь жар души которого был направлен на то, чтобы показать гостям прелесть и очарование его родины. «Он был очень хорош собой. Полный, в затрапезной парусиновой блузе, с ярким цветком в петлице... с челкой римского патриция, с правильным, мягким лицом, скорее славянского, нежели грузинского типа, с чуть охрипшим голосом и могучей грудной клеткой — такую яркую фигуру не часто встретишь на белом свете. Его хотелось писать маслом на холсте, крупно вылепить из глины — увековечить по возможности эти выразительные черты».

Антокольский начинает свой очерк с кульминационной ситуации, в которой яркая личность Т. Табидзе проявляется во всей своей неповторимости, а затем, подобно живописцу, вычленяет из общего рисунка отдельные детали, как бы создавая эскизы к общему портрету. После описания внешнего облика грузинского поэта Антокольский рисует его в родной стихии, когда два друга предприняли поездку по Военно-Грузинской дороге. Здесь вырисовывается еще одна деталь поэтической натуры Тициана — великолепное знание поэзии, умение воспри-

---

⁷ Антокольский П. Г. Тициан Табидзе. Собр. соч. В 4-х т. — М. Худож. лит., 1973, с. 94. В дальнейшем П. Антокольский цитируется по этому изданию.

нимать чужие стихи сквозь призму собственного мироощущения. «Тициан декламировал хриплым, с насадой и переливами, гор-
таным голосом... Чтение Тициана было своеобразно и мощно.
Русский ямб, тоника нашего стихосложения совершенно пропа-
дали в его долгих и кратких слогах. Он читал Лермонтова,
Блока, Тютчева и с какой-то особой задушевностью, как свой
личный лейтмотив, повторял тютчевскую строфу:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...»

Творчеству П. Антокольского, как это неоднократно от-
мечалось его исследователями, присущ глубокий историзм,
умение через прошлое постигать настоящее, а в настоящем
видеть прообраз будущего. Эта «связь времен» ощущается и
в очерке о Тициане Табидзе, написанном в 1957 году, но по-
вестующем о событиях 1935 года. П. Антокольский из 50-х
годов смотрит на прошлое, усматривая в авиационной ката-
строфе, свидетелями которой оказались друзья-поэты, как бы
предвестницу грядущих трагических событий: «Много лет
прошло с той поры. И такая встреча за ночным столом не-
однажды повторялась в нашей жизни... И теперь мне кажется,
что тогда, в тридцать пятом году, сквозь стекла террасы
на Казбеке в наши бессонные глаза смотрело наше будущее,
пристально смотрели ждавшие нас беды и утраты.

Что же касается самого Тициана Табидзе, это было имен-
но так: ведь не прошло и двух лет после той ночи у Казбека,
и он навсегда ушел от нас, словно смелый летчик, разбившийся
где-то в горах в непогодную туманную ночь...»

В очерке Антокольский анализирует творчество поэта.
Непосредственным поводом к его написанию послужил
тот факт, что в 1957 году одновременно в Москве и в Тбилиси
была издана книга стихов и поэм Т. Табидзе. П. Антокольский
приложил немало усилий и труда, чтобы книга увидела свет:
сам переводил стихи Т. Табидзе, просил своих друзей-поэтов
принять участие в их переводе. Вступительную статью к книге
написал С. Чиковани. В письме к С. Чиковани от 24.VIII.1964
года П. Антокольский высоко оценивает статью С. Чиковани
и подчеркивает преемственную связь между поэтическими по-
коленими: «Только что я несколько дней держал в руках кор-
ректуру книги Тициана. Книга, действительно, получилась. Ран-
ний Тициан (Халдейские бреды, кафе «Химерион», меньшеви-

стское правительство) — все это встает очень ярко и поучительно. Твоя статья и сердечна по тону, и строга по содержанию. И вообще уже один факт, что ты открываешь книгу утаршего поэта, служишь ему прологом, очень обогащает этот сборник, делает его историческим явлением... Все мы прожили слишком напряженную и многозначительную жизнь в эпохе и обязаны друг другу бесконечно. Я много думаю об этом за последнее время и убежден в том, что ты — человек сугубо исторический — присоединишься к такому ощущению нашей взаимной связи и поруки. Принадлежность к одному поколению — дело далеко не шуточное. В твоей статье о Тициане это ощущение проходит каким-то подземным гулом, но изредка дает знать о себе легкими толчками в сердце...»⁸

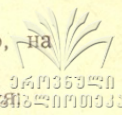
Это письмо еще раз подтверждает историчность и масштабность мышления П. Антокольского, глубоко ощущавшего «взаимную связь» поэтов, необходимость взаимопроникновения и взаимообогащения духовных культур.

В очерке «Тициан Табидзе» П. Антокольский анализирует творчество поэта в эмоциональном ключе. Это не литературоведческий очерк, а поэтический, вдохновенный дифирамб Тициану Табидзе — тонкому лирику, глубокому философу и истинно народному поэту. П. Антокольский сам подчеркивает ненаучность своих определений. Однако образность и емкость поэтических характеристик вполне возмещают отсутствие строгой научности: «Это прежде всего поэт упоительный. Казалось бы, такой эпитет, сам по себе продиктованный восторгом, мало что может определить в поэте, но я на нем настаиваю. Поэзия Тициана Табидзе — это разливное море упоения жизнью, восторга перед раскрывающимися человеку картинами действительности. При этом видишь, что автор больше всего ценит в себе, настойчиво культивирует и воспитывает умение непосредственно откликаться на пережитое и виденное: чем непосредственнее, тем увереннее его мастерство».

П. Антокольский глубоко проникает в сущность поэзии Т. Табидзе, так как воспринимает ее в целостной связи с личностью поэта. Принципиальным отличием очерков-портретов П. Антокольского является то, что он пишет не о стихах, а о поэтах. Сам поэт неоднократно подчеркивал эту разницу, о чем вспоминает Л. Левин: «Прочитав «Пути поэтов», я по

---

⁸ Личный фонд С. Чиковани. — Музей дружбы народов АН СССР, е. х. 150.

праву старого знакомства позвонил автору и сказал, что, на мой взгляд, никто у нас не пишет о стихах так, как он.

Против всяких ожиданий Павел Григорьевич удивился — Разве я пишу о стихах? Мне это абсолютно не интересно. Я пишу о поэтах. Понимаете, о поэтах!.. В том-то вся и беда, что у нас пишут не о поэтах, а о стихах. Можно подумать, что у нас нет поэтов!»⁹

Творчество Т. Табидзе П. Антокольский анализирует, отрывая от его личности, прослеживает путь становления поэта — от увлечения русским и французским символизмом, от эстетских стихов периода «Голубых рогов» до зрелого творчества, в котором «современная явь перекликается для Тициана и с другой неоглядной далью, с вековой древностью». Историзм, присущий стихам Т. Табидзе, Антокольский считает неотъемлемым признаком высокой поэзии. В послесловии к своей книге «Побратимы» поэт отмечает, что чувство истории характерно для грузинской поэзии в целом: «Я всегда считал, что одним из самых строительных и организующих для поэта переживаний является чувство истории культуры, понятой как сумма усилий, потраченных поколениями для строительства своего общества.

Патриотизм, если понимать под ним любовь к известной территории, любовь к той или иной пространственной протяженности, — это первая ступень патриотизма. Есть и вторая ступень, когда любовь к родине становится любовью к временной протяженности, т. е. к векам, которые стоят за нашими плечами, и к веку, который создают ныне живущие поколения. В этом отношении грузинская поэзия всегда была сознательно демонстрационной, если угодно, была пропагандистской»¹⁰

В очерке о Тициане Табидзе П. Антокольский отмечает разносторонность его дарования, глубокую эрудицию, «пристальность художника», умеющего проникнуть не только в тайники своей культуры, но и «угадать облик чужого народа», передать его самобытность: «Халдея, Иран, Греция проступают в тициановских стихах того времени в сказочных очертаниях и в то же время в характерных и ярких деталях, которые говорят о культуре, о начитанности автора, о присталь-

⁹ Левин Л. Четыре жизни. Хроника трудов и дней Павла Антокольского. — М., Советский писатель, 1969, с. 9—10.

¹⁰ Антокольский П. Г. Побратимы, — Тбилиси, Литература да келовнеба, 1963, с. 294.

ности художника... Вийон и Рембо, Гойя и Веласкес, Кармен и Саламбо, Летучий Голландец и Пьеро — все это загадочные друзья его ранних стихов, его гостеприимного и широко распахнутого мира». П. Антокольский особенно подчеркивает историзм мышления Т. Табидзе, т. е. выделяет те черты творческой личности поэта, которые ему ближе.

Таким образом, каждый из рассмотренных авторов раскрывал личность Т. Табидзе в соответствии со своими мировоззренческими позициями и творческими устремлениями. Если Б. Пастернак и И. Эренбург показывают внутренний мир Т. Табидзе — поэта и человека, а А. Белый — его порывистость и пылкость темперамента, то П. Антокольский рисует многогранный портрет поэта в эмоциональном ключе, особенно выделяя историзм его творчества.

Очерки-портреты русских писателей о Т. Табидзе создают интереснейший портрет тонкого поэта-лирика, человека высокой культуры и большого обаяния, истинного патриота своей национальной культуры и подлинного друга русской поэзии. Они обогащают русскую советскую литературу, показывают, с одной стороны, национальную самобытность грузинской поэзии, а, с другой стороны, общечеловеческий смысл таких понятий, как поэзия, творчество, мастерство, дают возможность русскому читателю ближе познакомиться с Т. Табидзе как с одним из наиболее ярких выразителей грузинского национального духа.

ХРОНИКА

ПЛЕНУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

СОСТОЯЛСЯ пленум правления Союза писателей Грузии, на котором обсуждался вопрос «Современная тема в грузинской советской литературе».

Пленум вступительным словом открыл председатель правления Союза писателей республики Ш. Нишнианидзе.

Грузинские писатели, верные замечательным традициям советской литературы, стремятся отобразить в своих произведениях многогранную действительность в ее развитии

от прошлого к настоящему и будущему. Успехи, достигнутые писателями Грузии за последние годы, впечатляют.

О многих актуальных проблемах современной литературы говорили критик Г. Гвердцители, писатели Т. Чантурия, Г. Дочанашвили, Л. Табукашвили, И. Руруа и другие.

На пленуме принято решение созвать X съезд писателей Грузии в мае будущего года.

Группе грузинских писателей были вручены памятные подарки в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

„ЖИЗНЬ ЦАРИЦЫ ЦАРИЦ ТАМАР“

В НЫНЕШНЕМ году исполнилось 90 лет со дня рождения видного грузинского историка Варлама Дариспановича Дондуа. Всю свою жизнь он посвятил грузинской историографии, изучению прошлого грузинского народа, исследованию актуальных вопросов грузинской культуры, ее истории и литературы. В. Д. Дондуа принадлежит немалая заслуга и в деле перевода грузинских исторических памятников на русский язык.

Научная эрудиция, глубокое знание грузинского, армянского, русского и европейских языков, высокая гражданственность и благородство души — таким остался В. Дондуа в памяти современников, коллег и друзей. Он внес значительный вклад в грузинскую историографию, в изучение многих вопросов по истории Грузии. Его труды по проблемам национальной литературы, истории культуры, исторические разыскания обогатили нашу науку. Особо следует отметить его работу в деле исследования истории эпохи царицы Тамар.

Как известно, история эпохи царицы Тамар впервые была воссоздана в сочинении анонимного автора «История и восхваление венценосцев», дошедшем до нас в принадлежавшем царице Марии списке «Картлис цховреба» («Житие Гру-

зии»). Ввиду того, что она была найдена первой в научной литературе, ее называют «первой историей». Позднее, в 1923 году, И. Джавахишвили обнаружил еще одну историю царицы, названную «второй историей» Тамар. Чтобы облегчить использование и цитирование источника, условно принято заглавие, данное ему И. Джавахишвили, — «Жизнь царицы цариц Тамар». Под этим заглавием и известно это произведение в грузинской историографии. В 1937 году, в период подготовки к 750-летию «Витязя в барсовой шкуре», И. Джавахишвили передал восстановленный и переписанный им текст Варламу Дондуа для перевода на русский язык, который и был опубликован в 1938 году в Ленинграде.

Варлам Дондуа с присущим ему высоким профессионализмом и увлеченностью выполнил это трудное и ответственное дело. Он блестяще справился со сложностями перевода. Как известно, древнегрузинский текст изобилует архаизмами, что требовало от переводчика превосходного владения как искусством перевода, так и обоими языками — в данном случае древнегрузинским и русским.

В. Дондуа перевел текст истории царицы Тамар на современный русский литературный язык. Архаичный грузинский текст зазвучал в доступной читателю форме, и, что главное, произведение в переводе не утратило величавости стиля. Некоторые термины, особенно названия должностей, даны непосредственно в русской транскрипции. Например,

спасалар, эристав, мцигно-бартухуцес, дидебул. спаспет, амирспасалар и др. Ряд архаизмов переведен на современный русский язык: «збури» — «страж», «црелта да дркута» — «искренние и криводушные» и др.

В предисловии к переводу В. Дондуа отмечает, что автор второй истории Тамар, как и первой, — безусловно лицо близкое к царскому двору, ему известно много подробностей из личной жизни царицы. Здесь же В. Дондуа показывает разное отношение авторов двух упомянутых историй к тому или иному событию или историческому лицу эпохи Тамар. Вместе с тем он находит определенное сходство между обеими историями Тамар и «Витязем в барсовой шкуре».

В. Дондуа считает, что автор второй истории обладает большим чувством ответственности как перед современниками, так и перед грядущими поколениями, подает факты беспристрастно, хотя не скрывает и своего критического отношения к некоторым политическим деятелям.

Таким образом, наряду с переводом памятника, исследователь предлагает собственную интерпретацию текста. Он дает историческое освещение переводимого материала и излагает свои соображения по этому поводу.

После выделения серии русских переводов памятников исторической литературы в изданиях Комиссии по источникам истории Грузии при Президиуме Академии наук Грузинской ССР (руководитель — Р. Кикнадзе) работа по переводу древне-

грузинских памятников стала еще более интенсивной. Выполняются новые переводы, переиздаются старые. Все это облегчает исследование текстов.

На сегодняшний день первое издание «Жизни царицы царя Тамар» (1938 г.) представляет библиографическую редкость. Поэтому возникла необходимость в повторном его издании. Это дело взяла на себя М. Бердзнишвили, издавшая перевод В. Дондуа в нынешнем году. Изданию предпослано предисловие переводчика и исследование издателя (М. Бердзнишвили), книга снабжена примечаниями, указателями личных имен, географических и этнографических названий, предметно-терминологическим указателем и резюме на английском языке.

Глубоко изучив эпоху царицы Тамар, М. Бердзнишвили предлагает ряд важных соображений, касающихся описанных в источнике фактов, в главах «Второй историк царицы Тамар и его сочинение», «Об авторе и времени написания «Жизни царицы царя Тамар» издатель исполнила также несколько утерянных страниц перевода, дав в примечаниях точные, исчерпывающие разъяснения.

Настоящее издание является важным явлением в деле перевода древнегрузинских исторических памятников, бесспорно представляющих интерес не только для научных кругов, но и для широкой читательской общности.

Мария КАДАГИДЗЕ

ПОСЛАНИЕ К ЛЮДЯМ

«МИР его персонажей телесен, разнообразен и неспокоен, и в поисках населяющими этот мир людьми чего-то нового, в их стремлении к постижению он вырастает беспредельно. Это — мир веселый и непоседливый, порой странноватый, доводимый автором до гротеска, но в какой-то момент оборачивающийся чистыми и светлыми гранями простых человеческих характеров», — писал в предисловии к рассказам Годердзи Чохели, впервые изданным на русском языке¹, Нодар Думбадзе.

Персонажей Г. Чохели и героями-то назвать трудно. Разве похож на героя, например, бедняга Максинаи, унесенный орлицей, которую сам он безуспешно пытался поймать? Он озабочен тем, чтобы орлы его не заклевали, чтобы не умереть от голода и жажды. На его глазах появляются на свет маленькие орлята, на его же глазах умирает подстреленный людьми орел-кормилец, таскавший ягнят из его, Максинаи, ныне беспризорной отары (сам пастух питается объедками орлиных трапез — орлы не дают ему погибнуть от голода). И теперь уже сам Максинаи помогает орлице таскать добычу птен-

цам. Конечно, его ищут люди. Они устраивают засаду у источника, куда прилетает орлица с пастухом, утолять жажду. У самой воды оставлен нож: единственный способ для Максинаи освободиться — это отсечь орлице ноги, так как когти ее пронзили его руки насквозь. Орлица опускается к воде, пастуху удается незаметно для нее завладеть ножом, к ним бегут люди с палками, у орлицы не хватает сил взлететь... И тут Максинаи вспоминает о трех голодных орлятах, оставшихся в гнезде, которым он в шутку дал при рождении имена. Внезапно он делает усилие, помогая орлице подняться в воздух, и улетает вместе с нею — он, страстно мечтавший об освобождении, о возвращении к людям...

Думается, что Годердзи Чохели ведет речь не столько о любви человека к природе, сколько о некоем высоком, вольном ощущении человеком себя частью мироздания вообще. Именно поэтому, быть может, даже самые причудливые сюжеты писателя не вызывают недоверчивого раздражения: «Так не бывает». Едва ли кто-нибудь встречал человека на плече у которого выросла ель, но Г. Чохели рассказал об этом так, что факт сомнений не вызывает. Собственно, дело даже не в том, что именно происходит, — важно, как относятся к происходящему люди. Великолепен и трагичен протест Гамихарды против людской несправедливости («Письма от рыбы»): оскорбленный человек решает уйти от людей и стать... рыбой! Проблема такого превращения

¹ Годердзи Чохели. «Послание к елям». Перевод с грузинского А. Абуашвили. М., «Молодая гвардия», 1983 г.

никого не смущает; в другом рассказе горец, которому пришлось сыграть в кино оленя, и в самом деле почувствовал себя оленем, и понадобилось снимать «фильм наоборот», чтобы убедить его снова стать человеком. Ничего удивительного — ведь мир един. Тринадцатилетний мальчик борется с орлом и относится к этому настолько серьезно, что ценою собственной жизни спасает своего побратима от гибели («Побратим Гигии Бубунаури»).

Книга Годердзи Чохели — это гимн жизни и доброте. Гимн этот своеобразен и неоднозначен. В рассказах присутствуют и смерть, и злоба, и страдание, и отнюдь не всегда они бывают побеждены. Но к смерти здесь относятся спокойно, деловито, просто как к неизбежной, даже необходимой части бытия, и никак иначе. А главное — здесь верят в высокий смысл своего жизненного пути, стало быть, верят в справедливость и ищут ее с какой-то гениальной наивностью; на земле эти люди не чувствуют себя пришельцами, этот мир, эта планета — их родной дом, и они слишком хорошо сознают полную меру своей огромной нравственной ответственности, чтобы идти на какие-либо сделки с совестью.

Рассказы Годердзи Чохели очень зримы и динамичны, они как бы выдают еще одну профессию автора —

кинорежиссера. Впрочем, если сравнить, например, его рассказ «Хевсур из Бакурхеви» с короткометражным фильмом, снятым по нему самим автором, мы убедимся, как тонко чувствует Чохели разницу между литературой и кино, их специфику. Язык его мускулист, прост и изящен; будучи вполне современным, он носит отпечаток древней народной баллады... К сожалению, языковые достоинства прозы Г. Чохели несколько ослаблены переводом, которому недостает свободы и раскованности.

Книга Годердзи Чохели вышла в серии «Молодые голоса», и следует признать, что этот «молодой голос» чист, силен и самобытен.

...Герой рассказа «Послание к елям», взрастивший ель на себе, питая ее собственной плотью и кровью, предчувствуя смерть человеческой части своего как бы раздвоенного существа, идет в лес, выкапывает глубокую яму и, встав в нее, тою же землей засыпает себя по пояс:

«Последнее, что почувствовал Бери, это то, как два тела, сливаясь воедино, превратились в неразрывное однородное целое, тотчас сцепившееся тонкими корнями в землю.

Первое, что почувствовала ель, был восход солнца над землей».

Александр ЗЛАТКИН

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ— НЕМЕРКНУЩАЯ ДРУЖБА

ДО настоящего времени большинство работ, посвященных грузинско-украинским театральным связям, носило в основном чисто литературный характер и касалось главным образом вопросов драматургии, поэтому книгу Н. Шалуташвили, в которой большое внимание уделено роли деятелей сцены, режиссеров и актеров в установлении творческих контактов с театрами других народов, дан глубокий анализ тех внутренних процессов, которые объединяли искусство лучших деятелей театров двух народов, можно считать первым обобщающим исследованием, вместившим в себя все аспекты театральных взаимосвязей рассматриваемого периода. При этом исследование стоит на таком высоком научном уровне, что закономерно было бы приравнять его к учебнику для театральных вузов, в котором изучение связи и контактов отдельных театральных культур дано на основе конкретно-исторических условий, на фоне насыщенных социальными потрясениями периодов истории двух народов, с уче-

Н. Шалуташвили. «Грузинско - украинские театральные связи», Тбилиси, изд. «Хеловнеба», 1984.

том сложного взаимодействия с другими и прежде всего с русской театральной культурой.

На протяжении многих лет Н. Н. Шалуташвили занимается вопросами истории театра на материалах развития этого искусства в Грузии и на Украине. Особо следует отметить, что особенность ее исследовательского пути — в синтезе всего лучшего, что было создано культурой двух народов, в стремлении найти ключ для понимания процессов взаимосвязей между передовыми тенденциями в театральной культуре.

Монография бережно вобрала в себя как все достижения театроведческой и литературоведческой мысли по указанной теме чуть ли не за сто лет, так и новые впервые публикуемые материалы, найденные автором в архивах Москвы, Тбилиси, Киева. Это серьезное театроведческое исследование, в котором приводятся такие фактические сведения, которые позволяют автору по-новому рассматривать некоторые положения, получившие в нашей научной литературе прилизательное или ошибочное толкование.

В книге дан глубокий анализ творческих, организационных и личных связей грузинских и украинских деятелей сцены, показано, как развивалось благодаря этим контактам в идейном и художественном отношении грузинское дореволюционное театральное искусство, как взаимно обогащалось оно прогрессивными, демократическими, передовыми идеями своего времени, какую большую роль сыграли в творческой жизни, в формировании мировоззрения мастеров дореволюционной украинской

и грузинской сцены гастроли театров Украины в Грузии.

В книге обозначились как бы два аспекта изучения театральных взаимоотношений. Первый связан с воссозданием истории театров, изучением театральной культуры, второй отводит историю театра на задний план, а основное внимание сосредоточено на литературном движении эпохи. Было бы несправедливым противопоставлять эти два способа исследования, они, не исключая друг друга, способствуют раскрытию общих закономерностей — зависимости театра от литературного процесса и наоборот.

Автор рассматривает грузинско - украинские театральные отношения, начиная с народных истоков, первых контактов и взаимоознакомления, выявляя тенденции и закономерности их развития, творческие связи в XVIII веке, и кончая развернутым анализом эстетическо - театральной жизни двух народов на протяжении XIX столетия до 1921 года. Автор показывает, что братская дружба двух народов возникла не на пустом месте, корни ее уходят в глубины веков. В книге описываются обряды двух народов, ритуалы как первоначальные зародыши театрального действия, достижения в области живописи и архитектуры. Затем идет анализ истоков дружбы двух народов, объяснение закономерностей контактов, глубоко и убедительно осмысливаются причины и исторические условия возникновения грузинско-украинских культурных связей. Н. Н. Шалуташвили убедительно показывает, что их сближало становление общенационального сознания

двух народов, которое складывалось в сходных исторических условиях, в процессе национально - освободительной борьбы. Начало взаимосвязей грузин и украинцев складывалось не только на почве религиозных и исторически сложившихся связей, в их межнациональных контактах большую роль играла демократическая воля народных масс.

Внимательно проследив весь путь развития грузинского и украинского театров, автор выявляет ряд типологических аналогий, параллелей, совпадений и так называемых, по словам автора, «встреч», которые возникли на самых разных этапах зрелищного искусства двух народов и свидетельствуют о наличии в их действительности тех исторических условий, при которых возможно было возникновение одинаковых или сходных идей, фольклорных коллизий, сюжетных схем, эстетических принципов, образов. Как доказывает Н. Н. Шалуташвили, эти условия подкреплялись вековой борьбой двух народов против иноземных захватчиков, а также характерными фактами и обстоятельствами народной жизни в условиях чужеземного нашествия и иноземного ига. На протяжении всей книги подчеркивается, что украинско-грузинские театральные и литературные связи не являлись отдельными эпизодами в истории искусства двух народов, а это был естественный процесс культурного развития братских народов, который вытекал из социально - общественных закономерностей и был связан со всеми этапами развития.

Рассматривая историю развития театра в Грузии и на Украине, автор заостряет вни-

мание на значении школьного театра, который сыграл заметную роль в культурной жизни многих стран, останавливается на особенностях этого театра в Грузии и на Украине, его благотворном влиянии на развитие национально-го театра. В книге приведены интересные сведения о развитии светского национально-го театра классического направления, о первых грузинских и украинских драматургах.

Подробно Н. Н. Шалутасвили останавливается и на истории возникновения первого русского театра в Тифлисе, основой которому послужила труппа малороссийских актеров. В репертуар труппы входили лучшие произведения украинской реалистической драматургии тех лет, которая открыла перед грузинскими зрителями все многообразие жизни украинского народа, его обычаи, стремления, его историю и страстную поэтическую душу.

В книге глубоко проанализировано, как появлялись, закреплялись и развивались зачатки того интернационального единства в театральной культуре двух народов, которое стало особенно интенсивным с 60-х годов XIX века и нашло свое полное воплощение в советскую эпоху. Ярко продемонстрировано, что на протяжении всего XIX века главной объединяющей силой для культурного подъема явилась совместная революционно - освободительная борьба. Основой прогрессивного грузинского и украинского театров была гражданственность, протест против эксплуатации, правдивое изображение действительности.

Большое место в моногра-

фии уделяется описанию тяжелого положения дореволюционного украинского и грузинского театров, приведены примеры цензурных преследований, которым подвергались деятели театра.

В работе ясно прослеживается мысль о закономерности зависимости театра и литературы, их общих поражений и побед. Большой интерес представляют изыскания автора, который, используя метод аналогии, находит много интересных совпадений во взглядах Д. Гурамишвили и Г. Сквороды, Л. Украинки и Важа Пшавела, Т. Шевченко, И. Чавчавадзе и А. Церетели. Многие из них не только теоретически боролись за утверждение новых принципов в сценическом искусстве, но и помогли всем, чем могли, национальному театру, в том числе и своей драматургической деятельностью.

Увлекательно написаны разделы о деятельности М. Кропивницкого и М. Старицкого, о гастролях их трупп на Кавказе. Даны новые интересные материалы о дружбе выдающегося украинского драматурга и реформатора театра М. Кропивницкого с видным грузинским актером, режиссером и драматургом В. Гуния. Автором обнаружено его посвящение актрисе украинского театра Е. Боярской. На основе новых архивных материалов и данных, почерпнутых из забытых страниц прессы тех лет, Н. Н. Шалутасвили решительно выступает против некоторых получивших широкое распространение неверных сведений.

Большое внимание уделено в книге театральной жизни Грузии и Тифлиса начала 20 годов, созданию первых ра-

бочих театров, рабочих кружков, значению любительских спектаклей, украинскому драматическому кружку в Тифлисе и грузинскому — на Украине. Показана борьба передового реалистического театра, драматургии после революции 1905 года, в годы реакции против упадочнических декадентских течений, против тех, кто хотел оторвать культуру своего народа от общего потока развития мирового искусства, старался изолировать, ограничить его собственной национальной стихией. В книге раскрывается, как в этой борьбе создавались труппы национальных стационарных театров.

Много места в книге уделено описанию репертуаров театров двух народов, факторам, которые сближали искусство театра двух народов—

оптимизму, правдивости, искренности чувств, эмоциональной и психологической глубине, насыщенности и содержательности спектаклей.

Необычайно интересна глава о творческой деятельности К. Марджанишвили на Украине. Много нового и любопытного найдет в книге для себя как украинский, так и грузинский читатель, тем более, что книга читается с большим интересом, так как автор умело погружает читателя в многообразный мир театральной жизни и борьбы идей тех лет. Эта книга еще раз подтвердила, что Н. Н. Шалуташвили принадлежит к числу тех театроведов, чьи работы привлекают большое внимание не только специалистов, но и широких читательских кругов.

Роксана АХВЕРДЯН

ХРОНИКА

ВСТРЕЧА С КИТАЙСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

В СТОЛИЦЕ Грузии состоялась встреча делегации китайских писателей, возглавляемая секретарем правления СКП, известным прозаиком Шао Хуа, с грузинскими писателями.

В беседе приняли участие секретари правления Союза писателей Грузии Р. Амашукели и Дж. Чарквиани, поэт-академик И. Абашидзе, председатель Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР Е. Евтушенко, известные грузинские прозаики и поэты, критики, литературоведы и переводчики.

В ходе встречи мастера пера обменялись информацией

о растущем интересе китайских писателей к многонациональной советской литературе, в частности к грузинской.

На встрече было выражено обоюдное стремление писателей к расширению творческих контактов, чему будут способствовать возобновление встреч, обмен писательскими делегациями.

В беседе принял участие второй секретарь посольства КНР в СССР Цзин Циньсунь.

В дни пребывания на грузинской земле гости из КНР знакомились с литературной и общественной жизнью республики, совершили поездку по городам и районам Грузии, побывали на предприятиях, в колхозах и учебных заведениях.

Андре КАРБЕЛАШВИЛИ

ОТ ШИПКИ
ДО ТИФЛИСА

И теперь — лишь буря грянет на Балканы,
Вспоминаю Шипку, горы-великаны,
И проносит эхо — гром былых побед,
Через перевалы, в сонм грядущих лет...

Иван ВАЗОВ

ПРОХОДЯ по улицам Софии, туристы из Грузии не без гордости читают надпись: «Улица майора Челяева». Эта улица названа в честь грузина Константина Борисовича Чилашвили.

Чем же заслужил этот человек такую благодарность в сердцах братского болгарского народа?

Во время освободительной войны 1877-78 гг., которая положила конец пятивековому османскому игу и создала условия для образования независимого болгарского государства, у города Стара-Загора сражалась третья болгарская дружина, в которой храбро воевал майор К. Челяев.

В тяжелом бою погибли 12 русских офицеров, 358 болгарских ополченцев, пять знаменосцев и командовавший дружиной подполковник П. Калитин. Под натиском превосходящих по силе врагов город был оставлен. Турки полностью разрушили его и предали огню. Около восьми тысяч жителей были зверски убиты.

Командиром третьей болгарской дружины назначили майора К. Челяева.

В приказе командующего передовым отрядом генерала И. Гурко, отданном непосредственно после боев у города Ста-

ра-Загора, говорится: «Это было первое сражение, в котором вы вступили в бой с врагом и сразу же показали себя такими героями, коими может гордиться вся русская армия. Вы — ядро будущей болгарской армии. Пройдут годы, и эта армия будет говорить с гордостью: «Мы — потомки славных защитников Стара-Загоры».

Третьей болгарской дружине под командованием майора К. Челяева после сражений под Стара-Загора пришлось принимать участие в ожесточенных боях на Шипке, где наступление одной из лучших армий противника было отражено героическим сопротивлением небольшого русско-болгарского отряда во главе с генералом Н. Столетовым. Это предопределило крушение плана турецкого командования осуществить концентрическое наступление против Дунайской армии. Бои на Шипке вошли в историю как символ мужества и героизма русских и болгар, их тесного братства.

«—Здесь, на Шипке, возвышающейся в сердце Старой Планины, — сказал Тодор Живков, — русская и болгарская кровь смешалась, чтобы стоять навеки, наперекор всем бурям и стихиям времени...»

На Шипке под Самарским знаменем мужественно сражалась с превосходящими силами противника третья болгарская дружина. Когда в апреле 1877 года в Плоешти болгарским ополченцам вручалось Самарское знамя, руководитель делегации города Самары Н. Алябин сказал: «Издавека, через всю русскую землю мы пронесли его как живое доказательство того, что это дар не только какого-нибудь одного уголка России, а всей русской земли».

В один из августовских дней 1877 года обороняющие Шипку русские войска оказались в чрезвычайно тяжелом положении.

В книге «По Шипке», изданной издательством «София-пресс», мы читаем такие строки:

«...Оборона в опасности. Развязка кажется неминуемой. Еще несколько минут — и Шипка падет. Неужели напрасно пролито столько крови!.. Минутное колебание наступает в рядах ополченских дружин. Но тогда раздается мужественный голос майора Челяева, командира третьей болгарской дружины: «Братья, неприятель окружил нас со всех сторон. Пути к отступлению нет. Будем держаться до прихода помощи, а если не успеет прийти, все ляжем костями за свободную Болгарию». И он запекает популярную среди ополченцев песню

«Шумит Марица», родившуюся в дни героического Апрельского восстания».

И болгарские ополченцы ринулись в атаку вслед за командиром. Они нанесли врагу тяжелый удар и удержали позиции.

За мужество и героизм, проявленные при защите Шипки, майор Константин Борисович Челяев был награжден золотым оружием с надписью «За мужество». Это была редкая и почетная в то время награда.

После окончания освободительной войны была организована болгарская регулярная национальная армия, ядром которой стали части болгарских ополченцев. Третью болгарскую дружину под командованием К. Челяева расположили в городе Радомир (близ Софии), переименовали в третий Радомирский отряд.

И вот здесь, в Радомире, К. Челяев получает приказ от командования направить Самарское знамя на вновь организованную выставку для всеобщего обозрения и оставления его экспонатом среди других реликвий освободительной войны. Взамен третий Радомирский отряд получал новое знамя.

Майор К. Челяев пишет рапорт командованию с убедительной просьбой оставить Самарское знамя в отряде. Как же расстаться со знаменем, ставшим для третьей болгарской дружины символом ее героизма и непобедимости! Однако на рапорте К. Челяева была сделана резолюция: «Оставить без реагирования».

Последние документы о пребывании К. Челяева в Болгарии датированы 1879 годом.

К сожалению, архивные документы до сегодняшнего дня не позволяли проследить за дальнейшей судьбой К. Чилашвили — остался ли он навсегда в Болгарии или переехал в Россию.

Только сейчас в Тбилиси обнаружены документы, которые раскрывают страницы послевоенной жизни героя Шипки.

К. Чилашвили вернулся из Болгарии в Россию. В 1885 году он направляется на Северный Кавказ — назначается сперва начальником Аварского, а затем Гунибского округа Дагестана.

Начальником Дагестанского округа, в состав которого входил и Гунибский округ, в то время был известный грузинский общественный деятель генерал-лейтенант Нико Зурабович Чавчавадзе,

Н. Чавчавадзе, наверное, хорошо знал о геройских делах

К. Чилашвили в Болгарии, в молодости он был знаком с его отцом — генерал-майором Борисом Чилашвили и, возможно, сам предложил его сыну служить в Дагестане.

УДАСТ
20230101033

Через три года К. Чилашвили был уже в чине полковника и продолжал служить начальником Гунибского округа. Справедливый и мужественный, он пользовался большим уважением у местного населения.

К. Чилашвили прослужил в Дагестане ровно 10 лет, до 1895 года.

Из Дагестана К. Чилашвили был переведен на службу в Тбилиси на должность штабс-офицера комендантского управления.

Установление факта переезда К. Чилашвили в Грузию позволяет искать и собирать сведения об его последующей деятельности. 12 марта 1897 года общественность Тбилиси прощалась с Нико Чавчавадзе — бывшим военным губернатором Дагестана. Газета «Кавказ» писала о Н. Чавчавадзе: «Наш край понес вчера потерю, чувствительную и для всего нашего отечества: скончался кавказский ветеран, бывший недавно военным губернатором Дагестанской области, генерал от кавалерии, князь Н. З. Чавчавадзе. Это был человек с сильной волей, умный и энергичный администратор, много сделавший для нашего края... Знаменитые кавказские генералы Шварц, Челябин, Бельгордт, князь Меликов и князь Орбелиани — одинаково свидетельствовали об его молодой отваге и удаче...»

Грузинская газета «Иверия», редактируемая выдающимся грузинским мыслителем и писателем И. Чавчавадзе, особо отметила, что при выносе тела Н. Чавчавадзе проживающие временно в Тбилиси дагестанцы несли гроб на руках до церкви и после выноса из церкви. Акакий Церетели читал стихи, написанные в память о верном сыне грузинского народа. В последний путь Н. Чавчавадзе провожал и герой Шипки — Константин Чилашвили.

На следующий день, 13 марта 1897 года, в Тбилиси прибыл главнокомандующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом генерал от инфантерии, генерал-адъютант Г. С. Голицын. После торжественной встречи он направился в Сионский кафедральный собор. Как сообщала газета «Кавказ» (1897, № 69), «...перед собором его сиятельство был встречен штабс-офицером комендантского управления полковником **Челяевым**».

Согласно документам, К. Чилашвили пробыл в Тбилиси на

должности штабс-офицера комендантского управления в период 1895—1897 годов.

27 мая 1897 года полковник К. Чилашвили присутствовал на общем собрании членов тифлисского дворянского земельного банка, на котором должен был сформироваться новый состав правления банка.

Среди других представителей передовой грузинской общности на этом собрании присутствовал Илья Чавчавадзе. Газета «Кавказ» (№ 130) писала: «Ассистентами при выборах, по приглашению председателя указанного собрания, состояли: Арс. Бебутов, Ф. И. Амиров, К. К. Херхеулидзе и К. Б. Челяев».

Прошло несколько месяцев.

11 декабря 1897 года газета «Кавказ» (№ 328) опубликовала официальное сообщение: «Высочайший приказ по военному ведомству. Декабря 4-го дня, Царское село. Производится: штабс-офицер тифлисского комендантского управления, числящийся по армейской кавалерии полковник Челяев — в генерал-майоры с увольнением от службы, с мундиром и с пенсией».

А через день, 12 декабря, это сообщение перепечатала газета «Тифлиссский листок» (№ 289).

Так в 1897 году, через 20 лет после сражения на легендарной Шипке, К. Чилашвили был произведен в генерал-майоры и ушел на достойный отдых...

Но и сегодня в братской Болгарии имя К. Чилашвили (Челяева) не забыто.

На историческом Чадыр-тепе («тепе» — по-турецки холм) воздвигнут новый замечательный памятник, посвященный защитникам Стара-Загора.

В композиции памятника выделяется несколько групп, расположенных на террасах. На первой из них — мемориальные надписи с перечислением полков, принявших участие в боях. Выше скульптурные фигуры из бронзы, изображающие четырех болгарских ополченцев с ружьями и одного русского офицера. На вершине кургана — центральная часть ансамбля. Она возвышается над гробницей, рядом с которой горит вечный огонь.

Так скульпторы Крум Дамянов и Божидар Козарев, а также архитекторы Богомил Давидков и Благовест Вылков увековечили память об историческом событии, к которому нас возвращает и название улицы в Софии «Майор Челяев».

В Ленинграде с успехом прошли гастроли Тбилисского театра киноактера. Своими впечатлениями о спектаклях делятся театроведы Р. Беньяш и Т. Петкевич.

Раиса БЕНЬЯШ

ВЕСЕЛАЯ СЕРЬЕЗНОСТЬ

НА ДВУХ спектаклях, которые привезли в Ленинград Актеры киностудии «Грузия-фильм», бросалась в глаза атмосфера веселья.

Веселая улыбка почти не сходила с лиц зрителей. Природное чуть ласковое чувство юмора не покидало и исполнителей. Откуда-то из-за кулис управляла событиями на сцене жизнелюбивая, радостная, сочувственная и в то же время ироничная усмешка философа-мудреца режиссера Туманишвили. Шли «Дон Жуан» Мольера и во второй вечер «Свиньи Бакулы» Давида Клдиашвили. Спектакли совсем не похожи друг на друга, но и отмечены нерасторжимой внутренней связью, единством почерка, неповторимым национальным рисунком.

В непритязательной легкой комедии «Свиньи Бакулы» словно сошли на сцену с экрана знакомые нам по любимым грузинским фильмам не слишком благополучные, но излучающие дар жизни, смешные и милые персонажи. Не слишком удачливые, в своем большинстве обойденные даже простой справедливостью, не говоря уж о выигрыше в жизненной лотерее, они сокрушаются бурно, но весело, хотя заразительный смех очень часто пронизан законной житейской горечью. Одно проникает в другое и образует глубокий пласт человечности. Особенно ощутим этот сплав, этот сложный по глубине и свежий по средствам ход в мольеровском «Дон Жуане».

Разыгран спектакль — сознательно выбираю я именно это слово «разыгран» — легко, увлекательно, грациозно, задорно, непринужденно. Отточенная и отшлифованная до ме-

лочей форма. Но и свобода импровизации. Упругие, четкие ритмы, но и капризная неожиданность. Открытая, даже почти вызывающая, во всяком случае как бы настаивающая на своем праве, бравадная театральность. Но служащая не себе, а мысли, и мысли не ординарной, не взятой для этого напрокат из прежних трактовок, а мысли самостоятельной, свежей и ненавязчиво обращенной к сегодняшним зрителям в зале.

Зураб Кипшидзе с комедийным жаром решает серьезную тему времени: крах безверия. Он, ошибаясь, и ушибаясь, и походя ушибая других, загадочно тянется к поиску вовсе не Донны Анны, но истины. А это не может быть безразлично.

Конечно, пленительна Н. Чанкветадзе — Эльвира (по-женски пленяет она и в условной роли Соседки-сплетницы в «Свиньях Бакулы»), но сколько вполне современной иронии в этой юной, но уже прошедшей сквозь школу феминизации воительницы.

Я понимаю, что справедливость потребовала бы от меня перечисления многих, если не всех, героев спектаклей. Но самое важное в них — ансамбль единый, и увлекающий, и увлеченный, и, как мне кажется, полный энтузиазма и искренней веры в насущность того, чем он занят. А это всегда ощущается в зале и заражает его посетителей. Я испытала это сполна на себе в те вечера, которые провела на спектаклях театра.

Поставивший их Михаил Туманишвили назвал себя верным учеником Товстоногова.

Я, три десятилетия наблюдавшая близко Театр Товстоногова и много о нем написавшая, с радостью признаю: если и ученик, то учителя, безусловно, достойный.

Тамара ПЕТКЕВИЧ

«Перстами легкими, как сон...»

КАК мираж, как «летучий голландец» мелькнет в финале спектакля «Дон Жуан» Мольера видение странное, удивляющее: под белым парусом с расплывшимся на нем кровавым пятном мчащаяся куда-то стройная фигура Дон Жуана, вознесенная вверх женскими руками...

Фантазия, задевающая душу, заволнует, как могучая поэтическая строка или миф, изложенный новым, неожиданным языком. Этим заканчивается спектакль.

А вначале, едва мы входим в зал, видим на сцене дисгармонизированный мир вещей: снятые с несуществующих стен картины, бюсты мыслителей Древней Греции без пьедесталов, опрокинутую лодку, синий шар, похожий на увеличенный глобус, стулья, бочку, стол...

Есть и взвившаяся кверху над сценой театральная костюмерная, которую мы спознаем по подолам, оборкам множества платьев.

Имеется суфлерская яма. В наличии, естественно, и пол сцены.

Все вместе, похоже, делит вертикаль пространства на небо, преисподнюю и реальное бытие.

Слагаемых, деталей — уйма. Они помогут театру высказать свой взгляд на легенду о погубителе женских сердец Дон Жуане.

Спектакль не начинается, он обрушивается на зрителя.

...К суфлерской будке приближается служащая театра — суфлерша. Увидев в зале знакомое лицо, не сумеет сдержать бурной радости, пообещав, что сцена подскажет потрясающий, невероятно интересный сюжет!..

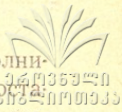
Тут же из глубины зрительного зала появляется пара целующихся влюбленных, а на самой сцене — Дон Жуан, вытирающий руки о полотенце. Вот он их вскинул вверх, словно стряхнув избыток энергии. Это руки профессионала-дуэлянта, любовника. И сам он похож на охотника или стрелка. Дон Жуан звонко призвал слугу, заметил женщину, без особых усилий уже почти завоевал ее и успел нажать врага в лице того, кому та секунду назад отвечала на поцелуи.

Побед ведь должна быть еще череда. Но... Они только означены в спектакле как номинал. И только. Гривуазные подробности встреч и обольщений мало заботят театр.

В аннотации к спектаклю сказано, что для труппы главное — спор между Дон Жуаном и его слугой «о том, как правильнее жить».

Повод к тому — поведение Дон Жуана.

Беспутство — порок. Куда яснее? Возражать по сему поводу, по меньшей мере, странно. Его осуждает весь мир, все театральные постановки в той или иной мере, данный театр, Станарель и мы, естественно, тоже.

Итак.

В спектакле тбилисского театра киноактера исполнителем роли Дон Жуана (артист З. Кипшидзе) не только удовлетворяет любопытства выслушать вопреки слуги. Он подбивает его, вызывает к поединку, подзадоривает стать его оппонентом. Потребность в этом становится «преимущественным интересом» Дон Жуана, подавляющим на время все иное. Это свежо и ново.

Станарель, сокрушаясь, излагает свои доводы и обвинения гладко, округло, преисполненный отеческой заботы и к жертвам хозяина, и к нему самому. Запас средств у актера (А. Амиранашвили) поистине неистребим. Он уличает, обвиняет Дон Жуана от имени собственного, нарядившись в пышный костюм бакалавра наук, призывая авторитет мраморного Аристотеля, повернув его бюст лицом к себе в азарте спора, проваливаясь даже в тартар под сцену.

Спор Дон Жуана и слуги слит в двухголосье с действием. По ходу сюжета соблазнитель и прохвост будет сражаться на шпагах, выручит из переплета Дон Карлоса, не станет скрывать того, что разлюбил Эльвиру. Станарель при этих же обстоятельствах скроется в лес, побывает и в бочке; восставая против беспутства, с готовностью расстелит для прихоти хозяина одеяло.

И лицемерие внятно заявит о себе как о неперменности существования. Удобном способе жить.

Станарель будет разглагольствовать, рассиживаясь на синем шаре, который увиделся нами планетой Земля.

Ну, а Дон Жуан? Он едва ли попирает тот же шар ногой победителя. Его доводы кратки, циничны! Они обескураживают, право. И опять же «но»... Обескураживают безусловно, но чем-то захватывают наше внимание. До поры недостаточно ясно: чем?

В настоящей жажде спора у Дон Жуана — надежда! Этот распутник, оказывается, открыт миру, он — просто-душен!

Дон Жуан готов к тому, чтобы мир насытил его иной, чем его собственная, правотой. Условие одно: необходим эквивалент!

Он загорается, едва Эльвира поманила тем, что отпускает его сама, сменив месть на великодушные любви. Он, понятно, этого не допустит, попытается ее тут же вернуть. К величайшей досаде расход сил понадобится на это огорчи-

тельно малый. Эльвира тут же уступит, быстро поймет про-
счет и... превратится в фурию. Актриса Н. Чанкветадзе
великолепна и точна.

Вокруг Дон Жуана мир полумер, уступчивости и согла-
шательства.

Дон Жуану скучно, неинтересно в нем.

И поначалу веселый спектакль становится вдруг груст-
ным и глубоким.

Исполнена смысла мизансцена, когда чуть притомивший-
ся Дон Жуан раскачивает на доске Шарлотту и Матюрину.
Едва ли не сон объял их. Они упоенно пребывают в истоме
самообольщений. Какая потребность в дурмане! В силе и
внешней красоте! Пока эта смесь душевной и чувственной
жажды в победительной власти бытует — обетованная земля
для Дон Жуана есть! Эта «нелегальная», стыдящаяся света
правда поможет нам понять и большее: логику драматиче-
ски вскрытого финала.

Театр воедино сводит отвергнутого Пьеро, мститель-
ных братьев Эльвиры и Гусмана, будет здесь и действующее
лицо «он». Они предстанут в спектакле как спресованная
сила и реальные убийцы Дон Жуана вместо «руки» Коман-
дора и исходящего из нее малопонятного огня и смертоубий-
ственной мощи.

Для завершения спора между хозяином и слугой к тому
времени останется неиспользованным сильное и верное сред-
ство: страх!

Призывая раскаяться в грехах, Станарель будет пугать
Дон Жуана карой небес, знаками ада, собственным страхом,
инсценировкой спиритического сеанса. Но негодика и этим
не пронять! Спина его остается негнибаемой и прямой.

Действительно, немного посверкав и прогремев под сце-
ной, оттуда по ступенькам вверх восходит всего лишь невы-
сокий господин в черном с выбеленным мелом лицом под
котелком. Ни тебе колонны под памятником, ни доспехов, ни
лат Командора, ни громовых раскатов. Так себе: нечто ус-
редненное и потому (о, почему?) столь на этот раз пугающее
и реально страшное?

И вот последние мгновения выбора: покаяться? Или ос-
таться собой?

Дон Жуан согласен: он — негодай! Он рыцарь правди-
вого, трезвого слова о мире и о себе! Он не умеет лгать.
И не лжет. Разменять себя на лицемерие, в котором сум-
мирована вся «философия» слуги, — ему не по нутру.

На лице Дон Жуана появляется несуразно светлая улыбка. Сперва не поняв, понимаем чуть позже: это улыбка торжества над собой, улыбка освобождения и победы. Он тупил своего «согласия с сердцем».

Вместо Командора после краткого затемнения те несколько убийц наносят зримый, реальный удар. Вероятно, ножом...

Дон Жуан еще держится на ногах. Падает лишь на руки Сганареля, когда тот подбегает его подхватить после того, как убийцы исчезли.

Капитулировал Дон Жуан!

Сганарель остается бытию. Дон Жуан — освещенной театром легенде, тому видению под белым парусом, помеченным его собственной кровью...

Программки еще обещали рассказ о театре. Он — был!

Актриса Рехвиашвили Л. Р. талантливым исполнением роли суфлера в большой степени взяла его на себя. Она не только «подкидывала» будто бы актерам текст. Солидаризируясь с моментом женской тоски самочинно и вдохновенно, она страстно читала за Дон Жуана монолог, когда тот без слов целовал Шарлотту. Готовя нас к еще не бывшей на сцене театров расшифровке обстоятельств смерти Дон Жуана, она загодя появлялась из суфлерской будки в одеянии палача... Столь непосредственно и как бы наивно нам был явлен материал эмоций и замыслов работающей сегодня над пьесой труппы.

Режиссер М. И. Туманишвили сотворил чудо не только умением перебрать, перевероршить возможности актеров, перестроив их на лад собственного разума и чутья. Он поразил наше воображение прочтением мольеровской пьесы, множеством чарующих своим содержательным началом мизансцен.

Он и нас сбил со штампов восприятия.

Вторым мы увидели спектакль-притчу «Свиньи Бакулы».

Оформлен он чрезвычайно лаконично, строго и тесно связан со своим литературным первоисточником. На сцене белые объемы прямоугольников, едва ли не в рост сцены, описанные текстом рассказа Давида Квдиашвили. Между ними зазоры: проходы и щели. В глубине небольшая вставка с графическим изображением сельской постройки и огородиком. Вот и все.

Фабула незамысловата. Могла бы вписаться в анекдот или поговорку вроде: «Посади свинью за стол...»

Между тем режиссерская фантазия и мысль, равно как и актерское исполнительское мастерство, наводнили эти прикидки подлинно живой жизнью.

История несостоятельности идеи найти у чиновного родственника «местного значения» защиту от соседа Бакулы, его попустительств разорительным набегам четвероногих свиней становится необычайно грустным, отнюдь не однозначным повествованием. Присущая этому серьезному театру склонность через шутку подвести зрителя к размышлениям подтвердила здесь себя вполне.

Решив пригласить чиновников к себе в гости, наивный Галактион (артист Иоселиани Р.) вовлекает в приготовления и свою хозяйственную жену (артистка Рехвишвили Л.) и дочь Питию (артистка Шенгелая Н.), намерение свое не осуществляет со щедростью бедняка, отдающего последнее. Глаза его полыхают, как факел. Столько тут упований и надежд!

Доверие Галактиона и его семьи к «сильным мира сего» просто не имеет границ. Но представленный канцелярский паноптикум с его вертлявым, как уж, Шашей (арт. Мчанейшвили Л.), кокетливым подхалимом Андриа (арт. Имнаншвили Р.), похожим на надутое изнутри пугало, чванным Василием Ивановичем (арт. Бараташвили П.) и другими уже готовит драматическую развязку. Так неприступны они, так сами себя «несут», столько придают себе значения, что вселяют в неискушенных посетителей трепет. На наших глазах родился и заработал бездушный механизм, перемальвающий чаяния доверчивых людей.

Как тайфун, налетели служащие канцелярии на угощение: попутав имена хозяина с его врагом, провозгласили тост за Бакулу; все уничтожили, осоловели, стали на четвереньки, материализуя образ «свинства». Убежала потрясенная удивленным дочь Галактиона, ушла жена. И только неморгающие, полные растерянности и ужаса глаза Галактиона заполняют всю сцену.

Начав спектакль с безобидного намерения найти защиту от хрюшек, театр с высочайшей степенью изыска выясняет сатирическую перспективу ткани, рассказами подводит нас и к рождению вопроса «что же делать?» и поиска ответа на него: может написать жалобу? или письмо-донос повыше?

Какими же средствами рассказывает театр эту историю? Он выткал её словно бы из воздуха. А ведь коснулся была побудительных причин, сатирического профиля и философски-бытового осмысления рассказа.

В незамутненном пространстве сцены появлялись и исчезали груженные яствами столы, томились в ожидании посетители. Бессловесные персонажи сумели рассказать о себе немало: были здесь забитая побирушка и жалостливая просительница, помаячил странный субъект в шляпе, мистифицируя окружающих и нас заодно, без очереди была препровождена в кабинет молодая клиентка.

Но все, что здесь было, свершалось едва, еле-еле, чуть-чуть и слегка.

Выглядевшие, как две певчие птички, двое ведущих (в программке они прозваны «сплетницами») пели грузинские песни и задавали вопросы чрезвычайной важности.

Талантливые актрисы Чанкветадзе Н. и Болквадзе Р. своими «любящимися» появлениями тотчас тушили готовый вспыхнуть сатирический пожар. А мы ушли со спектакля расцарапанные неясной глубокой печалью.

Что за чародей этот М. И. Туманишвили? И что это у него за труппа?

В старинном белом зале ленинградского Дворца искусств театральная общественность города, студенты творческих вузов встретились с коллективом Театра киноактера. В сердечном слове Г. А. Товстоногова были признание в любви к театру, слова уважения учителя к ученику, вера в его дело.

Чем же встреча с театром из Тбилиси отличалась от множества других подобных? Думаю: откровенностью и высочайшей мерой требовательности к тем, кто служит искусству. Рассказ руководителя театра был не об его истории и настоящем, а о проблемах и праве продолжить свой путь в грядущий день. Он говорил о насущном и хрупком, о соблазнах и искушениях, о том, что может повредить сложившимся творческим и этическим основаниям. Оказалось, что разговор касался всех. В зале была тишина. Мы поверили, что, назвав себя «максималистом», М. И. Туманишвили не покривил душой. Это тоже было прекрасно.

ЕГО МИР

МАТЕРИАЛЕН,

ПРОЧЕН,

КРЕПОК

О ЛЬВЕ Баяхчеве говорить непросто. Он живет и работает в Тбилиси, но окна его мастерской распахнуты в большой мир. Его влекут мировые темы, космогонические масштабы. Но его не удовлетворяет бездумное созерцание и перенесение на полотно или бумагу того мира, в который он вошел при рождении — он вдумчиво изучает его, раскладывает на составные части и уже из этих частей строит свой мир по своему разумению. И этот мир материален, необычайно плотен, прочен, крепок, у него выпуклые, объемные формы, его можно осязать, и у него есть душа — такая же прочная, плотная, крепкая и красивая. Мир Баяхчева создан им в тесном содружестве с природой, и содружество это особенно отчетливо проявляется в натюрмортах, поэтому, говоря о Баяхчеве, хочется начать с его натюрмортов.

В натюрмортах Баяхчева отчетливо выражены его художническое кредо, его творческое лицо, его мировоззрение.

Мир прекрасен, — говорит художник. Взгляните, как красивы сочетания цвета, подаренные нам природой. Как глубок этот красный цвет в лепестках розы! Как блещет зелень листьев! Как радуют глаз синеватые тени, прячущиеся между стеблями цветов! Но не менее прекрасно то, что сотворено рукой человека. Голубоватый блеск хрустальной вазы, синие лучи, отраженные стеклом, мягко-шелковистая желтая поверхность облитого глазурью керамического сосу-

да — ведь всё это создано человеком и так же красиво, как творения природы.

Натюрморты Баяхчева не одноплановы. Они рисуют разные пласты жизни. Вот группа натюрмортов, как будто в окружении портрет Ван Гога. На них, кажется, запечатлено еле уловимое дыхание его мысли, его духовной жизни. Они изысканны и по цвету, и по отбору материала, и по манере выполнения: желтые и сиреневые пятна нежных полевых цветов на черном столике («Полевые цветы», 1982), желтые и красные розы в вазе, бархатистые лиловые фиалки... и почти во всех этих натюрмортах рядом с цветами — книги как символ творчества, как сгусток человеческой духовной силы и мощи.

Но рядом с этими «духовными», если можно так их называть, натюрмортами встает другой пласт жизни людей — грубой, будничной, каждодневной. Простой стол, на нем металлическая кухонная посуда, по столу рассыпан картофель. Но с какой силой входит всё это в сознание зрителя! Какой-то неведомый синий металл окрашивает своими рефlekсами в синий цвет весь холст, синим становится даже картофель. Сила цвета воспринимается как торжествующая сила материала: он нерушим, он царит в этом мире, снимает его будничность, делает его ярким и праздничным. Перед каким бы натюрмортом ни остановиться, ни постоять — чувствуешь за внешней бессюжетностью глубокую философскую мысль, продуманное и прочувствованное мировоззрение, миропонимание.

Испробовав (и удачно) свои силы в попарте, Баяхчев пробует их и в абстрактной живописи. Он создает абстрактную (на первый взгляд) живописную картину «На тему музыки Скрябина» (1968). Синие, черные, белые, красные, голубые, сиреневые потоки цвета устремляются сверху вниз, образуют причудливые вихри, зигзаги. Но это никак не абстракция, это чисто реалистическое полотно. Известно, что музыку можно разложить на все цвета солнечного спектра, что музыка и цвет — две стороны одного и того же явления, что цветомузыку мы давно уже встречали в живописи (Чюрленис). И здесь это действительно Скрябин, это его неистовая, сжигающая музыка, переданная средствами живописи.

В настоящее время художник работает над подобным произведением, посвященным Рахманинову, над триптихом, посвященным Скрябину.

До сих пор мы говорили об интерьере мира Баяхчева, но

у этого мира есть и экстерьер. Это — его пейзажи. Это тот же вещей мир, окружающий человека: по большей части это архитектурные пейзажи — тбилисские улицы, дома, мы с ними знакомимся на полотнах художника, нас не покидает ощущение той же необыкновенной прочности, плотности, объемности, выпуклости предметов этого мира и их собственной, только им присущей красоты.

Вот «Пейзаж с бельем» (1982). Обычный будничней дом с красной крышей на фоне ярко-голубого тбилисского неба, через просторный дворик протянута веревка, плотно завешенная мокрым бельем. То ли пейзаж, то ли скучная жанровая картинка? Но не спешите с заключениями. Отойдите на несколько шагов, и по мере того, как вы удаляетесь от пейзажа, с ним происходят невиданные превращения. Белье, до сих пор безжизненно и плоско свисавшее с веревки, вдруг оживает, приобретает объем, форму, как будто кто-то насосом накачал в него воздух. Все эти рубашки, наволочки становятся выпуклыми, выпуклым становится и дом, как будто дряблые до сих пор его стены вдруг налились новыми соками, обрели молодые мускулы, ярче стали краски, и весь пейзаж преображается, он играет своей силой, мощью, нерушимостью жизни, текущей в его стенах.

Так же сильны, нерушимы дома на пейзаже «Старый Тбилиси» (1982). Жители Тбилиси не привыкли видеть снег на его улицах, на крышах домов («Зимнее утро», 1982, «Тбилисская зима», 1983—1984), но и снег этот необычен. Он крепкий, плотный, как камень, в нем нет обычной для снега пластичности и легкости, он живет какой-то собственной жизнью, отличной от жизни людей.

Удивительна эта способность Баяхчева делать живой даже мертвую природу. Ему не нужен стаффаж, и он им не пользуется: для чего стаффаж, если вокруг кипит жизнь в земле, в деревьях, в камнях, в домах, в их балконах и крышах, нужно только уметь ее увидеть. Баяхчев умеет.

Мир Баяхчева густо заселен людьми. Портретов у него больше всего, женских больше, чем мужских. Художник с неслабеющим интересом на протяжении всего своего творческого пути вглядывается в людей. Он стремится понять их до конца, постигнуть их мысли, чувства, характеры. Для этого он использует очень своеобразные, чисто художнические приемы. В ранних его женских портретах нас поражает безжалостное отношение художника к моделям. Он ломает их лица, искажает черты, вытягивает шеи. По-видимому, это

16035340
8120010333

своеобразный способ познания пока непонятого для художника внутреннего мира женщины (заметим, что в мужских портретах за редкими исключениями — один из автопортретов, портрет сына — такого искажения черт нет).

Эволюцию творческой манеры Баяхчева-портретиста легче всего проследить на многочисленных портретах жены. Достаточно сравнить «Портрет Елены» (1976) с портретом «Елена с цветком» (1983). Кисть его «успокоилась», так же как и черты лица модели. Портреты стали психологичнее. Продуманнее стала цветовая гамма, которая начинает играть все большую роль в психологической характеристике модели.

Однако во всех женских портретах сквозит приверженность художника к одному и тому же типу женской красоты: удлиненное лицо, удлиненная шея, тонкие длинные пальцы, что сам художник объясняет своей любовью к готике.

Большей частью автор называет женские портреты именами моделей, но встречаются у него и другие названия, призванные привлечь внимание зрителя к цвету, который в данном портрете является приемом характеристики («Женщина в белом», «Женщина в зеленой шали»), иногда название подчеркивает этническую принадлежность модели («Негритянка», «Итальянка», «Восточная женщина»).

К женским портретам примыкают и произведения жанра ню — женские обнаженные тела, которые художник поворачивает так, чтобы лица не бросались в глаза или вообще не были заметны и все внимание зрителя было приковано к телу, тонкому и в то же время очень сильному. Та сила, которая заключена в мире, воплощается и в женщине.

Мужские портреты Баяхчева не похожи на женские. Как мы уже говорили, за редкими исключениями, в них нет искажения черт, нет расплывчатости — они как-то определеннее и по характеру модели, и по её воплощению.

Среди мужских портретов есть портреты людей хорошо знакомых, близких художнику. Привлекает внимание своей значительностью портрет «Виноградарь» (1974). В виноградаре воплощена народная мудрость, огромная внутренняя сила — лучшие качества народа, который он представляет. Запоминаются огромные, устремленные на зрителя глаза. Весь портрет выдержан в глубоких синих тонах, усиливающих звучание образа.

Иначе построен «Портрет Тамаза» (1982). Изысканный синий цвет переходит в нежную голубизну сорочки, красная и синяя полосы на галстуке перекликаются с цветами фо-

на, образуя строго продуманную тонкую гамму. Застывшая рука, пронзительные глаза, ясное выразительное лицо — это в сочетании со свободной позой, с цветом портрета создает гармоничный образ интеллектуала.

В портрете Ван Гога (1983) Баяхчев сумел выразить свою горячую любовь к этому художнику, свое восхищение его искусством. Портрет необычен по краскам: ярко-синий сюртук, рыже-золотые волосы и борода, такие же отвороты на сюртуке — вся эта ярко-сине-рыже-золотая гамма создает ощущение какого-то радостного пламени, исходящего от художника. Небезынтересно, что в один из своих автопортретов он переносит полностью всю цветовую гамму портрета Ван Гога.

В любви Баяхчева к Ван Гогу нет ничего удивительного. Вспомним стремительно бегущие куда-то дома, церкви, деревья, траву на полотнах Ван Гога и убедимся, что для него жизнь была движением, для Баяхчева жизнь — сила. В таком восприятии жизни они действительно очень близки.

Оригинален портрет Пикассо — «Пикассо в костюме арлекина» (1970). Трагическое лицо Пикассо резко контрастирует с шутовским нарядом, в который он облачен. Тема арлекинады, шутовства, несомненно, волнует Баяхчева, и портрет Пикассо — не единственное произведение на эту тему. Вот картина «Клоун с гитарой» (1967). Клоун в своем шутовском одеянии играет не на иллюзорной, а на настоящей гитаре — ее гриф прикреплен к доске, на которой выполнено изображение, — и кровавые слезы катятся по его лицу.

Вот «Сидящий клоун» (1975) — маленькая, скорчившаяся фигурка, застывшая в своем одиночестве.

Тема творца, художника, его роли в мире разрабатывается Баяхчевым в разных аспектах. В 1983—1984 гг. на эту тему им созданы две работы. Они близки по манере, по цвету, по вложенной в них мысли. Это портреты Бетховена и Пушкина.

Лицо Бетховена до такой степени приковывает внимание зрителя, что портрет сначала кажется монохромным, построенным только на глубоких насыщенных синих тонах, потом начинаешь различать скупые брызги оранжевых цветов на стелющемся — то ли от бури, то ли от силы рук Бетховена — «вангоговском» кустарнике, красные тени фона.

Портрет написан художником с какой-то неистовой силой, видно, как волнует его самого избранная им тема.

Композиция портрета Пушкина скупее. Но та же неистовость, та же пламенная сила живет в его лице, в глазах, в немыслимом повороте головы, и что-то трагическое и же время демоническое есть в этом лице, как, впрочем, и в лице Бетховена.

Мы уже отмечали, что с темой творчества связана у Баяхчева тема клоунады. Она продолжается и в недавно написанной картине «Пьеро и Коломбина», однако здесь тема клоунады, несмотря на традиционные шутовские наряды действующих лиц, переносится в жизнь с ее извечной борьбой мужского и женского начала.

Искусство Баяхчева расширяет наше представление о мире, о человеке, о его месте на земле. Что-то подарит нам в будущем его кисть?

ХРОНИКА

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ И ДРУЖБЫ

БЛИЗ села Хетагурово Цхинвальского района Юго-Осетинской автономной области прошел традиционный праздник поэзии, посвященный великому осетинскому поэту и общественному деятелю Коста Хетагурову.

В празднике поэзии, труда и братства приняли участие труженики Юго-Осетии, гости из разных уголков Грузии, Северной Осетии.

Выступивший на митинге профессор В. Абаев прочитал стихи великого Косты. Профессор Н. Джусойты рассказал собравшимся о жизни и деятельности поэта, о малоизвестных страницах биографии К. Хетагурова. Осетинские поэты прочитали свои стихи, посвященные памяти своего земляка.

В праздничном концерте приняли участие профессиональные и самодеятельные артисты и творческие коллективы.

Гарун АКОПОВ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

СЕГОДНЯ это выглядит, по меньшей мере, смешно, но первым чемпионом Советского Союза по гимнастике стал... легкоатлет. И это зафиксировано во всех спортивных справочниках. Но тогда, в 1928 году, этот факт ни у кого не вызвал улыбки и был воспринят как закономерный, свидетельствующий о разносторонней одаренности победителя. Дело в том, что помимо обязательных гимнастических упражнений (на перекладине, брусьях, канате, в равновесии, прыжках через коня и, как было сказано в программе, «далеко-высоко через планку» с гимнастического мостика) каждый участник состязаний должен был стартовать в беге на 400 метров с шестью препятствиями и гладком беге на 100 метров. С гимнастической частью лучше всех справился тбилисец Г. Рцхиладзе, но в беге он уступил ташкентцу И. Мурашко, более известному как легкоатлет.

Второе лично-командное первенство страны состоялось четыре года спустя — в августе 1932 года. Программа была еще более «загружена» прикладными видами (кроме спринта и кросса по сильнопересеченной местности с преодолением

водной преграды по бревну, в зачет входили стрельба из малокалиберной винтовки и метание гранаты), и гимнасты готовились к состязаниям, как истые многоборцы. Но... как вышло, впереди их ждали непредвиденные осложнения.

— Только по приезде в Москву, — вспоминал позднее Георгий Васильевич Рцхиладзе, участвовавший в тех соревнованиях в составе сборной команды Закавказья, — мы узнали, что чемпионат перенесен в Ленинград. Делать нечего — из двух дней, оставшихся до соревнований, один пришлось потратить на транспортные хлопоты и переезд. Утром, прямо с вокзала, поехали в зал потренироваться, опробовать снаряды. И тут — как гром средь ясного неба — известие о том, что вольные упражнения, которые мы готовили, заменены на более сложные. Впору махнуть рукой на все и собираться в обратную дорогу.

Но тут на выручку пришли наши ленинградские друзья Николай Серый и Михаил Касьяник. Забыв о том, что меньше чем через сутки именно мы будем их главными соперниками, они предложили свою помощь. Всю ночь под их руководством мы разучивали вольные, а утром, как если бы не было трудной бессонной ночи, выступали за свои команды. И когда я выиграл первое место, а Георгий Бабилодзе — третье, Серый и Касьяник первыми поздравили нас. Такое не забывается...

Мне остается дополнить этот короткий рассказ несколькими штрихами. На двух последующих чемпионатах, которые проходили уже по чисто гимнастической программе, Г. Рцхиладзе завоевал звание абсолютного чемпиона Советского Союза в многоборье. Именно он вместе со своим учителем Георгием Семеновичем Эгнаташвили первыми из советских гимнастов были удостоены звания заслуженного мастера спорта.

СУДЬБЕ ПОНРАВИЛОСЬ

1935 год. Сборная футбольная команда Закавказья, куда входили тбилисцы — А. Дорохов, Ш. Шавгулидзе, Г. Чумбуридзе, М. Аникин, И. Панин, М. Бердзенишвили, М. Болотин и бакинцы — В. Пацевич, П. Рейх, А. Амирджанов, С. Петросян, А. Маркаров, В. Макагонов, совершает турне по Скандинавии. В Осло во время игры с местной командой в ворота хозяев поля назначается пенальти. Бердзенишвили берет мяч, не спеша подходит к одиннадцатиметровой от-

метке, опускает его на землю, долго устанавливает и затем медленно отходит для разбега. Свисток. Удар. Вратарь прыгает в один угол ворот, а мяч вкатывается в противоположный. Гол! Но судья после секундного замешательства вновь показывает на одиннадцатиметровую отметку. Наши спортсмены никак не могут понять, в чем дело, — не бежать же за переводчиком. И только Бердзенишвили остается невозмутимым. Он согласно кивает головой, и... все повторяется сначала: вратарь бросается в одну сторону, мяч летит в другую. И первым аплодирует... судья.

Бердзенишвили, как ни в чем не бывало, берет в руки мяч, подходит к арбитру и, показывая на точку пенальти, как бы спрашивает — может, пробить еще раз? Тот широко улыбается в ответ, отрицательно качает головой и указывает на центр поля.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

ШЕЛ первый послевоенный год. Страна переходила на рельсы мирной жизни. Возобновилось проведение крупных всесоюзных соревнований, чемпионатов страны, советские спортсмены готовились к первым зарубежным поездкам. Раньше других на чемпионат Европы в Осло отправились наши легкоатлеты. В составе сборной СССР были Нина Думбадзе и Елена Гокиели.

— Сразу после соревнований, — вспоминает Елена Степановна, — мы с Ниной решили прогуляться, посмотреть центр города. Для нас, впервые попавших за рубеж, многое казалось необычным, новым, и мы с любопытством рассматривали рекламные тумбы, витрины магазинов, вообще прохожих, которые, как нам казалось, с не меньшим любопытством оглядывались на нас, особенно на высокую, стройную Нину.

Увлеченные и возбужденные, мы не сразу обратили внимание на дюжего полицейского, который, соблюдая дистанцию, следовал за нами.

— Оглянись незаметно, — говорю заговорщицки Нине, — по-моему, за нами следят. Вон тот длинный, в полицейской форме.

— Да ты что! — а сама уже разглядывает нашего следователя.

Заходим в магазин, он стоит у входа, задерживаемся у газетного киоска — останавливается поодаль. Сомнений нет — топает за нами.

Тогда мы с Ниной остановились и демонстративно устали на него, как бы требуя объяснений. Это было, конечно, наивно с нашей стороны (уже потом мы поняли это): разве он сказал бы, с какой целью приставлен к нам. Но наш «опекун», приблизившись к нам, вдруг вытащил из планшета записную книжку и протянул ее нам вместе с авторучкой. Он просил у нас... автографы.

ДОМОЙ — ПОД ОХРАНОЙ

МНОГИЕ спортивные издания обошел дружеский шарж художника Гиглы Пирцхалава: за высоким столом с шахматными фигурами сидит маленькая девочка с большим бантом на голове. Ноги ее не достают до пола, а под столом «скупает» забытая хозяйкой кудрявая кукла.

Художника вдохновил на этот рисунок успех Нонны Гаприндашвили, с поразительным результатом — 15½ очков из 16! — выигравшей чемпионат Грузии по шахматам. Случилось это осенью 1955 года. А весной следующего Нонна с блеском выиграла в полуфинале очередного чемпионата СССР. Он проходил в Тбилиси, в Малом зале театра им. Руставели, и интерес к нему — благодаря участию Нонны — был огромный. Толпы людей осаждали театр. Для тех, кто не смог попасть в Малый зал, в фойе театра и на улице у входа были установлены демонстрационные доски, на которых повторялись ходы партии. Каждый раз после завершения партии сотни болельщиков обступали все выходы из театра — парадный, служебный, даже запасной: организаторы прибежали ко всевозможным уловкам, чтобы девочка могла спокойно добраться до дому. Ничего не помогало. Пришлось обратиться за помощью к... милиции: два сотрудника, сопровождавшие Нонну, с трудом пробивали ей путь сквозь толпу ликующих болельщиков.

Случайная прохожая, увидев девочку в школьной форме в сопровождении милиционеров, только руками всплеснула:

— Бедняжка! Что она натворила такое?!

ВОТ ЭТО СЮРПЛЯС!

ЕСТЬ в спринтерских велосипедных гонках на треке (в которых время прохождения дистанции не учитывается — важно быть первым на финише) такое понятие — «сюрпляс».

Это технический прием, позволяющий спортсмену избрать нужную ему тактику ведения гонки. Как же он этого добивается? Скажем, гонщик, которому по жребью выпало вести гонку, не желает лидировать. Не хочет выходить вперед и соперник — ему это тоже невыгодно. Вот тут-то и начинается «хитрая игра». Идущий впереди... стопорит машину, останавливает ее. Ведомый делает то же. И стоят оба до тех пор, пока хватит мастерства удержать неподвижно машину, пока выдержат нервы.

Сколько можно так простоять? Все зависит от умения спортсмена — в правилах нет никаких ограничений. Часты случаи, когда остановки длятся минуту-другую, дольше задерживаются реже. Ну, а какова все же рекордная задержка? До последнего времени самым продолжительным считался сюрплас в 26 минут. Но, оказалось, история знает значительно более длительную остановку.

Почти полвека назад — в 1929 году — в Тбилиси проходили велосипедные гонки. Два участника соревнований Ванно Саакадзе и Сергей Лексуткин простояли в сюрпласе, трудно даже поверить... 2 часа 18 минут. Даже учитывая «смягчающие» обстоятельства (земляное полотно трека, широкие шины дорожного велосипеда), достижение это и сейчас не может не вызвать восхищения. Попробуйте не держась за посторонний предмет, не касаясь ногой земли удержать велосипед в неподвижности хотя бы десяток секунд. А тут — два часа!

«А МОЖЕТ, В НАРДЫ, ГРОССМЕЙСТЕР?»

ЛЮДИ, близко знавшие Тиграна Петросяна, не удивлялись разносторонности его спортивных интересов. Время, свободное от шахмат, он с удовольствием проводил на футбольном, хоккейном, баскетбольном матчах или за партией в бильярд, настольный теннис. А приезжая в Тбилиси или Ереван, где у него было много друзей, азартно сражался в нарды — игру древнюю, особенно распространенную в наших южных республиках и странах Востока. С нардами и связана забавная история, приключившаяся с ним в один из приездов в Тбилиси. Вот запись его рассказа.

— Пригласили как-то меня на один крупный завод выступить с лекцией и провести сеанс одновременной игры. После лекции все перешли в фойе, где были расположены столики с шахматными досками, за которыми сидели силь-

нейшие шахматисты завода. Подхожу к крайнему столику, по традиции здороваюсь с соперником, делаю первый ход. Ритуал этот повторяется у каждого столика. Я как-то не обратил внимания на веселое оживление, царившее у последнего столика. Но вот я подхожу к нему, протягиваю сидящему за ним руку для рукопожатия, а на ладони протянутой в ответ руки вижу... игральные кости. И только тут замечаю, что вместо шахматной доски на столе раскрыты нарды с разложенными в исходной позиции камнями, и мне предлагают сделать ход.

Первое, что я подумал, — меня разыгрывают. А в чем, собственно, розыгрыш? Может, слышал человек, что я хорошо играю в нарды, и хочет испытать свои силы. А на лице у моего соперника — немой вопрос: «Что, не надеетесь выиграть?» Не выказав ни малейшего удивления, я молча взял протянутые кости и начал «партию».

...Все партии, за малым исключением, были выиграны. В том числе и та, где «противником» выступал не лишенный чувства юмора нардист.

«ВСТАВАЙ! ИГРАТЬ БУДЕМ!»

ГРИНИН, Николаев, Федотов. Бобров, Демин! Эта пятёрка нападения ЦДКА, сложившаяся в первый же послевоенный год, очень скоро стала знаменитой. Дебютанты команды Бобров и Демин оказались талантливыми партнерами. Армейцы вышли в лидеры чемпионата, одержав серию крупных побед: «Спартаку» и минскому «Динамо» забили по пять мячей, сталинградскому «Трактору» — шесть, «Локомотиву» и киевскому «Динамо» — по семь... К концу первого круга им предстоял матч в Тбилиси.

...Полузащитника Михо Челидзе переместили на противоположный фланг с персональным заданием опекать быстрого и юркого Демина, ни на шаг не отпускать его от себя. Челидзе исправно выполнял установку тренера — Демин был «выключен» из игры преследовавшим его буквально как тень динамовцем. Даже когда тот вышел за кромку поля и присел перешнуровать бутсу, Челидзе, как часовой, стоял над его головой. Демин не выдержал:

— Слушай, дай хоть тут вздохнуть свободно!

И услышал в ответ:

— Вставай побыстрее! Некогда разговаривать! Играть будем!

«НЕ АНЕКДОТ, А БЫЛЬ»!

ПОД таким заголовком в августовском (1925 г.) номере журнала «Физкультура», издаваемого Северокавказским советом физкультуры, была опубликована заметка, в которой рассказывалось следующее: «Недавно тифлисская команда имела два матча в Донецке. В первый день гости ушли с поля недовольными неправильным назначением 11-метрового удара в пользу хозяев поля. Игра не закончилась.

На следующий день тот же судья объявил гостям, что вчерашний штрафной будут бить сегодня. Удар был сделан, гол не забили. После того как был дан свисток об окончании матча, на поле вышел новый судья и началась игра с другой командой».

КАК ЗАПРАВСКИЙ ВРАТАРЬ

ПЕРВЕНСТВО страны 1941 года, прерванное войной, так и не было доиграно, и только в год Победы над фашизмом футболисты возобновили борьбу за звание чемпиона СССР. Но тот, предвоенный чемпионат оставил о себе добрую память многими запомнившимися матчами. Об одном из них, состоявшемся 1 июня — за три недели до начала войны — в Ленинграде, рассказал мне Шота Иосифович Шавгулидзе, бывший в ту пору начальником команды тбилисского «Динамо».

— Игра шла с нашим преимуществом, и в середине первого тайма Панюков с подачи Гавашели и Бережного забил два гола. Все вроде складывалось удачно. Но в самом начале второго тайма, после углового, нападающий ленинградского «Спартак» Смагин отыграл один мяч. Через полторы минуты Пайчадзе снова увеличивает разрыв до двух мячей; но волнениям нет конца: в суতোлке у ворот судья усматривает нарушение в действиях нашего вратаря Ткебучава и удаляет его с поля. Пришлось Панюкову натягивать на себя его свитер.

Характер матча изменился: хозяева поля воспряли духом и почти всей командой пошли в атаку, а наша защита пришла в замешательство. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не Панюков. Во время одной из атак «Спартак» он отбил труднейший мяч, летевший в угол ворот рикошетом от ноги нашего защитника Фролова. Потом за игру рукой Бердзенишвили ленинградцы получили право на пенальти. Панюков парировал его, но на этом наши волне-

ния не закончились — был назначен еще один одиннадцатиметровый, на сей раз за игру рукой Пехлеваниди. Мяч пролетел мимо ворот.

Так, со счетом 4:1 и закончился этот матч, по ходу которого Паниуков-форвард забил два гола, а Паниуков-вратарь взял два «мертвых» мяча.

ПОПУЛЯРНОСТЬ «ПОДВЕЛА»

...НА ПЛОЩАДКЕ ничего интересного не происходило, и зрители скучали в ожидании следующего матча. Из репродуктора звучал голос судьи-информатора. И вдруг: «Руководителя команды Тбилиси просят к главному судье».

В дальнем углу зала с места поднялся мужчина среднего роста с копной курчавых волос и направился к судейской. По рядам пронесся шепот, где-то раздались одинокие, робкие хлопки. Их поддержали. Еще. И еще. А через секунду-другую аплодировал весь зал.

Эти аплодисменты никак не относились к тому, что происходило на баскетбольной площадке (дело было в Киеве, где происходили соревнования сильнейших баскетболистов страны). Аплодисменты адресовались южанину, торопливо шагавшему мимо трибун. Чувствовалось, они застигли его врасплох — он был явно смущен. Так любители спорта приветствовали популярнейшего советского футболиста Бориса Пайчадзе. Мало кто из них знал, что, покинув поле, Борис Соломонович возглавил Тбилисский комитет физкультуры и приехал в Киев в качестве руководителя делегации грузинских баскетболистов.

«КАКОЙ ГУРГЕНИДЗЕ?!»

В НАЧАЛЕ 1959 года в Тбилиси проходил финал XXVI чемпионата по шахматам, в котором выступали два будущих чемпиона мира — Тигран Петросян и Михаил Таль, пользовавшиеся особыми симпатиями тбилисцев. Молодой рижанин, успевший в свои 23 года дважды выиграть золотую медаль чемпионата СССР, очень быстро стал всеобщим любимцем, а у Тиграна Петросяна, родившегося в нашем городе и добившегося здесь первых успехов, было много поклонников среди тбилисцев.

В те дни происходило немало интересного и любопытного,

и не только на сцене театра имени Руставели, где выступали шахматисты, но и за ее пределами. О трех случаях рассказы-
вается ниже.

041935940
20230110333

* * *

ЗАКОНЧИЛСЯ очередной тур. Страсти улеглись, зрители, а вслед за ними и участники стали расходиться. Вот из здания театра торопливо выходит Михаил Таль, что-то очень оживленно обсуждающий со своим тренером Александром Кобленцом. На коротком пути от театра до гостиницы «Тбилиси» их не раз останавливают, засыпая вопросами о только что закончившемся туре и, в частности, об отложенной в весьма сложной позиции партии чемпиона Грузии Бухути Гургенидзе.

— Как вы расцениваете его позицию?

— Сумеет ли Гургенидзе спасти партию?

— А нет ли шансов на выигрыш?

И так далее и тому подобное. Вопросы сыпались один за другим. Впору выставить демонстрационную доску прямо на улице и прокомментировать партию.

Вдруг, уже у самой гостиницы, когда шахматисты вышли из окружения болельщиков, их окликнул шедший навстречу старик:

— Простите, который час?

Увлеченные разговором, Таль и Кобленц не расслышали вопроса. Решив, что перед ними очередной из многочисленных болельщиков, гроссмейстер ответил:

— Гургенидзе? Отложил в трудной позиции.

— Какой Гургенидзе? — недоумевая спросил старик, но ответ на свой вопрос так и не получил...

* * *

В СВЯЗИ с болезнью соперника Михаил Таль оказался в тот вечер не у дел и вынужден был довольствоваться ролью зрителя. Тур был уже в разгаре, когда он появился на сцене. Окинув взглядом демонстрационные доски и ненадолго задержавшись у некоторых столиков, он исчез.

Через минуту гроссмейстер был уже в пресс-бюро, где тренеры и журналисты обсуждали события, происходящие этажом выше. Взглянув на доски, воспроизводящие партии тура, Таль заметил, что демонстраторы-связные не успели перенести на них по меньшей мере по 3—4 хода. Не ожидая, пока будут принесены бланки с записями партий, он по-

памяти «доиграл» эти ходы и за белых и за черных на всех девяти досках. Несколько минут, проведенных на сцене, оказалось достаточно, чтобы не только ознакомиться со всеми играемыми партиями, но и удержать в памяти каждую из позиций.

* * *

КУИБЫШЕВСКИЙ мастер Лев Полугаевский во встрече с Тиграном Петросяном получил лучшую позицию. Случилось это после того, как король белых (белыми играл Полугаевский) энергично ворвался на ферзевый фланг, в результате чего гроссмейстер лишился пешки.

Партия была отложена, большинство специалистов считало, что положение гроссмейстера очень сложно, его молодой соперник имеет большие шансы на выигрыш. Так думали многие, так думал и Полугаевский.

И, пожалуй, только Тигран Петросян не разделял этого мнения. Когда неофициальное продолжение поединка и разбор вариантов были перенесены в пресс-бюро и восстановлена прерванная позиция, гроссмейстер сказал, что видит у черных хорошие шансы на ничью. Но, обойдя столик и взглянув на доску «с позиции белых», воскликнул:

— Черт возьми, до чего же плохи у черных дела...

Первая оценка оказалась все же верней — путь к ничьей был найден, партия спасена.

С о д е р ж а н и е

ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»
ЗА 1985 ГОД

С Пленума ЦК КПСС 11 марта 1985 года. IV, 3.

Навстречу XXVII съезду КПСС

- ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Современность и грузинская литература. XII, 130.
МАЧАИДЗЕ Л. Природа ждет взаимности. XI, 90.
МЕРКВИЛАДЗЕ Г. За высоко нравственного современно-го героя. X, 98.
МЕТРЕВЕЛИ Г., ПРУИДЗЕ Л. Высоко в горах. IX, 114.
МЕХРИШВИЛИ Д. Контуры будущего. VIII, 114.
ОСИНСКИЙ В. Утоление жажды. VII, 104.

Публицистика

- МАЧАИДЗЕ Л. Девятый вал на глади Палеостоми. III, 47.
НИШНИАНИДЗЕ Ш. Кредо писателя-коммуниста. III, 3.

40 лет Великой Победы

- ВАХТАНГАДЗЕ В. Подвиг в Суарском ущелье. IV, 121.
ДАВИДОВ Р. Годы войны, годы труда. V, 128.
ДЖАНАШВИЛИ Д. Память. I, 143.
МОРНЕВ А. Госпиталь формировался в Тбилиси. V, 148.
НЕБОЖЕНКО Т. В бой вступили «Катюши». V, 118.
Память. V, 3.
РЕУВЕИК Д. Экстренное сообщение. III, 25.
РЕХВИАШВИЛИ С. Страницы боевой дружбы. V, 135.

ФРОЛОВ А. «В нашей стране таких, как я, много...» V, 113.

ШАРОЕВА Т. Мы спасали мир. V, 162.

Поэзия

- АЛИХАНОВ С. VII, 50.
АЛХАЗИШВИЛИ Г. VIII, 40.
АСАЕВ Р. XII, 127.
БАРАТАШВИЛИ М. III, 15.
БЕДИАНИДЗЕ Д. III, 20.
ВАЧНАДЗЕ Ю. VI, 221.
ГАГУА Х. IX, 3.
ГВЕТАДЗЕ В. V, 12.
ГЕГЕЧКОРИ Г. VI, 6.
ГОБОЗОВ В. XI, 31.
ГОГИЧАШВИЛИ Н. III, 21.
ГОНАШВИЛИ М. III, 20.
ГОРГАНЕЛИ В. IV, 21; V, 11.
ДАИАНИ И. VIII, 97.
ДЖАВАХИШВИЛИ Т. III, 18.
ДЖАНГУЛАШВИЛИ Т. V, 10.
ДЖАПАРАШВИЛИ Л. III, 19.
ЖВАНЯ Н. III, 22.
ИВАРДАВА Д. IX, 49.
КАЛАДЗЕ К. XI, 24.
КАЛАНДАДЗЕ А. X, 3.
КВЛИВИДЗЕ М. VIII, 3.
КОРИНТЭЛИ К. III, 19; XII, 128.
КУРАШВИЛИ А. X, 28.
КУХИАНИДЗЕ З. I, 58.
ЛОМИА К. XI, 28.
ЛОРДКИПАНИДЗЕ З. XII, 68.
МАРГИАНИ Р. V, 8; XII, 3.
МАЧАВАРИАНИ М. I, 3.
МРЕВЛИШВИЛИ М. III, 14.
МХАРГРДЗЕЛИ С. V, 13.

НОНЕШВИЛИ И. V, 9.
ПОЦХИШВИЛИ М. IV, 17.
РИЖИНАШВИЛИ У. VI, 8.
САМХАРАДЗЕ Э. III, 17.
СИНЕЛЬНИКОВ М. IX, 106.
СТЕПЧЕНКО К. III, 22.
СУЛАБЕРИДЗЕ Л. V, 10.
ТАБИДЗЕ Т. XI, 3.
УРУШАДЗЕ П. IV, 112.
ХОДАШНЕЛИ Ш. VI, 92.
ЧАРКВИАНИ Д. VI, 3.
ЧАХАВА Д. VII, 26.
ЧИЛАДЗЕ О. VII, 3.
ЧКОНИЯ Д. VI, 96.
ШАЛАМБЕРИДЗЕ О. VIII, 95.
ШОГЕНЦУКОВ А. IV, 107.

Проза

АМИРЭДЖИБИ Ч. Сказки.
VI, 101.
БАБАЕВ С. Рассказы. V, 89.
БРЕГВАДЗЕ Л. Рассказы.
VII, 31.
БРОЕВ В. Джемал Рашоев.
VII, 79.
БУАЧИДЗЕ Т. Дорога в Дет-
ство. IV, 24; V, 15; VI, 14.
ГЕЛАШВИЛИ Н. Еду в Мад-
рид. X, 11.
ГРИГОЛИЯ Г. Взятка. VIII,
100.
ДЖАВАХИШВИЛИ Д. Рас-
сказы. VIII, 8.
ДОЛИДЗЕ М. Рассказы. XI,
9.
ЗАРИДЗЕ Э. Пастух. IV, 115.
ЗЛОБИН И. Рассказы. IX,
III.
ИОСЕЛИАНИ О. Новеллы. I,
10; III, 66.
ИРЕМАДЗЕ А. Окно в прош-
лое. I, 62; III, 98.
КИРИА Д. Две новеллы. VII,
53.
МЕЛИҚ-ПАШАЕВ А. Семь се-
зонов в Тифлисской опере.
III, 149.
МИРОШНИЧЕНКО В. «Вас
ждут в Параули, Реваз». V,
95.
ОРБЕЛИАНИ В. Повесть о
Петергофе. III, 138.

ПАНДЖИКИДЗЕ Г. Песенные
часы. VII, 11.
ПАПАУШВИЛИ Г. Лочо. VIII,
7.
ТАБАТАДЗЕ К. Рассказы.
VIII, 44.
ФЛОРЕНСКИЙ П. Природа.
IX, 76; X, 64.
ХОРГУАШВИЛИ Г. Рассказы.
IX, 54.
ЧАДУНЭЛИ И. Рождествен-
ский бал. X, 32; XI, 33; XII,
73.
ЧХИКВАДЗЕ В. Рассказы. X,
8.

Критика и литературоведение

АРВЕЛАДЗЕ Б. Поэт и граж-
данин. VIII, 158.
БАРБАКАДЗЕ Т. К истории
исследования сонета в Гру-
зии. XI, 135.
БАРНОВ Г. Приключения од-
ного сказочного героя. IV,
138.
БОГОМОЛОВ И. В общем
многоголосии—свой голос.
VI, 136.
БОСТАНДЖЯН А. Среди ар-
мянских друзей. III, 172.
ВОРМАН М. Не ищите себе
других наград... IX, 122.
ГВЕТАДЗЕ М. Верность. IV,
130.
ГОГУАДЗЕ В. Старец Зоси-
ма и отец Сергей. XI, 125.
ДАРСАВЕЛИДЗЕ З. Часть
большой судьбы. XII, 167.
КОНДАХСАЗОВА Д. Заметки
об афоризме. VI, 148.
МАГАРОТТО Л. Присутствие
отсутствующего слова. IX,
155.
МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. Мыс-
ленно воскрешая образ
М. Бажана. VII, 145; Штри-
хи к двум портретам. XI,
105; Книга о судьбе вели-
кого поэта. XII, 151.
МЕГРЕЛИДЗЕ И. Ученый-
патриот. XII, 162.
МЕЙЗЕРСКАЯ Т. Великий

- путь любви и скорби. VII, 136.
- МЕРАБИШВИЛИ И. «...Невозможно отказаться от этой мечты». III, 179.
- МХИТАРЯН А. Закавказское «гнездо» русской литературы. IX, 132.
- НЕРЛЕР П. «Con amore!» XI, 149.
- РУДЕНКО-ДЕСНЯК А. На своей земле. VII, 121.
- СИГУА С. Понски героя. I, 155.
- СТУРУА З. Грузинская тема в творчестве К. Гольдонн. XI, 143.
- ТУХАРЕЛИ Д. Последний раз в Тбилиси. IX, 140.
- ФАЛИЛЕЕВА А. Тифлисский Печорин. X, 129.
- ХИХАДЗЕ Л. Пушкинские «Медный всадник» и «Цветок» в грузинской поэзии. I, 160.
- ЦАИШВИЛИ С. На перекрестках новой грузинской поэзии. V, 173.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО В. Временные отношения в поэзии Н. Бараташвили. IV, 151; Проблемы теории и истории сонета. VIII, 169.
- ЧИЛАДЗЕ Т. Из книги «Древнейший язык любви». VIII, 122.
- ЧХАИДЗЕ Т. Критическая мысль в современной грузинской прозе. VI, 123.
- ЧХАРТИШВИЛИ Р. Благоволение музы. III, 166; Собственный голос. XII, 145.
- ЧХЕИДЗЕ И. Надежда. VI, 111.
- ЮДКОВСКАЯ Е. В час ожидания атаки. XI, 118.

Очерк

- ЛЕЙБЕРОВ И. Ночной рейс броненосца «Потемкин». I, 126.

МИРОШНИЧЕНКО В. Звезда на рейхстаге. X, 151.

ШАВЛИАШВИЛИ М. Гитлер и Петре Майсурадзе. V, 104.

Из архива писателя

АСАТИАНИ Г. Как любили в Грузии. VII, 154.

Проблемы зарубежной культуры

КУЧАВА Э. «Сторожевая башня» Аны Марии Матуте. XI, 169.

ЦИНЦАДЗЕ Т. Какого цвета американская культура. X, 138.

Рецензии

АЛЕКСАНДРОВ В. В огне боев черпали Слово... V, 193.

АНОХИН Ю. Вместо рецензии. IV, 185.

АХВЕРДЯН Р. Главный герой — немеркнущая дружба. XII, 187.

БЕКАУРИ В., ТИХОНОВА Л. Мужество добра. III, 186.

ГАСПАРОВ М., СЛИВНЯК Д. Новое издание классической поэтики. VII, 183.

ГАЦЕРЕЛИА А., БРЕГВАДЗЕ Б., КВИТАИШВИЛИ Э., КУРДИАНИ М. Книга, изданная в Венеции. I, 204.

ДЕНИСОВ Ю. Поэтическая проза С. Пайчадзе. XI, 174.

ЗЛАТКИН А. Послание к людям, XII, 185.

ЕРЕМЕНКО В. Кто плачет в ночь? VII, 180.

КАДАГИДЗЕ М. «Жизнь царицы цариц Тамар». XII, 183.

КОНДАХСАЗОВА Д. Три триединства. VII, 175.

ЛЕЖАВА И. Сокровенное одеяние слова. IV, 177.

ЛОРДКИПАНИДЗЕ О. Взаимодействие двух культур. IV, 172.

ОДИНЦОВА Л. Феномен Вознесенского. I, 215.

ПРОСТОСЕРДОВ В. О чем молчала песня. V, 194.

РАЗМАДЗЕ М. Поэт своего времени. IV, 188.

ТИХОНОВА Л. Осваивая впервые важную тему... IV, 181;

Сердца связующая нить. VIII, 177; Сорокалетию Победы посвящается. XI, 178.

ФЕДОРОВ А. Глазами немецкого друга. III, 195.

ЦХОВРЕБОВ Н. Единый мировой процесс. III, 191.

Реплика

БЕК Т. Как не делать переводы. IX, 162.

Наши публикации

ЧИКОВАНИ Н. Дневник Марики. I, 171.

Документы. Письма. Воспоминания

БЕБУТОВ Г. Встречи на всю жизнь. VIII, 181.

БУЯНОВ М. Жена генерала Багратиона. V, 210.

ВАДАЧКОРИЯ Н. «...Как на духу в стихах поведай...» IX, 166.

ГУППЕРТ Г. «Страна, люди — одно восхищение!» VII, 187.

ДЗИДЗИГУРИ О. Письмо в редакцию. VIII, 194.

ИШХНЕЛИ А. Перечитывая письма. VI, 188.

КОРСУНСКИЙ М. Грузинская сказка адмирала Исакова. VII, 202.

МАРГИАНИ Н. «Я был счастлив с вами, с моими грузинскими друзьями». XI, 182.

СИХАРУЛИДЗЕ П. Грузинская первопечатная книга в Москве. IV, 199.

ФЕДОРОВ В. Следствие в Кавказском тайном обществе. IV, 189.

ХЕТЕРЕЛИ Ц. Патардзеули, родимый очаг. X, 177.

Искусство

БЕНЬЯШ Р. Веселая серьезность. XII, 196.

БЕСТАВАШВИЛИ А. Талантливый поиск. VII, 211.

ГЕГЕЧКОРИ Г. Волшебный ковер Зураба Нижарадзе. VII, 207.

ГУГУШВИЛИ Э. Мастер художественного слова. VIII, 197.

ДАВЫДОВ И. Один год в жизни Ю. А. Шапорина. V, 205.

ДАНСКЕР О. Тбилиси — город его детства. VII, 216.

ДЕМИН Г. Если сличить силуэты. X, 205.

ДУМБАДЗЕ Э. Жизнь в искусстве. IX, 196.

ЗЛАТКЕВИЧ Л. Ладо Гуднашвили против фашизма. V, 198; Его мир материален, прочен, крепок. XII, 204.

ЗЛАТКИН А. Весна уходит. IV, 216.

ИАКАШВИЛИ П. Лиана Элиава. VI, 203.

КАТАЕВА - ЛЫТКИНА Н. «Океания» Ирины Гагуа. III, 200.

КЛОДТ Л. Обращение к фотографии. X, 217.

КОСТИНА О. Мераб Бердзенишвили. IV, 206.

КУЗНЕЦОВ Э. Формула родного края. I, 218.

МОЛДАВСКИЙ Д. Зимний этюд. XI, 193.

МУМЛАДЗЕ Д. Мир, созданный вдохновением. III, 206.

- ПЕТКЕВИЧ Т. «Перстами легкими, как сон...», XII, 197.
- ПИЧХАДЗЕ М. Художественный мир С. Цинцадзе. IX, 213.
- ФАЛИЛЕЕВА А. «Герой нашего времени» в грузинском кино. VI, 215.
- ФЕВРАЛЬСКИЙ А., РАТИАНИ И. Гордость грузинского театра. XI, 212.
- ХИХАДЗЕ Л. Давний сценарий и новый спектакль. VI, 197.
- ЧХЕИДЗЕ А. Итальянская опера в Грузии. VIII, 211.

Наука

- ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. От гипотезы к теории. IV, 161.
- МЕТРЕВЕЛИ Р. Охраняя культурное наследие. IX, 177.

Люди и факты

- ОРЛОВСКАЯ Н. Доктор Прибиль. XI, 188.
- ФИЛИНА-РАМИШВИЛИ М. Рыцарь переводческого дела. IX, 191.
- КАРБЕЛАШВИЛИ А. От Шипки до Тифлиса. XII, 191.

К 90-летию со дня рождения Тициана Табидзе

- КШОНДЗЕР М. «Не я пишу стихи...» XII, 174.

- ФИЛИНА-РАМИШВИЛИ М., КИАСАШВИЛИ Е. «Солнечному поэту Тициану Табидзе» X, 161.

К 80-летию

К. А. Лордкипанидзе

- НАТРОШВИЛИ Г. Большой день. VII, 103.

«Свидетельствует вещей знак...» II, 3—221.

Из блокнота журналиста

- АКОПОВ Г. Они были первыми. XII, 210.

Памяти Н. Думбадзе

- БАРУЗДИН С. «От нас зависит...» VI, 170.
- МАЛАЗОНИЯ Н. Интервью, которое не состоялось. VI, 175.

Некролог

- Эммануил Фейгин. V, 222.
- Кайсын Кулиев. VII, 221.

Хроника

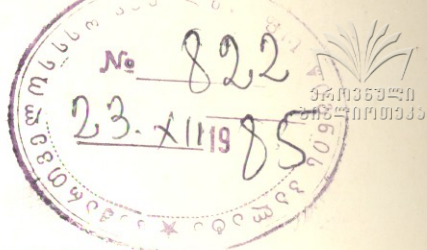
- I, 170, 203; II, 224; III, 165, 171, 185, 199, 205; IV, 120, 223; V, 88, 224; VI, 223; VII, 215, 222; VIII, 39, 99, 223; IX, 223, X, 223; XI, 223; XII, 182, 190, 209.

Коротко об авторах

- 1, 224; VII, 224; VIII, 94; IX, 224; XI, 224.

Сдано в набор 22.X. 85 г. Подписано к печати 25.XI.85 г.
 Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л.
 11,97, Уч.-изд. л. 14,0 УЭ 08259. Тираж 6000 экз. Заказ 2438.
 Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Тел. 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

ИНДЕКС 76/17

2.6.-85

85-822

УДК 62-85
ББК 62-01

